

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ПАРФЕНОВА

Юлия Владимировна

**СЕТЕВЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Специальность 23.00.02 –

политические институты, процессы и технологии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Научный руководитель:

д. экон. н., проф. С.Г. Еремеев

Санкт-Петербург

2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. Сетевое измерение политического участия в современном обществе.....	12
1.1. Концепт политического участия в современной теоретической политологии.....	12
1.2 Кризис традиционных институтов политического участия и представительства интересов в условиях сетевого общества.....	27
ГЛАВА II. Сетевые формы участия в политике как ответ на кризис традиционных институтов представительства.....	41
2.1. Методологические аспекты анализа новых форм участия в политике.	41
2.2. Структурные и содержательные особенности сетевых форм участия в политике.....	53
2.3. Сетевые формы участия в политике как катализаторы протестных настроений на постсоветском пространстве.....	71
ГЛАВА III. Перспективы развития сетевых форм участия в современной России.....	89
3.1. Сетевое участие и политические протесты в современной России.....	89
3.2. Роль сетевых инструментов участия в снижении протестной активности граждан.....	112
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	141
СПИСОК ЛИТУРАТУРЫ.....	147

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Актуальность исследования определяется целым рядом теоретических и прикладных проблем, которые до сих пор не находят достаточной разработки в отечественных и зарубежных исследованиях. Прежде всего, необходимо отметить противоречивость оценок роли и эффективности интернет технологий в обеспечении более высокой степени участия граждан в реальном политическом процессе. До сегодняшнего дня она не находит решения в связи с отсутствием достаточной эмпирической базы, которая позволила бы провести сравнительный анализ эффективности традиционных и новых, сетевых форм политического участия и, во-вторых, с недостатками разработанности методологических инструментов исследования сетевого политического участия.

С другой стороны, необходимо отметить и прикладной аспект данной проблемы, заключающийся в сверхбыстром распространении протестных сетевых форм политического участия в современном мире. Для России эта тема не менее актуальна. Так, сетевой характер протестных акций в Москве 2011-2012 гг. определялся в исследованиях отечественных авторов исключительно высокой активностью в социальных медиа т. н. «рассерженных горожан», когда роль узловых центров политической мобилизации стали выполнять специально созданные тематические онлайн сообщества. Вопрос перспективы использования данных технологий для организации протестных акций и, в конечном счете, смены политического режима год от года становится все более актуальным, несмотря на определенное снижение накала протестных настроений после 2012г. Очевидно, что сетевое участие в политике непосредственно влияет на стабильность политической системы и эффективность ее функционирования не только в рамках определенных электоральных циклов. Глобальный

характер сетевых ресурсов predetermined чрезвычайно высокую связанность внутренних и внешних политических процессов, возможность оказывать целенаправленное воздействие на политические режимы извне посредством формирования в общественном сознании протестных установок.

Степень научной разработанности проблемы.

Рассматриваемая в исследовании проблематика имеет существенный научный задел как в зарубежных, так и в ведущих российских научных центрах. На сегодняшний день опубликован достаточно большой массив литературы, посвященной анализу политических сетей и сетевых (онлайн) форм политического участия.

Так, за рубежом исследования сетевого политического участия, проводились: К. Ширки^{1 2} (теория минимизации затрат), Дженкинсом Х.³, Рейнгольдом⁴ (теория «умной толпы»), Е. Морозовым⁵ и З. Бауманом⁶⁷ (концепция «слактивизма»), М. Кастельсом⁸⁹¹⁰, Дж. Александером¹¹ (концепция социального перформанса), Р. Роудсом¹², У. Кикертом¹³, Дж. Койманом¹⁴, Э. Соренсен¹⁵ (концепция сетевого участия в управлении) и пр.

¹ Shirky C. Cognitive Surplus: How Technology Makes Consumers into Collaborators. L.: Penguin Books, 2011, 256 p.

² Ширки К. Включи мозги. Свободное время в эпоху Интернета / пер. с англ. Д. Стороженко. М.: Карьера Пресс, 2012, 272 с.

³ Jenkins H. Convergence: Where old and new media collide. New York: New York University Press, 2006, 308 p.

⁴ Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция. М.: Фаир-пресс, 2006, 416 с.

⁵ Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ, 2014, 570 с.

⁶ Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008, 240 с.

⁷ Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред В. Л. Иноземцева; Центр исслед. постиндустр. о-ва, журн. «Свободная мысль». М.: Логос, 2002, 325 с.

⁸ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. М.: Academia, 1999, 494 с.

⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000, 608 с.

¹⁰ Castells M. The Power of Identity. The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. II. Oxford, UK: Blackwell Publishing, 2004, 584 p.

¹¹ Александер Дж. Об интеллектуальных истоках «сильной программы» / пер. с англ. Д. Куракина // Социологическое обозрение. Т. 9. № 2, 2010, с. 5-10

¹² Rhodes R. Control and power in central-local government relations (revised ed.). Aldershot, Hants, England Brookfield, Vermont: Ashgate, 1999, 214 p.

¹³ Kickert W.J.M., Klijn E. H. & Koppenjan J. F. M. Managing complex networks: strategies for the public sector. London: Sage Publications, 1997, 211 p.

¹⁴ Kooiman, J. (Ed.). Modern governance: New government-society interactions. London: Sage, 1993, 280 p.

В более широком контексте проблематика новых форм участия в политике и расширения такого рода участия рассматривалось в рамках теории партисипативной демократии Б. Барбером¹⁶, П. Бахрахом¹⁷, К. Макферсоном¹⁸, К. Пейтмэном¹⁹, Дж. Циммерманном и др.

К ведущим российским авторам, занимающимся сетевыми формами участия, следует отнести: Сморгунова Л. В.^{20,21,22}, Мирошниченко И. В.^{23,24}, Морозову Е. Г.²⁵, Градосельскую Г. В.^{26,27}, Курочкина А. В.^{28,29,30}, Мартьянова Д. С.^{31,32}, Соколова А. В.³³, Шерстобитова А. С.^{34,35} и др.

¹⁵ *Sorensen E., Torfing J.* The Democratic Anchorage of Governance Networks // *Scandinavian Political Studies*. 28(3), 2005, 195-218 p.

¹⁶ *Barber B.* Participatory Democracy // *Encyclopedia of Democracy*. Vol. 3 N.Y., 1995, 923 p.

¹⁷ *Bachrach P.* The Theory of Democratic Elitism: a critique. Boston, MA: Little, Brown, 1967, 109p.

¹⁸ *Макферсон К. Б.* Жизнь и времена либеральной демократии / Пер. с англ. Кырлежева А. М.: Издательский дом Гос. ун-та - Высшей школы экономики, 2011, 174 с.

¹⁹ *Pateman C.* Participation and Democratic Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1970, 122 p.

²⁰ *Сморгунов Л.В.* В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб.: Изд. С.-Петербур. ун-та, 2012, 362 с.

²¹ *Сморгунов Л.В.* Сетевые политические партии // *Политические исследования*. Полис. 2014. № 4 с. 21-37

²² *Сморгунов Л.В.* Электронное правительство, менеджмент знания и административные реформы // *Политэкс. Политическая экспертиза. Альманах*. Вып. 2. СПб.: Изд. С.-Петербур. ун-та, 2005, 213-225 с.

²³ *Мирошниченко И.В.* Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013, 295 с.

²⁴ *Мирошниченко И.В., Морозова Е.В., Гнедаш А.А., Рябченко Н.А.* Социальные сети в публичной практике современной России: модернизационный потенциал. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012, 181 с.

²⁵ *Морозова Е.Г.* Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели. М.: РОССПЭН, 1999, 247 с.

²⁶ *Градосельская Г. В.* Сетевые измерения в социологии: Учебное пособие / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004, 248 с.

²⁷ *Градосельская Г.В.* Сетевые коммуникации в профессиональном сообществе. // *Коллективная монография под. Ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой, Э. М. Свицерски. Социальные науки в постсоветской России. //Институт социологии РАН, Университет Фрибурга, Швейцария. Москва, «Академический Проект», 2005, 228-261 с.*

²⁸ *Курочкин А.В.* Инновационная политика в условиях сетевого общества (североевропейская модель). СПб.: Изд-во РХГА, 2013, 132 с.

²⁹ *Курочкин А.В., Шерстобитов А.С.* Политика и государственное управление в условиях сетевого общества. СПб.: Изд. С.-Петербур. ун-та, 2012, 152 с.

³⁰ *Курочкин А.В.* Краудсорсинг как новый метод политического управления в условиях сетевого общества // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 9-1 (35), 2013, 78-81 с.

³¹ *Мартьянов Д.С.* Политические акторы в сети Интернет // *Штудии: Альманах научно-образовательной практики*. Вып. 4. СПб.: изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004, 44-48 с.

³² *Мартьянов Д.С.* Виртуальные сообщества в блогах: практика взаимодействия с политическими акторами // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради*. СПб. №13(36), 2007, 67-75 с.

³³ *Соколов А.В., Дементьев А.А.* Онлайн-фандрайзинг в России: особенности, примеры и результаты // *Вестник Пермского университета. Серия Политология*, №1. 2013, 20-35 с.

Объектом диссертационного исследования является процесс политического участия в современной России и на постсоветском пространстве с использованием новых сетевых форм и методов.

Предметом исследования являются стратегии развития и проблемы использования современных интернет-технологий в процессе обеспечения политического участия в Российской Федерации и на постсоветском пространстве в 2000-ые годы.

Хронологические рамки диссертации охватывают период с 2004 по 2016 год. Нижняя граница исследования определяется началом активного использования сетевых технологий в ходе т.н. «цветных революций» различными политическими акторами как внешними, так и внутренними. Примерно к 2010 году был осуществлен переход к новому качественному типу политической коммуникации в Интернете, характеризующемуся как сетевое политическое участие. Данные хронологические рамки позволили провести сравнительный анализ характера и содержания трансформаций политико-коммуникационного пространства, в рамках которого реализуется сетевое участие на постсоветском пространстве.

Цель диссертации заключается в сравнительном анализе отличительных характеристик и эффективности применения новых сетевых технологий политического участия в РФ и на постсоветском пространстве.

Поставленная цель достигается в исследовании посредством решения следующих взаимосвязанных **задач**:

- анализа основных теоретических подходов к исследованию сетевого политического участия как конвенционального, так и неконвенционального характера;

³⁴ *Шерстобитов А.С.* Моделирование политических сетей как метод анализа публичной политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения, № 4. 2012, 102-108 с.

³⁵ *Шерстобитов А.С.* Сетевые отношения / Сетевой анализ публичной политики: учебник / под ред. Л.В. Сморунова // Москва: РГ-Пресс, 2013, с.320

- сравнительного анализа новых форм и инструментов политического протеста в России XXI в. в аспекте оценки их «коммуникативной эффективности»;

- исследования факторов, влияющих на результативность новых форм протестной активности в онлайн и оффлайн пространстве;

- анализа региональных особенностей российского сетевого участия на современном этапе развития политического процесса;

- выявления основных характеристик институционального дизайна сетевого политического участия в России, влияющих на эффективность его мобилизационного и координационного потенциала.

Методология диссертационного исследования.

Методологическую основу проведенного исследования составили общесистемный, неоинституциональный и компаративистский подходы.

Общесистемный подход использовался в исследовании как основа анализа сетевых форм политического участия в условиях современной политической системы России и ряда стран постсоветского пространства, определения связи этих форм с динамикой протестной активности.

Неоинституциональная методология была использована для анализа форм координации и решения проблемы обеспечения коммуникативной эффективности взаимодействия различных акторов в процессе политического участия.

Компаративистский подход был применен для проведения сравнительного анализа новых сетевых форм политического участия на постсоветском пространстве (проведение кросс-национального сравнения) и региональном уровне Российской Федерации (кросс-региональное сравнение).

Научная новизна.

Научная новизна исследования определяется следующими положениями:

- определением и сравнительным анализом условий обеспечения коммуникативной эффективности использования сетевых технологий в процессе активизации политического участия в России и на постсоветском пространстве;

- выявлением роли и значения сетевых инструментов в конструировании коммуникативного пространства процесса политического участия;

- анализом компенсаторной функции социальных сетей и их ключевых характеристик как универсального коммуникативного механизма, обеспечивающего процесс политического участия;

- выявлением замещающей роли инструментов участия, разработанных в рамках проекта «Открытое правительство» и обеспечивающих возможность политической активности граждан в конвенциональных формах.

Положения, выносимые на защиту:

1. В диссертации обоснован тезис о том, что в современном политическом процессе наиболее существенную роль играют новые средства массовой коммуникации - социальные сети, характеризующиеся такими чертами как: высокая доступность, периодичность, интерактивность (встроенный механизм обратной связи), относительно точное измерение эффективности обратной связи, применение мультимедийных технологий, что определяет их потенциал в обеспечении различных форм политического участия как конвенциональных, так и неконвенциональных;

2. Доказана недостаточность инструментального подхода, осуществляемого в логике постиндустриализма и теории информационного общества, для объяснения феномена новых,

сетевых форм политического протеста. Вне зависимости от того, какую позицию по отношению к роли интернет-технологий в политическом процессе (оптимистическую, пессимистическую или нейтральную) не занимали бы авторы таких концепций, требуется методология, позволяющая адекватно проанализировать то, как меняется содержание современного политического протеста в терминах идентичности протестных групп, их институционального оформления и оппозиции властным институтам;

3. Установлено, что различные виды сетевых ресурсов - контактные и контентные сети, выделяемые по характеристикам направленности информации, открытости, интерактивности, обладают разным потенциалом влияния на мобилизацию, консолидацию и координацию участников политического процесса;

4. Доказано, что ключевыми характеристиками сетевых ресурсов в аспекте обеспечения политического участия является их мультифункциональность, потенциал формирования доверия к информации и распространяющим ее акторам, а также их социабельность;

5. Анализ российской практики развития сетевых форм политического участия 2011-2015 гг. показал, что активизация использования основных видов сетевых ресурсов в значительной степени способствовала снижению протестного политического участия жителей крупных городских центров (так называемых «рассерженных горожан» или «креативного класса») и канализировала их гражданскую активность в направлении обсуждения и решения локальных социальных и экономических проблем.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составляют следующие группы источников:

- нормативно-правовые акты и официальные документы органов государственной власти и местного самоуправления Российской Федерации;
- официальные выступления и интервью отечественных и зарубежных политических и государственных деятелей;
- результаты социологических опросов и мониторинговых исследований;
- статистические материалы российских и иностранных статистических агентств и научных центров.

Степень достоверности и апробация диссертационной работы.

Степень достоверности достигнутых в работе результатов определяется использованием признанных научных методов исследования и опорой на обширный эмпирический материал, включающий в себя: статистические данные по использованию различных социальных медиа в политике, результаты мониторинговых исследований общественного мнения, нормативно-правовые акты органов государственной власти, материалы прикладных политологических исследований и пр.

Основные положения работы были апробированы в ходе выступлений автора с докладами на следующих научных конференциях:

Парфенова Ю.В. Сетевые формы политического протеста как фактор нестабильности политических и экономических режимов // Материалы Международной научной конференции «Проблема устойчивости политических систем современного мира» 29 января 2015, г. Санкт-Петербург

Парфенова Ю.В. Сетевые технологии политического участия в эпоху глобализации // Материалы VII международной молодежной конференции «Россия в новом геополитическом пространстве», 22-23 апреля 2015, г. Санкт-Петербург

Парфенова Ю.В. Многоуровневый парламентаризм в Европе: место национальных парламентов // Сборник публикаций Центра гуманитарных

исследований «Социум»: «XXVII международная конференция посвященная проблемам общественных наук»: сборник со статьями. – М.: Центр гуманитарных исследований «Социум», 2014. с. 27-30.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, подразделенных на семь параграфов, заключения и списка литературы.

ГЛАВА I. Сетевое измерение политического участия в современном обществе

1.1. Концепт политического участия в современной теоретической политологии

Политическое участие относится к наиболее востребованным категориям политической науки и, одновременно, является предметом многочисленных исследований, как в России, так и за рубежом. Такой интерес к проблематике участия не случаен и не без оснований можно предположить, что в среднесрочной перспективе он не только не снизится, но будет постоянно возрастать. Этому видится несколько причин.

Первая заключается в перманентном и идущем всевозрастающими темпами процессе усложнения современного общества. Какой бы из подходов к его анализу мы не брали (синергетическую концепцию, аутопойетическую концепцию Н. Лумана, концепцию «общества риска» У. Бека, общества постмодерна, сетевого общества М. Кастельса или общества знания) во всех подчеркивается исключительная сложность и неустойчивость современной социальной системы, сложность и разнонаправленность структурных связей и коммуникаций, невозможность эффективного управления общественными процессами из одного центра. Не случайно один из наиболее часто встречающихся терминов в дискурсе современных политиков, топ-менеджеров крупнейших корпораций, аналитиков и экспертов – это заимствованный из лексикона финансистов термин волатильность, обозначающий финансовый показатель, характеризующий изменчивость цены любого продукта или услуги³⁶.

³⁶ См., напр.: ПМЭФ-2012: глава Сбербанка Герман Греф предложил готовиться к кризису // Деловой Петербург 21 июня 2012 [Электронный ресурс] URL: http://www.dp.ru/a/2012/06/21/PMJEF-2012_glava_Sberbank/ (дата обращения: 25.08.2015)

В этой ситуации обеспечение широкого политического участия видится многим исследователям единственным эффективным средством, позволяющим обеспечить их относительную управляемость.

Вторая причина заключается в идущем также сверхбыстрыми темпами процессе распространения информации и обеспечении широкого доступа к ней практически для всех слоев общества. Технологическое развитие второй половины XX века и, прежде всего, появление и распространение сетевых информационно-коммуникационных инструментов (интернет, внутренние компьютерные сети, электронная почта, многочисленные сетевые сервисы) нивелировали зависимость профессионального и социального статуса личности от доступа к информационным источникам, а интерактивные технологии Web 2.0 открыли возможность для многих (в ближайшей перспективе почти для всех) стать активными создателями, со-авторами информации. Это естественным образом стимулировало процесс расширения гражданского и политического участия, определив, с другой стороны, его принципиально новый статус – возможность реального со-участия в процессе принятия политических решений здесь и сейчас.

Наконец третья (но безусловно не последняя) причина видится в размывании традиционной социальной структуры современного общества. Социальная структура, группы, идентичность приобретают в новых условиях характеристики, ранее казавшиеся немыслимыми. Среди прочих можно выделить размытость, легкую проницаемость, а порой и кажущееся отсутствие границ между слоями и группами, высокую социальную мобильность, как по вертикали, так и по горизонтали, сетевизацию всего и вся. Этот фактор также, безусловно, повышает как потенциальные возможности, так и динамику политического участия.

Однако при всей очевидной актуальности проблематики политического участия приходится отметить значительные пробелы в его исследовании, как на концептуальном, методологическом, так и на прикладном аналитическом уровнях. Не случайно, российский исследователь М. Холмская в своей

работе «Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы» отмечает: «по общему признанию исследователей, ни в отечественной, ни в зарубежной современной научной литературе не существует однозначного определения понятия «политическое участие»³⁷.

При всей актуальности категории «политическое участие», интерес к ней проявляли политические мыслители на протяжении уже многих столетий. В.А. Евстафьев предложил следующую периодизацию развития данной категории в философии и политической науке:

1. На первом этапе (до последней четверти XIX века) развитие категории «политическое участие» происходит посредством рассмотрения отдельных аспектов участия в рамках политической философии.

2. Второй этап (конец XIX-первая половина XX века) актуализирует изучение наиболее распространенных форм участия в политике и государственном управлении (выборы, референдумы, местное самоуправление) в политической социологии и политологии.

3. Наконец, третий этап связан с развитием концепта «политическое участие» как самостоятельной категории в современных политологических концепциях.³⁸

Феномен политического участия рассматривался в политической философии начиная с древнегреческих классиков Платона и Аристотеля. Аристотель отмечал непосредственную связь между гражданином/гражданством и участием в делах государства (полиса): «лучше всего безусловное понятие гражданина может быть рассмотрено через участие в суде и власти»³⁹. Очень показательна в этом отношении фраза

³⁷ Холмская М. Р. Политическое участие как объект исследования (обзор отечественной литературы) // Полис 1999, №5, С. 170

³⁸ Евстафьев В. А. Категория политического участия в зарубежной и отечественной политической // Вестник Полесского государственного университета, 2015, №1, С. 51

³⁹ Аристотель Политика. Книга третья // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М: Мысль, 1983, С. 486

Аристотеля о том, что «спокойствие народа, лишенного права участвовать в управлении не служит доказательством правильности такого порядка»⁴⁰.

Практически все известные мыслители Нового Времени также обращались к феномену участия в делах общества и государства, однако чаще всего такое участие рассматривалось ими как «субсидиарное средство описания и создания идеальной модели политической стратегии для правителя (Н. Макиавелли), носителей суверенитета и различных образов правления (Ж. Боден), форм и принципов правления (Ш. Монтескье), природы общественного договора, форм правительства и народного суверенитета (Ж.Ж. Руссо)»⁴¹.

В современной политической теории категория «политическое участие» впервые была определена и раскрыта в ставшей классической работе американских политологов Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура: политические отношения и демократия в пяти нациях»⁴². Верба и Алмонд определяли политическое участие в контексте раскрытия другого понятия «политическая культура» как «действия граждан с целью прямого или косвенного влияния на отбор политических деятелей и их деятельность»⁴³. Схожим с Алмондой и Вербой образом определял политическое участие известный политолог Дж. Нагель, отмечавший, что политическое участие – это «действия, посредством которых рядовые члены любой политической системы влияют или пытаются влиять на результаты ее деятельности»⁴⁴.

Другое не менее авторитетное направление в исследовании проблематики политического участия – конфликтологическое было

⁴⁰ *Аристотель* Политика. Книга вторая // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М: Мысль, 1983, С. 436

⁴¹ *Болховитина Т.С.* О политическом участии: из истории политической мысли // Известия Тульского государственного университета 2011, №3, С. 255

⁴² *Almond G.A., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, N.J., 1963, 562 p.; *Алмонд Г.А., Верба С.* Гражданская культура и стабильная демократия // Политические исследования 1992, № 4, С. 122-134

⁴³ *Там же*, С. 123

⁴⁴ Цит. по: *Холмская М.Р.* Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // Полис. Политические исследования. 1999. №5, С. 171

представлено такими авторами как Л. Козер и Р. Дарендорф. Последний определял участие как: «упорядоченные формы дискуссии между классами», неизбежно возрастающие в условиях демократии, представляющей собой по Дарендорфу способ правления посредством (через) конфликты⁴⁵. Здесь обоснована идея развития демократических форм правления посредством роста шансов на политическое участие и увеличение числа конструктивных (управляемых) конфликтов, замещающих собой деструктивные.

Схожей точки зрения придерживался и Л. Козер, который актуализировал функции различных форм политического участия, как своеобразных канализаторов социального недовольства и негативных эмоций, позволяющих сохранять социальную структуру от разрушительных флуктуаций⁴⁶.

Стабилизирующая функция политического участия рассматривалась также и в рамках общесистемного и структурно-функционального подходов. Р. Мертон отмечал, что активное политическое участие является одним из ключевых факторов устойчивости политической системы, ее сбалансированности, важнейшим элементом политической машины, обеспечивающим эффективную демократию⁴⁷. Другой социолог Н. Смелзер подчеркивал, что стабилизирующая функция политического участия предохраняет демократическое общество от скатывания «в политический хаос или соскальзывания в авторитарные и тоталитарные режимы»⁴⁸.

Однако акцент на исключительно стабилизирующей и однозначно позитивной для эволюционного развития политической системы функции участия сомнителен, поскольку история знает немало примеров массового активного участия в политике, итогом которого являлась не просто ее

⁴⁵ Цит. по: Коллинз Р. Теория конфликта в современной макроисторической социологии // *Философская и социологическая мысль*. 1993. №6, С. 81-99

⁴⁶ Coser L.A. The Functions of Social Conflict // *Sociological Theory: A Book of Readings* / Coser L.A., Rosenberg B. (Eds.). N.Y., 1957, P.199–203

⁴⁷ Мертон Р. К. Явные и латентные функции // *Американская социологическая мысль: Тексты*. М.: Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996, С. 393–461

⁴⁸ Смелзер Н. Дж. О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии // *Социологические исследования*. 2004 № 11, С. 3-12

дестабилизация, а практически полное разрушение базовых институтов политической системы. Неслучайно, в западной политической науке различают два типа участия: «конвенциональное» и «неконвенциональное»:

«“Конвенциональное” участие в политическом процессе как в повседневной, нормальной, легитимной («в рамках системы и по закону») деятельности в ситуации стабильности политической системы, не нарушающее “нормального хода демократических политических процессов”;

“Неконвенциональное”, или протестное участие, как правило, в ситуации политического кризиса, которое может и не противоречить закону, но вследствие его “экстраординарности” не является частью повседневного, “естественно протекающего” политического процесса, имеет дестабилизационный потенциал — создает определенный уровень социальной напряженности»⁴⁹.

Не менее существенное влияние на концептуализацию понятия политическое участие оказала теория партисипативной демократии или демократии участия, представленная в работах Б. Барбера⁵⁰, П. Бахраха⁵¹, К. Макферсона⁵², К. Пейтмэна⁵³, Дж. Циммерманна⁵⁴ и других. Как следует из названия, термин «участие» стал центральным, смыслообразующим для данной концепции. «Прямая демократия требует не просто участия, а гражданской подготовки и гражданской добродетели для эффективного участия в обсуждении и принятии решений. Демократия участия, таким образом, понимается как прямое правление образованных граждан»⁵⁵.

⁴⁹ Клюенко Э. Политическое участие: теория, методология и измерение с применением метода шкалограммирования по Гутману. // Социология: теория, методы, маркетинг, 2005, №4, С.46-72

⁵⁰ Barber B. Participatory Democracy // Encyclopedia of Democracy. New York, 1995. Vol. 3, P. 923

⁵¹ Bachrach P. The Theory of Democratic Elitism: a critique. Boston, MA: Little, Brown, 1967, 109p.

⁵² Макферсон, К. Б. Жизнь и времена либеральной демократии / Пер. с англ. Кырлежева А. М.: Издательский дом Гос. ун-та - Высшей школы экономики, 2011, С. 174

⁵³ Pateman C. Participation and Democratic Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1970, P.122

⁵⁴ Zimmerman J. F. Participatory Democracy: Populism Revived New York: Praeger Publishers, 1986, P. 229

⁵⁵ Barber B. Participatory Democracy // Encyclopedia of Democracy. Vol. 3 N.Y., 1995. P.923

В отечественной политической науке тема политического участия развивалась примерно с середины 1980-ых годов. М. Холмская выделяет два ключевых этапа в изучении данной проблематики:

Первый этап - до 1991 г. Ему присуща традиционная марксистско-ленинская методология и политическое участие трактуется здесь, прежде всего в контексте изучения общественно-политической активности трудящихся в условиях социалистического общества⁵⁶. Часть работ, относящихся к данному этапу, посвящена также критике буржуазных концепций политического участия⁵⁷. Практически все исследования, проводившиеся до 1991 г. в данной сфере, носили ангажированный, концептуально предзаданный характер, что, безусловно, снижает их научную ценность и новизну

Второй этап – после 1991г. представлял собой период приобщения становящейся российской политической науки к западным концепциям и достижениям. В начале 1990ых годов основной акцент в работах отечественных политологов и социологов по проблематике политического участия был сделан на популяризации и интерпретации работ западных авторов, что также не обеспечивало прироста нового знания в данной области политической науки. Лишь позднее, примерно с середины 1990ых годов, появляются оригинальные российские исследования по данной проблематике не только прикладного, но и теоретического характера.

В соответствии с различиями в акцентах анализа политического участия М. Холмская выделяет три (на момент написания статьи в 1999 г.) основные группы отечественных исследований.

Это:

⁵⁶ Юркевич Ю. Политическая активность субъекта (методологический аспект исследования). Киев. 1990; Демократия и участие в политике. Критические очерки истории и теории / Ковлер А.И., Смирнов В.В.; Отв. ред.: Шахназаров Г.Х. - М.: Наука, 1986, С. 192

⁵⁷ Смирнов В.В. Концепции политического участия в западной политологии // Ежегодник САПН 1985 г. М., 1986, С.106-113

1. Исследования, посвященные особенностями участия отдельных социально-демографических и социально-профессиональных групп населения в политике, специфике форм такого участия и пр. (Гаврилова И.Н., Сергеева Е. Я., Уварова Н.Д., Несмелова М.Ю., Щенина О.Г., Захаров С.Н. и др.)⁵⁸.

2. Работы, в которых политическое участие анализируется в контексте более широкого понятия «гражданское участие», трактуемого как конституционно зафиксированная и гарантированная правовыми институтами возможность граждан публично высказывать свою позицию, объединяться для обмена мнениями и пропаганды своих взглядов, для оказания организованного влияния на власть и пр.⁵⁹ Здесь очевиден акцент на институциональной основе политического участия, определяющей актуальные формы и наиболее распространенные типы участия, соотношение участия и абсентеизма и т.д. (Комаровский В. С., Гончаров Д. В., Голосов Г. В. и др.)⁶⁰

3. Наконец, к третьей группе, по мнению Холмской относятся исследования, лишь отчасти затрагивающие проблематику политического участия в рамках значительно более широких проблемных полей, как то: развитие гражданского общества в современной России или становление

⁵⁸ *Гаврилова И.Н.* Проблемы политической социализации молодежи России: (По итогам социологических исследований молодежи 1991-1993 гг.) / В кн.: Молодежь России: 90-е годы. М.: РАН. Ин-т сравнит. политологии рабочего движения, 1995, С.52; *Гаврилова И. Н.* Политическая социализация молодых. // Свободная мысль. 1996, №7, С.18-20; *Несмелова М. Ю.* Политическое поведение студенческой молодежи в современной России: Автореф. Дис. ... канд. полит. наук. Казань, 1995; *Захаров С.Н.* Политическое участие молодежи в условиях модернизации российского общества: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2001; *Щенина О. Г.* Формы участия молодёжи в политическом процессе современной России. Дис.... канд. полит. наук, М., 2005

⁵⁹ *Холмская М.Р.* Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // ПОЛИС. 1999. №5, С.170

⁶⁰ *Гончаров Д.В.* Теория политического участия. М., 1997, *Комаровский В.С.* Демократия и выборы в России: теория и история вопроса // Социологические исследования. 1996. № 6, С.18-31; *Голосов Г.В.* Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис 1997, № 4, С. 44-56

демократической политической системы (Алескеров Ф.Т., Ортещук П., Кагарлицкий Б., Веселовский С. Я., Поливаева Н. П., Коннычев Д. В. и др.)⁶¹.

Очевидно, что спустя пятнадцать лет с момента написания статьи данная классификация выглядит неполной. Как минимум, в ней отсутствует значительный пласт научной литературы, посвященной новым (электронным и сетевым) формам участия граждан в политике. Что вполне объяснимо, поскольку сам феномен сетевого участия появился значительно позже 1999 г. Здесь можно выделить целую группу отечественных авторов: Сморгунов Л.В., Мирошниченко И.В., Морозова Е.Г., Курочкин А.В. и др.

Изучение новых форм участия и новых факторов, определяющих эти формы, требует подробного рассмотрения и, возможно, переопределения самого концепта «политическое участие». В рамках выделенных выше групп исследований понятие «политическое участие» концептуализировалось достаточно схожим образом.

Можно привести определение Щениной О. Г.: «политическое участие можно охарактеризовать как любую активность в сфере политики индивидов и социальных общностей»⁶², Коннычева Д. В.: «политическое участие как свободную активность граждан, прямо или опосредованно влияющую на принятие тех или иных вариантов или альтернатив на различных уровнях политической системы»⁶³ и пр. Здесь очевидна некоторая размытость данных определений, их неразличимость с понятиями «политическая деятельность» и «политическое поведение», что требует как минимум двух существенных уточнений. Во-первых, в определении понятия «политическое участие»

⁶¹ Поливаева Н.П. Политическое сознание россиян в 90-е годы: состояние и некоторые тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1997, № 5, С.40; Россия: партии, выборы, власть / Под общ. ред. В.Н. Краснова. М., 1996, 250 с.; Народ — партии — власть: общественно-политические движения как предмет исследования. — Научные труды МГЛУ. М., 1997, Алескеров Ф.Т., Ортещук П. Выборы. Голосование. Партии. М.: Академия, 1995, 208 с.; Коннычев Д.В. Политическое участие (на примере российского регионального политического процесса). Дис... канд. полит, наук., Саратов. 2000, 181 с.

⁶² Щенина О. Г. Формы участия молодежи в политическом процессе современной России. Дис.... канд. полит. наук, М., 2005

⁶³ Коннычев Д.В. Политическое участие (на примере российского регионального политического процесса). Дис... канд. полит, наук. Саратов. 2000, 181 с.

должен быть ясно обозначен момент обратной связи с политическим процессом, т.е. участие концептуализируется как ответная реакция на политические решения (или их непринятие), либо любые другие политические события. Во-вторых, обязательно должно быть отражено состояние осознанной вовлеченности гражданина в политический процесс. Так, например, Х. Макклоски определял политическое участие как «чувство вовлеченности в процессы политической жизни»⁶⁴. Наконец, третий немаловажный момент (который особо подчеркивал российский политолог В. Мельник) – это легитимирующая роль политического участия, которая оказывает решающее влияние на устойчивость политических систем и режимов.

Более полное и развернутое определение политического участия дал отечественный политолог Пфетцер С. А.:

« – политическое участие противопоставляется неучастию или абсентеизму (политическому бездействию), которое также рассматривается как форма политического поведения;

– под политическим участием имеется в виду только политическое поведение личности, в отличие от других форм политического поведения, представляющих проявление активности других субъектов политики, например, больших групп или общностей;

– политическое участие понимается как осознанная, рациональная форма политического поведения, противоположная бессознательным, стихийным действиям, продиктованным неосознанными или же частично осознанными мотивами»⁶⁵.

Выделенные выше характеристики достаточно полно описывают феномен политического участия, однако за последние десятилетия активного развития информационно-коммуникационных технологий возникло

⁶⁴ Цит. по: Холмская М.Р. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // ПОЛИС. 1999. №5, С.171

⁶⁵ Пфетцер С. А. Теоретико-методологические основания анализа проблемы политического участия // Вестник КемГУ, 2013 №3, 103-110 с.

множество новых каналов и форм участия, что потребовало определенных уточнений.

Первичный анализ политических коммуникаций в социальных сетях показывает, что они в меньшей степени ориентированы на политическое действие и больше используются как дискурсивные площадки, позволяющие определить и выразить собственную политическую идентичность. Т.е. взаимосвязь роста коммуникаций в социальных сетях и политического участия чаще всего определяется ролью первых как источников информации о политике, получаемой непосредственно из близкой человеку социальной среды. Очевидно, что онлайн дискуссии с друзьями или коллегами, включенными в активную политическую жизнь, скорее всего окажут некоторый мобилирующий эффект на реципиента данной информации. Поэтому, определения изложенные выше, требуют как минимум уточнения прежде всего в контексте заявленной тематики. Можно предложить более универсальный вариант определения политического участия, включающий коммуникативную компоненту. Политическое участие – это активность граждан, заключающаяся в оказании осознанного влияния на действия или решения правительства, а также политическое поведение граждан и отражающая интересы индивидов, а также психологическую включенность в политику.

В современной западной политической науке могут быть выделены три большие группы авторов, структурируемые с позиций позитивной, нейтральной и негативной оценки воздействия современных информационно-коммуникативных технологий на политическое участие граждан.

Позитивный или оптимистический взгляд на влияние интернета на политическое участие наиболее распространен. Он базируется на исходной гипотезе о существенном расширении посредством использования интернет-сервисов возможностей и форм участия в политике, а также включении в политику социальных групп, традиционно слабо участвующих в ней (прежде

всего, молодежь). Оптимисты отстаивают существование прямой зависимости между онлайн информированием, виртуальными дискуссиями и реальным участием в политике. Расширение первого, неизбежно, по их мнению, ведет к расширению оффлайн участия. Оптимисты исходят из постулирования особой культуры участия, формируемой интернетом, которую характеризуют, прежде всего, низкие барьеры для творческого самовыражения личности или гражданского участия, возможности создавать самому или дорабатывать созданное кем то, а также особым типом неформального наставничества, когда нечто созданное опытными пользователями тут же становится достоянием новичков⁶⁶.

Схожим образом позитивно оценено влияние интернет технологий на расширение участия и получение информации людьми, с низким уровнем доходов во время президентской кампании в США в 2012г. Однако более широкий анализ различных кейсов показывает неоднозначность влияния распространения интернет технологий на результаты избирательного процесса. Исследования Л. Майнером⁶⁷ избирательного процесса в Малазии демонстрируют значительную корреляцию роста явки и использования сетевых сервисов. Другой эффект, обнаруженный им – это снижение уровня поддержки кадровых партий. Например, в Германии влияние интернет технологий на явку избирателей было отрицательным, при увеличении числа голосовавших за экстремистские и ультраправые партии. Американский исследователь В. Ларкинезе⁶⁸ обнаружил позитивное влияние интернет технологий на результаты демократической партии США на президентских выборах 2012г., однако на размер явки на выборы значимого влияния они не оказали.

⁶⁶ Jenkins H. *Convergence: Where old and new media collide*. New York: New York University Press, 2006, 308 p.

⁶⁷ Miner L. *The unintended consequences of internet diffusion: Evidence from Malaysia* [Электронный ресурс] URL: http://lukeminer.com/wp-content/uploads/2012/07/Miner_Draft2012.pdf (дата обращения: 15.09.2015)

⁶⁸ Larkinese V., Miner L. *The Political Impact of the Internet on US Presidential Elections* [Электронный ресурс] URL: <http://personal.lse.ac.uk/larcines/> (дата обращения: 15.09.2015)

Неудачи и противоречия в эмпирическом анализе эффекта, который социальные сети оказывают на политическое участие, объясняются, прежде всего, недостаточностью методологического аппарата, способного дать удовлетворительное объяснение такого эффекта. Первое ошибочное допущение, распространенное в литературе, касается смешивания формальных и неформальных социальных взаимодействий в рамках концепта «социальный капитал».

Таким образом, нивелируется различие между влиянием на политическое поведение индивида реальной социальной группы или организации и виртуальной социальной сети. Между тем известно, что неформальное социальное взаимодействие может оставаться (и обычно остается) достаточно высоким, а социальная и политическая активность оффлайн падает. В результате мы можем констатировать ключевую методологическую проблему исследования сетевых форм социальной и политической коммуникации – отсутствие эмпирически проверенной модели участия, которая могла бы объяснить взаимосвязь интенсивности коммуникации в социальных сетях и масштабов политического участия.

Противоположной точки зрения придерживаются пессимисты, которые, с одной стороны, отмечают ограничивающую роль интернета – социальные сети и интернет сервисы отвлекают граждан от реального участия в политической жизни, а с другой, пишут о преобладании в отстаивании «новыми медиа» тех же самых экономических интересов, политических императивов и культурных ценностей, что защищали и пропагандировали «старые медиа» до-сетевой эпохи. В методологическом отношении, данное направление преимущественно базируется на концепции Р. Патнэма о существенной эрозии «социального капитала» в современном западном обществе⁶⁹. Наряду с телевидением, интернет служит средством отвлечения граждан от живого общения, атомизирует современное общество.

⁶⁹ Putnam R. D. Bowling alone: The collapse and revival of American community. New York: Simon & Schuster, 2001, P.544

Он, будучи, важнейшим инструментом индустрии развлечения, занимает значительное количество времени, которое граждане могли бы потратить на участие в общественной и политической жизни. Таким образом, интернет-пессимисты актуализируют подмену реального политического участия, оказывающего влияние на политический курс, решения или политическое поведение других граждан виртуальным квази-участием, не оказывающим подобного эффекта вообще, либо очень слабо и косвенно влияющего на реальную политику.

Третью группу исследователей составляют нейтрально относящиеся к распространению интернет технологий и их влиянию на политическое участие авторы (Д. Календа⁷⁰, А. Мейер⁷¹, Г. Моска, Д. Ким⁷², Б. Крюгер⁷³, В. Чанг⁷⁴). Политическая активность в виртуальной среде представляется ими как продолжение оффлайн активности. Интернет, таким образом, выступает дополнительным инструментом, позволяющим политически активным гражданам использовать более широкий спектр возможностей для участия. При этом в подавляющем большинстве работ данных авторов интернет не является инструментом, каким бы то ни было образом, трансформирующим тех, кто участвует в политике, если какие то изменения и происходят, то затрагивают они лишь способы участия. В рамках данного направления развивается критическая школа, рассматривающая усиливающую политическое участие роль интернета скорее в негативном ключе. Эти авторы отмечают, что усиливая существующие паттерны участия, интернет способствует одновременному усилению существующих властных структур,

⁷⁰ Calenda D., Meijer A.J. Young people, the Internet and political participation // *Information, Communication & Society* Volume 12, Issue 6, 2009 pp. 879-898

⁷¹ Meijer A., Burger N., Ebbers W. Citizens: Mapping participatory practices on the Internet // *Electronic Journal of e-Government* 7(1), 2009, 99-112 p.

⁷² Kim J., Wyatt R. O. & Katz E. News, talk, opinion, participation: The part played by conversation in deliberative democracy // *Political Communication*, № 16, 1999, 361-385 p.

⁷³ Krueger B. S. Assessing the potential of Internet political participation in the United States: A research approach // *American Politics Research*, 30, 2002, 476-498 p.

⁷⁴ Chang Woo-young «Political Participation in the Internet and Empowerment of Citizens» // *Civil Society and NGO* 1(2), 2003, 42-46 p.

а также углублению разрыва между политически активными и политически пассивными гражданами.

Контент анализ всех групп источников демонстрирует значительный перевес исследований, позитивно оценивающих мобилизационный эффект интернета над негативной оценкой. Первых, примерно в четыре раза больше. При этом, дискуссия первой и второй группы разворачивается в рамках более общей методологической дихотомии: социальной детерминированности и технологической детерминированности поведения акторов.

Подводя промежуточный итог, можно отметить следующее. Проблематика политического участия достаточно давно и хорошо изучена в отечественной и зарубежной политической науке. Разработаны подробные систематизации различных методологических направлений и научных школ, изучающих данный феномен. Однако, новые, сетевые формы политического участия, влияние инструментов электронной демократии на его динамику, по прежнему, остаются белым пятном в отечественной политической науке.

Их подробный анализ требует ревизии самого концепта «политическое участие», включения в его содержание новых характеристик, наиболее полно отражающих реалии сетевого общества. Также, несмотря на доминирующую в современной литературе оптимистическую оценку, вопрос о влиянии новых социальных сервисов на динамику политического участия также остается открытым.

1.2 Кризис традиционных институтов политического участия и представительства интересов в условиях сетевого общества

Как уже отмечалось выше, XXI век принес значительные изменения в сложившиеся в послевоенный период общественно-политические институты. Научно-техническая революция, помноженная на социально-гуманитарные инновации, определила новые формы социальной коммуникации, расширила ее горизонты, нивелировала в процессах обмена информацией и производства нового знания факторы расстояний и государственных границ. В социальных науках это привело к появлению множества концепций, рассматривающих современное общество как «постпредпринимательское» (П. Дракер), «общество риска» (У. Бек), «посткапиталистическое» (Р. Дарендорф), «пострыночное» (Т. Бернс), «постэкономическое» (В. Иноземцев).

Среди прочих можно выделить две теории, нашедшие наиболее широкое распространение в социологии, экономической и политической науках. Это теория сетевого общества М. Кастельса и теория общества, основанного на знании.

Появление концепта «сетевое общество» приходится на конец 1980-х — начало 1990-х годов и напрямую связано с революционным прорывом в сфере развития информационных технологий и изменением роли электронных СМИ. В качестве наиболее известных по данной теме можно указать работы голландского социолога Яна ван Дийка⁷⁵, специалистов по городскому и региональному планированию С. Мандельбаума⁷⁶ и Л. Альбрехта, статьи Густаво Кардозо⁷⁷, книгу А. Барда и Зондерквиста «Netократия» и ряд работ других авторов. Так, Ян ван Дийк в статье «Сетевое общество: социальные аспекты новых медиа» (1991) определял

⁷⁵ Van Dijk J. The Network Society: Social Aspects of New Media. Sage Publications (CA) 2005, P. 304.

⁷⁶ Mandelbaum S., Albrechts L. Network Society: A New Context for Planning. NY, 2005. P.349

⁷⁷ Castells M., Cardoso G. The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2006, 3-22 p.

сетевое общество как такую форму общества, которая организует социальные отношения с помощью медиа-сетей, замещая или дополняя ими социальные коммуникации лицом к лицу⁷⁸.

Однако свой завершённый вид концепция сетевого общества обрела в известной трилогии Мануэля Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», «Расцвет сетевого общества», «Сила идентичности»⁷⁹. М. Кастельс формулирует ключевые отличия сетевого общества следующим образом: «1) источник производительности и роста находится в знании, распространяемом на все области экономической деятельности через обработку информации; 2) экономическая деятельность смещается от производства товаров к предоставлению услуг; 3) в новой экономике будет расти значение профессий, связанных с высокой насыщенностью их представителей информацией и знаниями»⁸⁰.

В концепции Кастельса сетевое общество предстаёт как закономерный итог технологического развития, предопределившего значительные сдвиги в социальной сфере и экономике: «Генезис сетевого общества в значительной степени обусловлен ходом истории, а именно тем обстоятельством, что в начале 1970-х годов в мире параллельно протекали три важнейших, независимых друг от друга процесса: информационно-технологическая революция; культурные и социальные движения 1960 – 1970-х годов; кризис, приведший к реструктурированию (перестройке) двух существовавших в то время социально-экономических систем — капитализма и этатизма»⁸¹.

Решающее значение для понимания особенностей сетевого общества имеет анализ изменений, происходящих в сфере культуры. Неслучайно, именно эта тема рассматривается М. Кастельсом достаточно подробно.

⁷⁸ Van Dijk J. *The Network Society: Social Aspects of New Media*. Sage Publications (CA) 2005, P. 304.

⁷⁹ Castells M. *The End of the Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture*. Cambridge, MA; Oxford, 1998. 418 p.

⁸⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (Дата обращения: 05.02.2015)

⁸¹ Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество: аналитическое исследование // Мир России. 2000. № 1, С.28–30

Отправной точкой его рассуждений является т.н. хакерская культура, составляющая основу новой культурной среды, формируемой четырьмя компонентами: техномеритократической культурой, культурой хакеров, предпринимательской культурой и культурой виртуальной общины: «... Вышеуказанные культурные слои образуют определенную иерархию. Техномеритократическая культура превращается в культуру хакеров путем внедрения соответствующих правил и обычаев в кооперативные сети, нацеленные на определенные технические проекты. Культура виртуальной общины привносит в техническое сотрудничество социальный аспект посредством трансформации Интернета в среду, характеризующуюся избирательным социальным взаимодействием и символическим единением друг с другом. На основе культуры хакеров и общинной культуры формируется предпринимательская культура, которая занимается получением прибыли от распространения Интернет-технологий во всех сферах общества»⁸².

Хакерская культура имеет в работах Кастельса очевидно позитивную коннотацию, поскольку он различает хакеров (свободных творческих личностей, обеспечивающих сетевую архитектуру нового общества) и т.н. «крэкеров», занимающихся незаконным проникновением в защищенные сетевые ресурсы. Сведение первых и вторых в одну группу Кастельс считает ошибочным. Для него именно этика хакеров определяет ключевые принципы новой культуры сетевого общества, составляющие ее ценностный технократический базис:

« • высшей ценностью является техническое открытие;
• значимость и относительная важность открытия определяются вкладом в данную область в целом в контексте решения задач, поставленных сообществом ученых и технологов. Другими словами, здесь имеют значение не знания сами по себе, каким бы ни был их теоретический вес, а

⁸² Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004, с.13

определенные, конкретные знания в применении к данной задаче, которые позволяют совершенствовать данный технический объект в целом (то есть компьютерные коммуникационные сети или операционную систему);

- значимость открытия определяется путем его оценки всеми членами сообщества. Право стать членом сообщества находится в зависимости от личного вклада претендента, надлежащим образом измеренного и получившего документальное подтверждение в ходе исторического процесса развития Интернета»⁸³.

Ключевыми, среди выделяемых М. Кастельсом принципов, выступают свобода (прежде всего, свобода творчества) и т.н. «культура дарения», во многом переопределяющая традиционные рыночные отношения и рациональность поведения экономических акторов. Суть культуры дарения заключается в бесплатном распространении продуктов труда, производимых хакерами. Новая технология производства не на продажу, а для общего пользования (программы с открытым кодом), предопределяет приоритет общественных (или гражданских) ценностей над коммерческими:

«Главным звеном в этой системе ценностей является свобода. Свобода творить, свобода использовать любые доступные знания и свобода распространять их в любом виде и по любому выбранному хакером каналу...Свобода сочетается с сотрудничеством посредством практики "культуры дарения", в конечном итоге приводящей к "экономике дарения". Хакер публикует свои предложения по разработке программ в Сети в надежде на ответные жесты доброй воли. "Культура дарения" в мире хакеров обладает своей спецификой по сравнению с другими аналогичными культурами. Престиж, репутация и общественное уважение соотносятся со значимостью подарка для общества. Таким образом, здесь имеет место не только ожидание ответной реакции на собственную щедрость, но и

⁸³ Там же, С.14

непосредственное удовлетворение хакера от демонстрации своей изобретательности»⁸⁴.

В целом, Кастельс разделяет концепцию постиндустриализма, разработанную в трудах Д. Белла, А. Турена и др., постулируя схожие характеристики современного этапа общественного развития, отмеченные выше. Однако, он в отличие от других представителей постиндустриализма, актуализирует именно структурно-коммуникативную составляющую постиндустриального общества, считая информационно-технологический аспект недостаточным для объяснения его характеристик: «информация в самом широком смысле, т. е. как передача знаний, имела критическую важность во всех обществах, включая средневековую Европу, которая была культурно структурирована и в некоторой степени объединена вокруг схоластики, иначе говоря, в основном в интеллектуальных рамках. В противоположность этому, термин «информационное» указывает на атрибут специфической формы социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти»⁸⁵.

При этом Кастельс не просто констатирует факт значимости информационно-технологического развития, он вводит новое понятие «массовая самокоммуникация», переопределяющее особенности коммуникативного процесса в условиях сетевого общества: «Массовые самокоммуникации – это новое средство коммуникации, созданное компьютерными сетями с цифровыми компонентами и охватывающее весь мир в последнее десятилетие. Это освобождение от посредников в процессе

⁸⁴ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004, С. 16

⁸⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. / Под науч. ред. проф. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ — ВШЭ, 2000, С. 24.

передачи информации – любой индивид, имеющий доступ в сеть Интернет, может построить свою информационную систему»⁸⁶.

Далее Кастельс развивает и уточняет феномен самокоммуникации, акцентирует внимание на свободе доступа к сетевому контенту и широких возможностях творческой самореализации: «Массовая самокоммуникация – мультимодальная, позволяющая переформатировать ее содержание благодаря бесплатному свободному в доступе программному обеспечению, все чаще распространяемому беспроводными сетями. Содержание такой коммуникации пополняется пользователями, управляется пользователями в плане публикации сообщений и выбирается пользователями в плане получения данных сообщений «от многих ко многим»⁸⁷.

Политическая сфера в условиях нового типа общества также претерпевает прежде всего структурно-коммуникативные преобразования, обретая новые дискурсивные характеристики: «новое государство основано ... на сети политических институтов и органов принятия решений национального, регионального, местного и локального уровней, неизбежное взаимодействие которых трансформирует принятие решений в бесконечные переговоры между ними»⁸⁸.

Коммуникативное направление в анализе ключевых характеристик современного общества развивается также и в рамках концепции «общества, основанного на знании». Первое упоминание в научной литературе понятия «общество знания» встречается в изданной в 1998 г. работе Р. Мэнселла и Ю. Уэна «Общество знания: информационная технология для устойчивого развития»⁸⁹. Эта работа была написана по заданию Комиссии ООН по науке и технологии для развития. Однако в ней авторы ограничились общим

⁸⁶ Бобова Л.А. Мануэль Кастельс: влияние сетевого общества на характер социальных коммуникаций // Вестник МГИМО №5, 2013, 213-220 с.

⁸⁷ Там же, С. 217

⁸⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. / Под науч. ред. проф. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ — ВШЭ, 2000, С. 24

⁸⁹ Mansell R., When U. Knowledge Societies: Information Technology for Sustainable Development Oxford, Oxford University Press, 1998.

описанием особенностей технологического развития в условиях нового типа общества и изменившейся в связи с этим ролью информации и знаний.

Более развернутая социально-экономическая характеристика общества, основанного на знаниях, была дана в ходе обсуждения и принятия на встрече в Лиссабоне в марте 2000 г. рабочей стратегии экономического, социального и экологического обновления ЕС, получившей название «Европейская сфера исследований», а также в докладе Всемирного Банка «Формирование общества, основанного на знаниях»⁹⁰, опубликованном в 2001 г.

Современные институты политического участия в полной мере испытывают на себе влияние ключевых вызовов, возникающих и нарастающих в условиях становления и развития новых систем продуцирования и обмена знаниями. К ним относятся:

- широкое распространение сетевых структур как реальных, так и виртуальных;
- появление и быстрое развитие новых сетевых форм участия в политике и общественной жизни;
- экспоненциальный рост плотности и скорости информационного обмена, получаемый за счет новых сетевых технологий обмена информацией;
- новая роль знаний, ставших основным двигателем экономического развития и превратившихся из самоценности в объект обмена, широко представленный на рынке;
- рост рентабельности процесса производства и обмена (распространения) знаний, ставшего одной из самых прибыльных отраслей информационной экономики.

В условиях общества, основанного на знании, отчетливо прослеживаются тенденции переопределения роли государства и глобальных надгосударственных образований, места корпораций и некоммерческих организаций, да и самого гражданина в социально-политической системе.

⁹⁰ К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО – Париж: ЮНЕСКО, 2005 [Электронный ресурс] <http://www.ifap.ru/library/book042.pdf> (Дата обращения: 04.03.2015)

Среди таких изменений – заметные эффекты сетевизации политического процесса: количественный рост социально-политических сетей и качественное возрастание их роли в процессе подготовки и принятия политических решений, активизация возможностей их влияния на работу государственных институтов, формирование пространства альтернативных гражданских стратегий⁹¹.

К наиболее существенным факторам, влияющим сегодня на поле публичной политики, справедливо относят «кризис различных форм тотальной организации политики и управления и появление новой сложности, многообразия и неустойчивости»⁹². В результате этого практически повсеместно фиксируется снижение доверия к традиционным институтам политического представительства (парламентам, партиям, институтам общественного самоуправления) и, напротив, возрастает интерес граждан к иным формам участия, возникающим в условиях технологической революции общества, основанного на знании.

Рост сетевой активности, как в виртуальном, так и реальном социальном пространствах, безусловно, является реакцией на имитационный характер современных систем представительства, особенно заметной в условиях тех политических режимов, где они выполняют лишь маскирующую реальный политический процесс функцию.

Из всего многообразия факторов, выделим и проанализируем те, которые непосредственно влияют на место и роль новых форм участия в современном политическом процессе.

Первый и наиболее важный фактор – это лавинообразная медиизация общества, ведущая к повсеместному распространению шоу-политики и формирующая соответствующий набор правил (жанровые рамки) функционирования политических партий. Этот процесс может быть выражен

⁹¹ Курочкин А. В. Политика в условиях сетевого общества: новая структура и содержание // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011, № 3. Ч. 2., 113-117 с.

⁹² Там же, С.115

как подмена идейного содержания привлекательной для большинства обывателей формой.

Сам феномен шоу-политики известен достаточно давно. Французский философ Ги Дебор еще в 1967 г. обозначил современное общество как «общество спектакля», которое «существует в условиях барочного калейдоскопа явлений жизни, превратившихся в сознании людей в чистую символику без какого-либо признака на содержательный акцент, в шоу-мир вездесущей рекламы товаров потребления и театральной рекламности политики»⁹³. К похожей оценке состояния современной культуры и политики апеллировали Ж. Баландье («театрократия») ⁹⁴, Жиль Липовецкий («эра вакуума») ⁹⁵ и другие постмодернисты. Ги Дебор подчеркивал закономерность становления «общества спектакля», его неслучайный характер: «Общество, основанное на современной промышленности, является *зрелищным* вовсе не случайно и не поверхностно. Оно фундаментально подчинено спектаклю, является зрелищным в самой своей основе. В спектакле, который является образом господствующей экономики, цель – ничто, развитие – все. Спектаклю не нужно ничего иного, кроме самого себя»⁹⁶.

Таким образом становление культурной среды нового типа, оказалось напрямую связано с невиданным ранее масштабом развития масс-медиа в самых разнообразных формах: «Mass media являются наиболее ярким и поверхностным проявлением спектакля. На первый взгляд, СМИ вторглись в жизнь как простое оборудование для мгновенной коммуникации, очередное удобство – однако это новшество обернулось настоящим Троянским конем, со своими эгоистическими целями и помыслами о саморазвитии. Если уж так

⁹³ Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. А. Уриновский. М.: Опустошитель, 2014, С. 22

⁹⁴ Balandier G. El desorden. La teoría del caos y las ciencias sociales, trans. Beatriz Lopez, Barcelona: Gedisa, 1988; 3rd edition, 1993. [Электронный ресурс] URL: https://monoskop.org/images/e/ea/Balandier_Georges_El_desorden_la_teor%C3%ADa_del_caos_y_las_ciencias_sociales_1993.pdf (дата обращения: 20.10.2015)

⁹⁵ Липовецкий Ж. Эра пустоты: Эссе о современном индивидуализме/ Пер. с фр. В.В. Кузнецова. СПб: Владимир Даль, 2001, 331 с.

⁹⁶ Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. А. Уриновский. М.: Опустошитель, 2014, С. 15

вышло, что общественные нужды эпохи, в которой развивается подобная техника, могут быть удовлетворены лишь при помощи этой техники, если управление данным обществом и контакты между людьми больше не могут осуществляться иначе, как посредством мгновенной коммуникации, то это только потому, что «коммуникации» по сути своей стали *односторонними*⁹⁷. Тем самым подчеркивается однонаправленность воздействия медиа ресурсов на человека, их манипулятивный, принудительный характер. Новая среда интернет-медиа (о появлении которой Ги Дебор мог только догадываться в середине 1960-х гг.) многократно умножила как разнообразие форм существующих медиа, так и степень их влияния на социум и политический процесс: «В эпоху, когда *medium* уже не только *message* (как некогда полагал Маршалл Маклюэн), но и нечто существенно большее, чем *message*, сам факт существования посредничающих инстанций – рынка, медиа, техники, превращается в закон. И уже в этом состоит невиданное прежде восстание средств против целей – единственная форма революции сегодня. Теперь эти инстанции образуют интегральную область жизнедеятельности, которая, говоря языком Иммануила Канта, определяет собственный закон в максимально всеобщем и всеобъемлющем истолковании»⁹⁸.

Следующий фактор, оказавший влияние на процесс становления и развития новых форм политического участия — рост индивидуализации социальных и политических коммуникаций — весьма красноречиво описал У. Бек: «Произошел общественный сдвиг доселе невиданного размаха и динамизма в сторону индивидуализации... Возникает тенденция к индивидуализированным формам и ситуациям существования, которые вынуждают людей ради собственного материального выживания ставить себя в центр планирования и осуществления собственной жизни. Индивидуализация в этом плане направлена на ликвидацию жизненных

⁹⁷ Там же, С.17

⁹⁸ Ашкеров А. Ю. По справедливости: эссе о партийности бытия. М., Европа, 2008, С. 12

основ мышления в традиционных категориях крупных общественных групп — социальных классов, сословий или слоев»⁹⁹.

Закономерно, что бурное развитие интернет-технологий в значительной степени способствовало этому процессу, в том числе и в политической сфере: «Интернет переформатировал информационную среду, внутри которой граждане принимают решение участвовать или нет в политической жизни. Он существенно удешевил распространение и поиск информации. В результате этих новаций, многие комментаторы заговорили о том, что интернет привел к новой эре участия, реализуемого за счет совместного (социального) производства (peer production), краудсорсинга, а также “организации без организаций”»¹⁰⁰. Примеры наиболее значимых решений, принятых при активном использовании новых индивидуализированных форм политического участия, а также революционные всплески такой активности широко известны. Это — слишком переоцененные сетевыми оптимистами события Арабской весны (Египет, Йемен, Ливия), разработка краудсорсинговыми методами конституции Исландии в 2012 г., финский проект Open Ministry, создание американского ресурса Pop Vox и его аналогов. После анализа вышеобозначенных и множества других примеров сетевизации политики и индивидуализации участия в политической жизни, партийность представляется рудиментом до-информационной эпохи¹⁰¹.

Существенную роль в изменении форм политического участия и представительства интересов сыграли также процессы олигархизации, либо огосударствления (а в ряде случаев и того и другого одновременно) медийного пространства. Производство знания в условиях нового общества,

⁹⁹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну: Пер. с нем. М.: Прогресс - Традиция, 2000, С. 106

¹⁰⁰ Курочкин А. В. Краудсорсинг как новый метод политического управления в условиях сетевого общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013, № 9-1, 78-81 с.

¹⁰¹ Курочкин А. В. Краудсорсинг как новый метод политического управления в условиях сетевого общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013, № 9-1, С. 80

превратилось с одной стороны, в наиболее прибыльную разновидность бизнеса, а с другой, оно лишь упрочило свою, дисциплинирующую социальную жизнь роль: «Информационная экономика» стала социальной технологией превращения образовательных и исследовательских институций в сервисные организации. В основе образовательного сервиса лежит особая форма инженерной деятельности, превращающейся в двусоставную конструкцию человеческой идентичности, один уровень которой соответствует людям как субъектам сознания, а другой – как моноподобным органам национально-политического тела»¹⁰². В этом смысле, контекст инновационного развития составляют такие социокультурные явления как брендинг, деантропологизация людей и, напротив, антропоморфная субъективация вещей. Это, в свою очередь, значительно сузило возможности представлять и отстаивать интересы меньшинства в поле публичной политики, а значит, неизбежно натолкнуло политических активистов на поиск новых инструментов борьбы за свои интересы. Интернет-технологии открыли, казалось, неограниченные возможности для этого.

С другой стороны, нельзя не отметить такой существенный пласт в использовании новых сетевых технологий участия как разработка и принятие политических решений, с которой традиционные институты парламентского представительства без общественного участия справиться уже не могут: «Легитимация политических решений посредством публичного разума становится важным условием повышения доверия населения к публичной политике. В этих условиях меняется чувствительность политики и управления к внешнему влиянию и оценке. Публичная политика сегодня не может не учитывать открытость культурного, экономического, политического пространств»¹⁰³.

¹⁰² *Ашкерова А.* Экспертотократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. М.: Европа, 2013, С. 9

¹⁰³ *Сморгунов Л. В.* Электронное правительство, менеджмент знания и административные реформы // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза. 2005, №2, 213-226 с.

Здесь обращают на себя внимание два момента: использование краудсорсинговых технологий как механизма активного включения в политику т.н. «коллективного знания», обеспечивающего необходимое разнообразие вариантов решения проблем; и активизация общественного участия благодаря обеспечению реальных механизмов участия граждан и их ассоциаций в процессах обсуждения и принятия решений.

Анализ современного состояния традиционных институтов политического участия в условиях становления общества, основанного на знании и причин появления и широкого распространения сетевых форм политического участия, проведенный в первой главе, позволил автору прийти к следующим выводам:

- состояние социально-политической и экономической систем современного общества характеризуется прежде всего такими чертами как высокая изменчивость и чрезвычайная сложность структурных связей и коммуникативных процессов, а также их неустойчивость. В этой ситуации обеспечение широкого гражданского и политического участия предстает в качестве единственно эффективного средства, позволяющего обеспечить управляемость политическим процессом.

- в условиях общества, основанного на знании, чрезвычайно ускоряется процесс распространения информации и обеспечивается широкий доступ к ней практически для всех слоев общества. Технологическое развитие в начале XXI века и, прежде всего, появление и распространение сетевых информационно-коммуникационных инструментов открыли возможность для подавляющего большинства граждан стать активными соиздателями, соавторами информации. Отсюда следует экспоненциальный рост плотности и скорости информационного обмена, а также новая роль знаний, ставших основным двигателем общественно-политического и экономического развития и превратившихся из самоценности в объект обмена, широко представленный на рынке. Вместе с тем, обращает на себя внимание

проблема централизации (олигархизации или огосударствления) медийного информационного пространства: производство знания в новых условиях превратилось с одной стороны, в наиболее прибыльную разновидность бизнеса, а с другой, оно лишь упрочило свою, дисциплинирующую социальную жизнь роль.

- политическое участие в условиях сетевого общества оказывается в значительной степени детерминировано двумя взаимосвязанными процессами: размыванием традиционной социальной структуры общества и ростом индивидуализации социальных и политических коммуникаций. В отношении трансформации социальной структуры можно выделить такие ее новые черты как легкую проницаемость, а порой и кажущееся отсутствие границ между слоями и группами, высокую социальную мобильность, как по вертикали, так и по горизонтали, сетевой характер коммуникации. В купе с индивидуализацией все это, безусловно, повышает как потенциальные возможности, так и динамику политического участия.

ГЛАВА II. Новые (сетевые) формы участия в политике как ответ на кризис традиционных институтов представительства

2.1. Методологические аспекты анализа новых форм участия в политике

Многочисленные акции протеста, прошедшие на постсоветском пространстве (массовые беспорядки в Кишиневе в апреле 2009 г., акции протеста в Москве и других крупных российских городах зимой 2011-2012 гг., т.н. Евромайдан и политический переворот на Украине в 2013-2014 гг.), в арабских государствах, начиная с весны 2010 г. (политические перевороты в Египте, Тунисе, Йемене, массовые акции протеста в Алжире, Марокко, Иордании, Ираке и Омане, гражданские войны в Ливии и Сирии) активизировали исследовательский интерес политологов и социологов к возможностям новых форм политического протеста, а также их сравнительной эффективности по отношению к традиционным. Такой интерес потребовал в свою очередь разработки методологической базы, которая позволяла бы адекватно и квалифицированно исследовать первые.

Сетевые формы протестной политической активности (прежде всего, в аспекте изучения форм и механизмов мобилизации, консолидации и координации протестных движений), как уже было отмечено выше, относятся к междисциплинарной области изучения. Поэтому, основные теоретические концепции, которые будут рассмотрены здесь, базируются на политической теории, социологии политики, а также политической философии.

Это концепция эффективной интернет коммуникации «от многих к многим» Клэя Ширки, теория «умной толпы» Г. Рейнгольда, концепция «слактивизма» Е. Морозова и З. Баумана, теория социального перформанса Дж. Александера и концепция политики «новых конфигураций» или «квир-философия» Джудит Батлер. Рассмотрим их подробнее.

Клэй Ширки – известный популяризатор интернет-коммуникаций, преподаватель Нью-Йоркского университета, относится к числу явных интернет оптимистов, считающих, что развитие сетевых технологий - «это тектонический сдвиг, фундаментальное изменение ... момент величайшего в истории человечества роста возможностей самовыражения»¹⁰⁴.

Ключевое достижение интернет-революции по Ширки заключается в трех основных коммуникативных инновациях:

1. Интернет стал универсальным средством передачи информации для всех других видов СМИ, обеспечивающих как традиционный диалоговый режим коммуникации, так и процесс формирования и поддержания групп.

2. Средства коммуникации перестают быть только источником информации, а становятся одним из важнейших средств управления, строящих взаимодействие по принципу: «от многих к многим».

3. Совмещение функций производителей и потребителей нового знания благодаря сетевым сервисам, открывают невиданные ранее возможности для творческой самореализации и распространения информации.

Эти достижения становятся, по мысли Ширки, значительно привлекательнее и по причине существенной экономии ресурсов (материальных, временных, эмоциональных), затрачиваемых на обеспечение онлайн коммуникации. При этом в работах Ширки происходит идеализация интернета, как средства достижения всеобщего мира и гармонии, а в политической сфере – утопической модели демократии, когда голос каждого должен быть услышан и каждому должно быть обеспечено право принятия непосредственного участия в политических дискуссиях.

В этом смысле любой протест в новой сетевой среде становится, прежде всего, борьбой за информационную открытость, возможность

¹⁰⁴ Ширки К. Как делать историю при помощи Интернета // Сноб 25.06.09. [Электронный источник] URL: <https://snob.ru/selected/entry/4133> (дата обращения: 15.09.2015)

свободно и оперативно делиться своей информацией с миллионами других пользователей. Отсюда, главное требование к властным институтам – обеспечить такую возможность для граждан, стать как можно прозрачнее и доступнее в информационном плане.

Ширки апеллирует в своих рассуждениях к различным примерам из практики политической и гражданской активности в виртуальной среде: от проведения президентских выборов Б. Обамы в США (создание и раскрутка интерактивных ресурсов MyBarakObama.com и пр.) до землетрясения в китайской провинции Сычуань, когда сотни пользователей оперативно размещали информацию в социальных сетях, принудив официальное информационное агентство «Синьхуа» отказаться от традиционной практики информационной блокады.

Другой американский социолог Говард Рейнгольд, специализирующийся на анализе социокультурного и политического влияния виртуальной медиасферы, известен, прежде всего, как автор концепции «умной толпы» или «смартмобов», определяемой им как: «форма самоструктурирующейся социальной организации посредством эффективного использования высоких технологий»¹⁰⁵.

Рейнгольд исходит из концептуального положения о том, что сетевая коммуникация и электронные мобильные средства позволяют чрезвычайно быстро собирать и координировать действия больших и разнообразных по социальному составу групп людей – т.н. «умных толп»: «Умные толпы могут к тому же содержать еще неведомые свойства, выводимые из динамики обстоятельств, а не из голов исполнителей. Порядок взаимодействия по Гоффману — общественная сфера, где обмен сложными вербальными и невербальными сообщениями между индивидами происходит в реальном времени, — как раз то пространство, где индивидуальные действия могут повлиять на порог действия толпы. Мобильные информационные среды способны усилить непринужденный, большей частью неосознаваемый обмен

¹⁰⁵ Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция. М. Фаир-пресс, 2006, 416 с.

информацией, происходящий внутри сообщества, повлиять на величину или местонахождение аудитории, обладают возможностью изменить порог коллективного действия»¹⁰⁶.

Помимо способности мгновенного распространения информации и широких возможностей эту информацию создавать, чрезвычайно важным социальным качеством новых средств гражданской и политической мобилизации является способность эффективно содействовать преодолению т.н. «порога участия», когда решение индивида о сотрудничестве зависит от поведения остальных.

Данная дилемма достаточно подробно изучена в неинституциональной теории, в частности в т.н. «экономике соглашений». Здесь она поднимается в связи с проблемой рационального выбора индивидом конкретного решения (скажем, сдавать кровь за деньги или бесплатно), зависящего от внешней оценки. Индивидуальный рациональный выбор зависит как от степени порицания/поддержки из-вне, так и от уровня доверия к окружающим, по крайней мере, в случае участия в коллективных действиях.

Известный американский исследователь Остром определила доверие как «ожидание человеком определенных действий со стороны окружающих, когда эти действия напрямую затрагивают его выбор и он должен принимать решения, до того как они станут известны»¹⁰⁷. Как отмечает один из ведущих российских исследователей институциональной теории А. Н. Олейник, норма доверия играет исключительно важную роль в построении эффективной системы социального и политического взаимодействия. Степень доверия предопределяет предсказуемость поведения субъектов такого взаимодействия, играет решающую роль в принятии того или иного решения.

¹⁰⁶ Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция. М. Фаир-пресс, 2006, 416 с.

¹⁰⁷ Ostrom E. A Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action. - American Political Science Review, vol. 92, № 1. 1998

Новые средства коммуникации, способствующие процессу формирования сетевой структуры, строящейся на основе добровольной ассоциации индивидов и, следовательно, отличающейся более высоким уровнем доверия и взаимопонимания контрагентов является в этом смысле более эффективной.

Необходимо отметить, что для Рейнгольда первостепенное значение имеет не столько совершенствование технологий массовой коммуникации, сколько децентрализованный характер социальных связей. Рациональные и справедливые решения принимаются в условиях сетевых структур постольку, поскольку люди предрасположены к взаимной помощи друг другу вне зависимости от социальных и политических институтов, а иногда и вопреки им¹⁰⁸.

Однако Рейнгольд трезво оценивает новые средства коммуникации и технологии, отмечая, что они могут быть использованы одновременно как инструменты гражданской мобилизации и как инструменты контроля со стороны государства.

Неизбежным злом новой эры коммуникаций становится утрата приватности, которая, вполне вероятно, является одним из самых значимых факторов сдерживания протестной активности граждан¹⁰⁹. В этой связи Рейнгольд упоминает об электронной стигматизации людей, употребляя слово «стигма» в значении, предписываемом И. Гоффманом, т.е. как поведение, «помечающее» человека определенным социальным статусом. Электронная стигматизация с одной стороны выдает неявную информацию о человеке, способствуя выстраиванию доверительных отношений и формированию групп, но с другой она неизбежно приводит к дискриминирующему эффекту и утрате индивидуальности.

Пожалуй, ключевая новация концепции Рейнгольда в аспекте новых форм политической мобилизации и протеста – это идея «умной толпы»,

¹⁰⁸ Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция. М. Фаир-пресс, 2006, 416 с.

¹⁰⁹ Там же, С. 22

реализованная в так называемых флэшмобах, неожиданных, обескураживающих и почти всегда получающих достаточно широкий общественный резонанс коллективных перформансах. С другой стороны, она, безусловно, апеллирует к краудсорсингу, как основному методу использования выгод коллективного разума.

К противоположному лагерю - интернет-пессимистов принадлежат сторонники т.н. теории «слактивизма». Концептуально эта теория базируется на скептических представлениях относительно влияния интернет технологий на человеческую культуру и социальные коммуникации в целом. К наиболее известным приверженцам таких представлений можно отнести Д. Ланира и Н. Карра, прямо заявлявших, что блоги и социальные сети ведут человеческое общество по ложному пути – вместо творчества и развития индивидуальности здесь поощряются поверхностные суждения и скорость создания и потребления контента¹¹⁰.

Негативные аспекты виртуализации политики исследовались многими авторами, среди которых особо выделим известного британского социолога З. Баумана и американского политолога, эмигрировавшего из Беларуси, Е. Морозова.

Анализируя перспективы сетевой активности в политической сфере Е. Морозов приходит к не менее пессимистическим выводам, предлагая называть квази-участие в политике посредством интернет сервисов и социальных сетей «слактивизмом»¹¹¹: «в отличие от реального активизма, который требует усилий, временных затрат и зачастую связан с риском, слактивизм просто имитирует участие и приносит моральное удовлетворение. Слактивизм процветает в интернете — в ходе «революционных событий» в России в начале 2012 года даже возник специфический словарь слактивиста, который шаблонно возмущается политическим режимом, картинно поражается его трусостью и требует от

¹¹⁰ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель; CORPUS, 2011, 320 с.

¹¹¹ В дословном переводе «ленивый активизм» или «пассивизм».

соратников «максимального репоста»¹¹². Т. о. сетевой политический протест является лишь миражем реальной политической активности, создающим у пользователей ощущение свободы слова и волеизъявления, но не приводящий к значимым изменениям политического режима.

З. Бауман и Е. Морозов отмечают также и другую, «теневую» сторону реализации сетевых политических технологий – сетевые инструменты умело используются официальной политической властью, в том числе в странах с авторитарными режимами правления: «оказывается интернет не подрывает идеологические основы современного авторитаризма. Появление быстрых, децентрализованных и анонимных каналов связи безусловно изменит форму и способы распространения пропаганды, но не обязательно снизит ее эффективность. Сама пропаганда от этого не станет децентрализованной. Выход на сцену ультрасовременных и при этом лояльных правительству сетевых персонажей также может помочь государству контролировать дискуссии в интернете»¹¹³.

Зигмунт Бауман последовательно отстаивает схожий тезис: «необходимо отметить, что социальные сети предоставляют собой дешевый, быстрый, всесторонний, а тем самым, простой способ идентификации и обнаружения имеющих или потенциальных инакомыслящих, чем какие-либо иные традиционные инструменты надзора. Как отмечает Дэвид Лайон, надзор посредством социальных сетей достиг столь могучей эффективности благодаря сотрудничеству его предполагаемых объектов и жертв.

Мы живем в исповедальном обществе, возводящем публичное саморазоблачение в ряд основных и наиболее доступных, а также, возможно, самых мощных и единственно по-настоящему вызывающих доверие доказательств социального бытия»¹¹⁴.

¹¹² Мартынов К. От slackтивизма к республике: почему интернет-революции становятся реальностью // ЛОГОС №2 [86] 2012, С. 24

¹¹³ Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ, 2014, 186 с.

¹¹⁴ Бауман З. Способны ли Facebook и Twitter помочь распространению демократии и прав человека? Русский журнал 10.2010 [Электронный ресурс] URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Sposobny-li-Facebook-i-Twitter-pomoch-rasprostranenyu-demokratii-i-prav-cheloveka> (дата обращения: 16.11.2015)

Вера во всемогущество интернет-демократии представляется Зигмунту Бауману не только наивной, но и в определенной степени опасной: «С ростом недоверия к власти имущим, которое будет увеличиваться и распространяться, а также усилившейся верой в демократический потенциал Интернета, ещё более укрепившегося благодаря рекламе от Силиконовой долины и огромному количеству различных публичных выступлений в стиле Хиллари Клинтон, транслируемых тысячами академических учреждений, неудивительно, что правительственная пропаганда имеет более высокий шанс стать услышанной и принятой, если она устремлена к своим целям посредством Интернета»¹¹⁵.

Концепция социокультурного перформанса или культурной прагматики Дж. Александера¹¹⁶ исходит из достаточно распространенного постмодернистского тезиса о перформативности, театральности современной культуры и социального мира в целом. Александер предлагает рассматривать «чистые социальные факторы, отделенные от релятивизма субъективного понимания»¹¹⁷. В этом смысле он настаивает на том, что «предположение, что революцию предопределило нечто скрытое за репрезентациями (т.е. «более реальные» материальные или демографические реалии), не более чем предположение»¹¹⁸. Т. о. любые социально-экономические факторы (безработица, демографические показатели, бюрократизм, коррупция и пр.) рассматриваются им через призму представлений и опыта самих участников. Социальный мир и практически все составляющие его сферы (политика, культура, экономика) конструируются и конституируются через перформативные акты, обозначающие смысл социокультурной ситуации. Дж. Александер достаточно скрупулезно систематизирует основные элементы,

¹¹⁵ Бауман З. Способны ли Facebook и Twitter помочь распространению демократии и прав человека? Русский журнал 10.2010 [Электронный ресурс] URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Sposobny-li-Facebook-i-Twitter-pomoch-rasprostraneniyu-demokratii-i-prav-cheloveka> (дата обращения: 16.11.2015).

¹¹⁶ Александер Дж. Об интеллектуальных истоках «сильной программы» / пер. с англ. Д. Куракина // Социологическое обозрение, 2010 Т. 9. № 2, 5–10 с.

¹¹⁷ Там же, С.10

¹¹⁸ Там же.

составляющие структуру любого перформативного акта. В ней выделяются: система коллективных представлений (символы, формирующие фон происходящего и содержащие определенные культурные коды); акторы – основные действующие лица, осуществляющие перформанс и стремящиеся стереть грань между шоу и реальностью (при этом, акторы могут быть как индивидами, так и группами); средства или инструменты символического производства, в качестве которых могут выступать различные материальные предметы, выполняющие функции аналогичные реквизиту в театральной постановке; аудитория или зрители, наблюдающие перформативный акт, декодирующие, расшифровывающие смыслы, заложенные в перформансе акторами и придающая им свои собственные интерпретации; социальная власть, трактуемая Александером как цензура, накладываемая на перформанс или его часть обществом и, наконец, мизансцена, представляющая собой непосредственно перформативное действие.

Дж. Александер в качестве ключевого критерия успешности любого перформанса обозначает т.н. «слияние» всех элементов, когда они в совокупности представляют собой единое целое, создающее необходимую конструкцию для интерпретации зрителями смыслов, заложенных в данном перформансе.

В качестве конкретного кейса политического протеста, анализируемого Александером в перформативном контексте, выступает т.н. Египетская революция 2011 г. Эти события интерпретируются им как столкновения социальных репрезентаций, определяемых культурной основой (culture power) и упорядочиваемых им в виде бинарных противопоставлений сакрального и профанного: «движение протеста ассоциировало режим Мубарака с репрессиями и грубой силой («фараон наших дней»), коррупцией и застоём, а себя с ценностями свободы, коммуникации, спонтанностью, молодостью»¹¹⁹.

¹¹⁹ *Титков А.* Культурсоциология против фараона: «перформативная революция» в Египте // Социологическое обозрение Т. II, №2, 2012, 122-130 с.

Австралийский социолог П. Сноу, справедливо критикуя концепцию Дж. Александера, настаивал на обязательном креативном характере перформансов, являющимися таковыми только в том случае, если они создают новые возможности для изменения ситуации, определяют творческий, созидательный характер со-действия с аудиторией. Таким образом «креативность, понимаемая как способность порождать новые формы существования или альтернативные возможности, является одним из обязательных критериев определения социального события как перформанса»¹²⁰.

Для анализа содержания новых форм политического протеста Александер использует бинарное противопоставление сакрального и профанного, разворачивающееся в границах культурного бэкграунда участников перформанса. Новые формы протеста направлены, прежде всего, на де-сакрализацию, профанизацию власти и, напротив, придание сакральных качеств протестующим. Сетевые инструменты при этом существенно раздвигают границы аудитории, а также многократно увеличивают возможности визуализации представляемого материала.

Концептуальный подход перформативности социальных событий Александера был существенно переработан постструктуралистами. И здесь, в аспекте рассматриваемой в настоящем исследовании проблематики, особо обращает на себя внимание методологический подход Дж. Батлер.

Джудит Батлер – известный американский философ-постструктуралист, профессор риторики и сравнительной литературы в Калифорнийском университете (Беркли), лауреат премии Теодора Адорно (2012г.), внесла весомый вклад в разработку методологии анализа новых форм политического протеста в условиях сетевого общества. Не являясь политологом и даже в полной мере политическим философом, Батлер, тем не менее, предложила достаточно новый и оригинальный подход к

¹²⁰ Фархатдинов Н. Питер Сноу. «Перформанс общества» // Социологическое обозрение т. 10, №1-2 2011, 75-78 с.

интерпретации современных социальных и политических протестов, изложенный, в частности, в ее статье «Ну, и чего вам надо? И куда это идет?»¹²¹.

Отправной точкой рассуждений Батлер об истоках и формах новых протестных движений (прежде всего, речь идет об американском движении Оссигу) служит тезис о глубоком кризисе представительных институтов власти и самого процесса их формирования: «Электоральная политика в сегодняшнем виде не представляет народной воли, ее легитимность находится в глубоком кризисе из-за разрыва между демократической волей и ее репрезентацией электоральными институтами»¹²². Ключевым методологическим инструментом в теории новых конфигураций политики Джудит Батлер выступают т.н. речевые перформативные акты: «Категории (научные, политические, социальные) воспроизводятся через серию повторяемых действий, предписывая самим действиям некий естественный характер. Для той или иной категории становится естественно действовать так, а не иначе, противостоять антагонистической категории, а не какому-либо иному феномену, обеспечивающему угнетение той или иной категории людей. Следовательно, сам процесс категоризации предполагает серию эффектов: лимитирует осмысление действий и поступки таким образом, который оказался нормализованным в конкретный исторический промежуток времени»¹²³. Структуры социальной и политической власти продуцируют такого рода категории с целью обеспечения постоянного воспроизводства системы устоявшихся властных отношений. В этой категориальной системе действует простая бинарная логика деления на «своих» и «чужих», «пропонентов» и «оппонентов», в рамках которой и реализуется традиционный протест. Новые формы протеста выпадают из такой логики, их основная цель – поставить власть в тупик неожиданным, порой кажущимся

¹²¹ Батлер Дж. Ну, и чего вам надо? И куда это идет? // Неприкосновенный запас №2(88), 2013, 13–20 с.

¹²² Батлер Дж. Ну, и чего вам надо? И куда это идет? // Неприкосновенный запас №2(88), 2013, 13–20 с.

¹²³ Кондаков А. Новые конфигурации политики после квин-философии Джудит Батлер: протестные движения в России и проблемы их осмысления // Неприкосновенный запас №4 (90) 2013, 179-190 с.

бессмысленным, действием и тем самым подорвать привычную систему воспроизводимых категорий: «новая конфигурация политики не предполагает производства политических идентичностей – она базируется на субъектном политическом действии, противопоставляющем нормативности субверсию»¹²⁴.

Батлер определяет в качестве первопричин неэффективности политических систем современности само существование политического процесса, не отвечающее целям и ценностям истинной демократии:

«Иными словами, почему мы принимаем как данность то, что единственная политика, имеющая смысл, – это набор требований к существующей власти? Почему эти требования отделяют примеры неравенства и несправедливости друг от друга и не способны фиксировать связи между ними? Очевидно, что сведение политики к списку реализуемых требований также ограничивает политическое пространство рамками существующей электоральной системы, основывающейся на том, что любые радикальные перемены экономического режима просто не обсуждаются... Можно сказать, что политика, определяемая как практическая и интеллигибельная, нацеленная на производство и удовлетворение отдельных требований, изначально служит легитимации существующих экономических и политических структур, отвергая системный характер неравенства»¹²⁵.

Основной вывод, который позволяет нам сделать краткий анализ ключевых концепций виртуализации и сетевизации политического участия в целом и политического протеста в частности, заключается в признании недостаточности инструментального подхода, осуществляемого в логике постиндустриализма и теории информационного общества, для объяснения феномена новых, сетевых форм такого участия. Вне зависимости от того, какую позицию по отношению к роли интернет-технологий в политическом

¹²⁴ Кондаков А. Новые конфигурации политики после квір-философии Джудит Батлер: протестные движения в России и проблемы их осмысления // Неприкосновенный запас №4 (90) 2013, 179-190 с.

¹²⁵ Там же, С.185

процессе (оптимистическую, пессимистическую или нейтральную) не занимали бы авторы таких концепций, для глубокого, всестороннего исследования политического протеста в XXI веке требуется методология, позволяющая адекватно объяснить причины и последствия того, как меняется содержание современного политического протеста в терминах идентичности протестных групп, их институционального оформления и оппозиции властным институтам. В этом смысле, несомненную эвристическую ценность на наш взгляд представляет концепция социального перформанса Дж. Александера, актуализирующая идею противостояния сакральности и профанности в политическом процессе и постструктуралистский подход Дж. Батлер, определяющий в качестве отправной точки анализа «новые конфигурации политики».

2.2. Структурные и содержательные особенности сетевых форм участия в политике

Появление и совершенствование методологических подходов к исследованию новых форм политического участия в условиях сетевого общества происходило параллельно с достаточно динамичным развитием самих этих форм в течение 2000ых гг.

Как было показано в первой главе, изменившийся в условиях становления и развития сетевого общества, социально-политический контекст привел к возникновению и экспоненциальному росту новых форм гражданского участия в политике. Среди достаточно большого количества таких форм выделим и подробнее остановимся на четырех основных: бенчмаркинге, краудсорсинге, партисипативном бюджетировании и сетевых партиях. На наш взгляд именно эти четыре формы составляют основу формирования повестки дня сетевой политики.

Понятие «бенчмаркинг» происходит от английских слов «bench» (уровень, высота) и «mark» (отметка). Таким образом, под бенчмаркингом следует понимать метод непрерывного совершенствования деятельности любого вида и уровня путем сравнения с эталонным образцом. При этом, эталон, как условная планка, не может оставаться постоянным, он должен соответствовать изменению внешних социально-экономических условий и потенциалу управленческой организации. Исследователи бенчмаркинга выделяют характерные для данного метода черты, среди которых: ценность обучения на примерах, лежащих вне традиционной «системы координат» организации; постоянное сравнение практики организации с лучшими образцами; использование полученной информации в деятельности организации¹²⁶.

Впервые данный метод был применен в 1972 году в консалтинговой компании PIMS (США). В 1979 году компания Хегох осуществила первый широкомасштабный проект по бенчмаркингу. С середины 1990-ых бенчмаркинг активно используется в сфере муниципального и государственного управления в Европе и США¹²⁷. В начале 2000-ых годов появляются кросс-национальные сетевые структуры по применению бенчмаркинга в государственном секторе. А.В. Курочкин¹²⁸ отмечает, что одной из наиболее успешных сетевых структур стала Европейская сеть бенчмаркинга (The European benchmarking network – EBN), поддерживаемая Европейским институтом административной политики.

Краудсорсинг как метод общественного участия был обязан своим появлением сети Интернет и различным сетевым сервисам, обеспечившим технологическую возможность одновременного участия в разработке или

¹²⁶ Бенчмаркинг: поиск примеров эффективной маркетинговой практики инновационных релей-центров / общ. ред. Иванова В., Клесова С. М.: ЦИПРАН РАН, 2006, 264 с.

¹²⁷ Darrell R., Bilodeau B. Management Tools & Trends 2013. [Электронный ресурс] // Bain&Company, 2013. URL: http://www.bain.com/Images/BAIN_BRIEF_Management_Tools_%26_Trends_2013.pdf (дата обращения: 10.11.2015)

¹²⁸ Курочкин А. В. Инновационная политика в условиях сетевого общества (североевропейская модель) // СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2013, 132 с.

обсуждении каких-либо проектов множества несвязанных друг с другом людей. Впервые данный термин был использован в 2006 г. американскими журналистами Джеффом Хау и Марком Робинсоном, образовавшими его от двух английских слов crowd (толпа) и outsourcing (использование внешнего ресурса).

Краудсорсинг принято считать технологией, которая объединяет новый класс сетевых инновационных систем, новый подход в методологии решения задач с использованием интеллектуального потенциала (коллективного разума) и знаний миллионов людей с разбивкой процесса на мелкие составляющие части¹²⁹. Данный коллективный разум можно определить как такую форму знания, которое постоянно развивается и растет, что способствует эффективной мобилизации способностей людей.

Существуют разные способы применения краудсорсинга. Если говорить о наиболее широком понимании его использования, то можно выделить несколько закономерностей. Вопреки опасениям, что сеть Интернет изолирует людей друг от друга, краудсорсинг доказывает обратное, используя свою технологию для объединения человеческих ресурсов с целью сотрудничества и плодотворного обмена среди людей из разных сфер деятельности, с разными жизненными историями, а также с разных концов света. Это позволяет говорить о том, что сообщества, возникающие преимущественно в социальных сетях, обеспечивают площадку и структуру для совместной «работы»¹³⁰.

Одной из отличительных черт краудсорсинга является важность конечного результата, а не социально-профессиональные характеристики участников выработки или отбора решений. Технология краудсорсинга

¹²⁹ Ильин А.С. Краудсорсинг как инструмент модернизации государственного и муниципального управления. // Материалы VIII международной научно-практической конференции «Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития», 31 мая -1 июня 2012 г. М.: ИНИОН РАН, 2012.

¹³⁰ Хау Дж. Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развития бизнеса [Электронный ресурс] URL: http://thelib.ru/books/dzheff_hau/kraudsorsing_kollektivnyy_razum_kak_instrument_razvitiya_biznesa-read-2.html (Дата обращения: 07.03.2015)

подразумевает наделение всех участников процесса равными правами и возможностями, что позволяет реализовывать и обеспечивать равное участие граждан в управлении, актуализируемом в рамках концепции «соуправления» (governance).

Еще одной не менее важной чертой краудсорсинга является большое количество добровольцев-исполнителей, которые могут выполнять свои функции за минимальный размер оплаты. Ввиду того, что работа разделяется на множество составных частей, можно отметить высокий уровень вовлеченности разных исполнителей с учетом их индивидуального набора необходимых для выполнения задачи навыков. Это позволяет, как ускорить время выполнения работы, так и сократить расходы на ее реализацию. Осуществить это позволяют виртуальные социальные сети, которые уже доказали свою рентабельность как широкой площадки для краудсорсинга.

Краудсорсинговые проекты, направленные на повышение политического участия, можно подразделить на три большие группы:

1. Проекты вики-сотрудничества
2. Так называемые «чрезвычайные» проекты и
3. Законотворческие проекты.

В рамках представленных выше групп выделяют не менее шести подвидов краудсорсинговых инструментов, которые представлены в таблице № 1.

Таблица № 1. Подвиды краудсорсинговых инструментов.

Вид краудсорсинга	Характеристика
пассивный	Направлен только на прием генерируемых толпой идей
активный	Обеспечивающий эффективный диалог между модераторами интернет-площадки и пользователями
внутренний	Разработка решения или нового продукта происходит в пределах сообщества экспертов

внешний	Отсутствуют ограничения в процессе генерации идей
традиционный	Поиск наилучшего варианта решения среди всех поступивших
синтеллектуальный	Поиск наиболее эффективного решения на основе коллективного отбора

Источник: Хашева З. М. Краудсорсинг в государственном управлении // Экономика и предпринимательство №5 (ч.1), 2015, 853-855 с.

Отметим, что все выделенные выше формы применимы как в политике, так и в государственном управлении, хотя на сегодняшний день их применение осуществляется крайне неравномерно.

В сфере политического участия краудсорсинговые проекты делают возможным решение целого ряда важных задач:

- разработка и внедрение инновационных инструментов в систему политического менеджмента;
- обеспечение консолидации и координации в сетевом пространстве гражданских активистов в процессе решения актуальных социальных проблем;
- возникновение взаимного доверия и взаимопомощи в процессе краудсорсинга, что обеспечивает более высокую степень социальной солидарности;
- обеспечение возможности для активных граждан интегрироваться в экспертное политическое сообщество и получить возможность продуцировать проекты онлайн.

Показательными примерами уже реализованных краудсорсинговых проектов, решающих эти задачи в сфере политического участия и контроля за электоральным процессом в современной России, являются разнообразные объединения независимых наблюдателей: «РосВыборы», «Голос»,

«Российский фонд свободных выборов», «Альянс независимых наблюдателей», «SMS-ЦИК», «Гражданин наблюдатель».

Одним из наиболее популярных видов краудсорсинга является краудмэппинг, который представляет собой систему менеджмента информации, позволяющую обрабатывать сообщения от пользователей сети Интернет и выводить их в виде интерактивных карт. Наиболее ярким примером данной технологии является ресурс Ушахиди (Ushahidi), который успешно реализовал себя не только за рубежом, но и в России. Здесь нельзя так же не сказать об известной на весь мир Википедии ([https:// wikipedia.org](https://wikipedia.org)), где контент создается обычными пользователями Интернета со всех уголков планеты).

С появлением и реализацией новых технологий Web 2.0 (методика проектирования систем, ключевым принципом которых является привлечение пользователей к наполнению многократной выверке информации¹³¹), краудсорсинг стал широко применяться и в сфере политики. В Исландии в 2012 году пользователи социальных сетей Facebook и Twitter создали проект Конституции¹³². В том же году в Финляндии запустили краудсорсинговую платформу Open Ministry (www.openministry.info), с помощью которой граждане смогут вносить новые законопроекты на парламентское голосование. Похожий сервис Jolitics был реализован и в Великобритании. Он стал эффективной социальной сетью для лоббистов, которая полностью копирует работу британского парламента (в планах развития данного ресурса есть и пункт обсуждения вопросов местного значения, а также расширение за рубеж). В США обеспечение участия граждан в законотворчестве достигается через платформу PopVox (www.popvox.com), где граждане могут обсуждать, оценивать и высказывать

¹³¹ *О'Рейли Т.* Что такое Web 2.0. [Электронный ресурс] URL: <http://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (Дата обращения: 07.03.2015).

¹³² *Селезнев Р.С.* Экономика 2.0 и политика 2.0. – специфика социальных связей в среде социальных сетей (европейский пример) [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-2-0-i-politika-2-0-spetsifika-sotsialnyh-svyazey-v-srede-sotsialnyh-setey-evropeyskiy-primer>. (дата обращения: 15.05.2015)

свои предложения по рассматриваемым Конгрессом США законопроектам. Если говорить о России, то единой краудсорсинговой платформы пока нет, и большинство попыток ее создать исходят не «снизу» и даже не от бизнес-структур, а «сверху». Сетевые технологии на уровне федеральной власти получили широкое распространение в 2010-2011гг. благодаря инициативам Дмитрия Медведева. В апреле 2009 года, после посещения штаб-квартиры Twitter, Д. Медведев завел себе аккаунт в социальной сети (<https://twitter.com/medvedevrussia>), который регулярно обновляет до сих пор. В одном из своих выступлений, он призвал чиновников осваивать новые технологии для связи с общественностью. Весной 2010 года в Интернете появляется закрытая социальная сеть для чиновников, занятых в сфере оказания государственных и муниципальных услуг в электронном виде, которая получила название «Регионалочка» (<http://regionalochka.ru/>), затем появляется сеть ГосБух (<http://www.gosbook.ru/>), позиционирующая себя как экспертная сеть по вопросам государственного управления. На данный момент одной из самых крупных российских политических краудсорсинговых площадок является «Российская общественная инициатива» - это ресурс, с помощью которого граждане России, авторизованные через ЕСИА, могут выдвигать различные гражданские инициативы, а так же голосовать за них.

Среди положительных моментов в использовании методов краудсорсинга, нельзя не отметить его применение для повышения интереса граждан к политике и развития инновационного потенциала в сфере публичного управления. Как уже говорилось ранее, использование новых информационных технологий и возможностей позволяет обеспечить демократическое участие в обсуждении законодательных проектов, что повышает прозрачность их принятия, либо представляет возможность совместного обсуждения и создания государственных и муниципальных

проектов/услуг, а также способствует принятию краудсорсинговых решений¹³³.

С другой стороны, необходимо выделить и ряд негативных моментов использования краудсорсинга в политическом процессе:

- большой объем информации, не всегда структурируемой в удобном и доступном для понимания в целом виде;
- возможность манипуляций и представления заведомо сформулированного решения, как поддержанного большинством;
- часто встречающаяся поддержка предложений наиболее активных пользователей, а не выбор наилучшей альтернативы;
- отсутствие необходимой компетенции у граждан для принятия объективных и оптимальных решений.

Краудфандинг. Одной из разновидностей краудсорсинга является краудфандинг (от англ. *crowd funding*, *crowd* — «толпа», *funding* — «финансирование»), который основан на финансировании проектов, как правило через Интернет, добровольцами, заинтересованности.

Актуальность краудфандинга продиктована его отличием от традиционного привлечения капитала в те проекты, которые из-за специфики и особенностей своей отрасли или местонахождения не имеют выход на инвесторов. Механизм данного метода прост. Инициативный проект, основанный на личном инвестировании своего создателя (начальный капитал на старт, подачу документов, а так же оформление идеи своего проекта так, чтобы он был интересен будущим инвесторам), открывает сбор средств через Интернет-платформы (самая первая платформа для краудфандинга, а ныне и самая популярная - <http://planeta.ru/>), на которых частные инвесторы посредством электронных финансовых ресурсов (наиболее распространены такие варианты как: Яндекс.Деньги, оплата

¹³³ Reddick C., Aikins S. Web 2.0 Technologies and Democratic Governance // Public Administration and Information Technologies, Vol. 1, Springer Science and Business Media, New York, 2012, 1-7 p.

банковской картой (Visa или MasterCard), Qiwi Кошелек, RBK Money) осуществляют платежи. Одними из многочисленных плюсов данного вида финансирования является его прозрачность, вовлеченность каждого конкретного участника, а также возможность выводить свой проект на стадии «идеи», что в условиях нестабильной финансовой ситуации в стране, является крайне актуальным и привлекательным.

Выделяют несколько видов краудфандинга. Одна из возможных классификаций приведена в таблице № 2. В ней рассматриваются характеристики трех видов краудфандинговых ресурсов: роялти, народное голосование и акционерный краудфандинг.

Таблица № 2. Виды краудфандинговых ресурсов

Форма	Характеристика
1. Роялти	Логическое продолжение модели нефинансового вознаграждения. Кроме нефинансовых бонусов и поощрений спонсор (инвестор) получает долю от доходов (прибыли) финансируемого проекта. Форма перспективна, позволяет сохранить сопричастности человека, мотивируя его финансово

<p>2. Народное кредитование</p>	<p>Доминирует по объему привлеченных средств. Преимущества для кредиторов: высокие ставки и возможность предоставления займа в широком спектре отраслей. Источником финансирования выступают только физические лица.</p> <p>Народное кредитование делится на 2 блока: 1) финансирование юридических лиц; 2) финансирование физических лиц.</p> <p>Платформ, работающих в первом сегменте меньше, но объем аккумулируемых средств более внушителен (например, лидер рынка Великобритании платформа Funding Circle помогла привлечь от физических лиц более 250 млн долл.).</p> <p>Кредитование физических лиц существует как в виде народного, так и в виде P2P, где заемщик общается с кредитором непосредственно. Краудфандинговая площадка здесь – посредник и гарант. Первой такой платформой, работающей по принципу кредитования, стала британская Zora. Другие успешные проекты: Smava в Германии, Babyloan во Франции и др. Лидер рынка – американская Lending Club, собравшая с 2007 по октябрь 2013 года более 2,7 млрд долл.</p> <p>Доля народного кредитования за 2012 год – почти 50% от всей структуры доходов рынка краудфандинга в мире.</p>
<p>3. Акционерный краудфандинг</p>	<p>В качестве вознаграждения при данном виде краудфандинга спонсор получает часть собственности, акции предприятия, дивиденды или право голосования на общих собраниях акционеров. Данный подход считается одновременно</p>

	<p>наиболее обсуждаемым и противоречивым, т.к. затрагивает организационно-правовую форму предприятия и связан с повышенным риском для инвесторов. Примерами акционерного краудфандинга выступают: платформа EquityNet, существующая с 2005 года, а также британский проект Seedrs.</p>
--	--

Источник: *Лихолетов В.В., Черепанова А.Е.* Краудфандинг как народное финансирование: состояние и перспективы для России // Экономика и менеджмент инновационных технологий 2014 № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/11/6302> (дата обращения: 12.03.2016).

В политической сфере наибольшее распространение получило т. н. народное кредитование, выступающее в различных формах поддержки общественно-значимых (гражданских) и политических проектов. В качестве яркого примера можно привести избирательную кампанию Барака Обамы в 2008 году, чей фонд ежедневно пополнялся в среднем на миллион долларов, большая часть из которого поступала от мелких спонсоров через Интернет (среднестатистическая сумма пожертвования – 86 долларов). В современной России к наиболее успешным из них можно отнести проект «РосПил» (rospil.info), направленный на контроль над эффективностью и правомерностью расходования бюджетных средств в рамках системы государственных закупок. В процессе его реализации за 24 дня было собрано 5 миллионов рублей (изначально расчет был на 2 месяца), среди которых средний размер взноса составил 350 рублей.

Объемы краудфандинга в различных видах и формах росли в мире в течение 2000ых гг. лавинообразными темпами (как следует из данных, приведенных в таблице №3), показывая с 2010 по 2013 г. среднегодовой прирост в среднем – 70%.

Таблица № 3. Рост рынка краудфандинга в мире 2009-2013гг.

Показатели	Годы				
	2009	2010	2011	2012	2013
Объем рынка, млн долл. США	530	854	1470	2700	5100
Прирост, %	-	61	72	81	89

Источник: Лихолетов В.В., Черепанова А.Е. Краудфандинг как народное финансирование: состояние и перспективы для России // Экономика и менеджмент инновационных технологий 2014 № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/11/6302> (дата обращения: 12.03.2016).

Партисипативное бюджетирование (бюджетирование с общественным участием) как новая форма гражданского участия на местном уровне отличается следующими характеристиками:

Организация широкого публичного обсуждения финансовых/бюджетных процессов, имеющее основной целью перераспределение средств в случае изменения параметров бюджета или возникновения непредвиденных затрат.

Публичное обсуждение организуется на общегородском уровне или уровне района, в случае крупной городской агломерации или мегаполиса. Процесс вовлечения в обсуждение бюджета и разработку соответствующих решений должен носить регулярный характер. Отдельные, разовые случаи участия граждан и их ассоциаций в бюджетном процессе не могут рассматриваться как практика партисипативного бюджетирования.

Данная форма участия предполагает наличие эффективной, постоянно действующей системы обратной связи с населением муниципального образования.

Партисипативное бюджетирование не обязательно напрямую ведет к принятию конкретных решений. Его основная цель – обеспечение гибкости и отзывчивости бюджетного процесса к текущим проблемам и запросам граждан¹³⁴.

Сегодня практика партисипативного бюджетирования очень широко распространена в мире. К лидирующим странам относятся Бразилия (где данная форма впервые появилась и получила распространение еще в конце 1980ых гг. в Порто Алегри), Великобритания (здесь практика партисипативного бюджетирования получила поддержку центрального правительства и стала элементом национальной политики в сфере регионального и местного управления), Польша (где также в 2009 г. был принят специальный закон о партисипативном бюджетировании и оно стало одним из основных направлений деятельности польской Федерации лидеров местных сообществ). На африканском континенте бюджетирование с общественным участием активно развивается с середины 2000ых годов под эгидой Африканской ассоциации местных властей (UCLGA).

В России практика партисипативного бюджетирования также начинает активно внедряться в муниципалитетах ряда регионов. В частности, обращает на себя пилотный проект краудсорсингового механизма распределения 10% расходных средств бюджетов муниципалитетов, проведенный Мэрией Москвы и Ассоциацией «Совет муниципальных образований г. Москвы» в 2013-г. в 11 районах столицы.

Очевидно, что такая форма участия будет наиболее эффективна для небольших городских муниципалитетов и сельских поселений, где система

¹³⁴ Allegretti G., Röcke A., Sintomer Y., Herzberg C. Participatory Budgeting and its Diversity // Муниципалитет: экономика и управление №2(5) 2013 [Электронный ресурс] URL: <http://municipal.uapa.ru/en/issue/2013/02/01/> (дата обращения: 20.05.2015)

обратной связи с населением не является столь сложной и затратной как в крупных мегаполисах.

Все виды краудсорсинга (создание продукта (контента), голосование, поиск решения, поиск людей, сбор информации, сбор мнений, тестирование и сбор средств) вместе с методами бенчмаркинга и партисипативного бюджетирования представляют собой основу для взаимодействия общества и власти в условиях сетевого общества. Данные технологии способны сформировать и обеспечить коммуникацию между людьми, связанными общими интересами, а также повысить конкуренцию, способность к оперативному принятию решений и росту инновационного потенциала организаций.

Реализация технологии краудсорсинга в сфере публичного управления позволит решить такие задачи как вовлечение активных граждан в процесс разработки решений, выбор лучших предложений своих участников, а также формирование открытой «интеллектуальной» базы на основе вклада каждого участника в решение общей задачи. Как итог: обеспечение достаточного уровня поддержки со стороны граждан политических решений и повышение эффективности последних.

Особое значение для анализа сетевых форм представительства интересов в политике имеют так называемые «сетевые партии», которые часто рассматриваются как наиболее перспективную модель развития данного политического института в условиях сетевого общества.

В политической науке выделяют три основные формы участия политических партий в сетевой коммуникации.

Первая форма предполагает использование интернет-технологий для информирования своих избирателей и привлечения потенциальных сторонников. Эта форма используется традиционными партиями практически повсеместно. Еще в 1994 г. в Нидерландах и Великобритании были созданы первые интернет-сайты партии «Зеленых» и Лейбористской партии. К 2007 г. интернет-коммуникациями через собственные сайты были

охвачены до 73% депутатов британской Палаты общин¹³⁵. Сегодня доминирует точка зрения, согласно которой «партии становятся *профессионализированными медиа-коммуникационными* партиями, обладающими следующими признаками:

- профессиональный коммуникационный менеджмент;
- постановка проблем, основанных на критериях медиа-логики (Twitter);
- ориентация, скорее, на отдельные вопросы, чем на согласованные программы;
- осознанные способности, отфильтрованные стратегическим центром власти;
- незначимость ресурса активного членства (волонтеры в кампаниях)»¹³⁶.

Вторая связана с изменением организационной формы существования партии и формированием сетевой партийной структуры, представляющей собой «многообразную сеть отношений, используемую как для достижения победы на выборах, так и для проведения своей политики»¹³⁷. Структурные трансформации такого рода связаны, прежде всего, с переходом к платформе Web 2.0, главное отличительное свойство которой заключается в возможности пользователей активно участвовать в наполнении и корректировке сетевого контента¹³⁸.

Наконец, *третья* форма – это, собственно, сетевые или киберпартии, которые изначально создавались в виртуальной среде.

Феномен киберпартий сегодня уже нельзя назвать совершенно новым для политической науки. В России его изучению посвящены работы Сморгунова Л. В., Кислициной И. С., Кислицина С. А., Литвиненко А. А.,

¹³⁵ Сморгунов Л. В. Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования. 2014. № 4, С. 22

¹³⁶ Там же, С. 29

¹³⁷ Там же, С. 28

¹³⁸ Литвиненко А.А. ВЕБ 2.0. во внешней коммуникации политических партий Германии // Теория и практика общественного развития. № 2. 2012. с. 262-264.

Шульженок В. И. и др. К ведущим зарубежным исследователям сетевых партий можно отнести Х. Маргеттс, Ф. Хартлеба, Г. Когера, С. Маскетта, Х. Ноела и др.

Хелен Маргеттс, вводя в 2001 г. термин «киберпартия», определяла эту новую форму партии не как маргинальный случай, а как закономерный итог развития политических партий в рамках общей траектории¹³⁹: от доминирования кадровых партий – к массовым, затем – всеохватным, картельным партиям и, наконец, – киберпартиям, появление которых было вызвано изменением паттерна политического участия, распространением смешанных электоральных систем и, конечно же, бурным развитием интернет-технологий. Киберпартии не имеют формализованного членства и их потенциальные сторонники – все избиратели, они действуют на границе между государством и гражданским обществом (Маргеттс видела в этом близость киберпартий и картельных партий), обеспечивая непосредственную он-лайн коммуникацию со своими сторонниками.

Появлению нового типа партий способствовали, по мнению Маргеттс, два ключевых тренда, прослеживаемых с конца 1990-х до начала 2000-х гг. практически повсеместно в границах западного мира. Это – существенное сокращение членства в политических партиях и общественно-политических организациях в целом и компенсирующий его рост индивидуализированных форм политического участия. Данные, приведенные в исследовании Мейера и ван Байзена, по 20 ведущим европейским демократиям, показывают общее сокращение партийного членства за 30 лет примерно в три раза. При этом устойчивая тенденция сокращения членства прослеживается не только в партийных организациях, но и в прочих крупных неправительственных

¹³⁹ *Margetts H.* The Cyber Party [Электронный ресурс] URL: http://www.governmentontheweb.org/sites/governmentontheweb.org/files/Cyber_party_paper.pdf 2001 (дата обращения: 30.08.2015).

структурах, таких как, например, Гринпис, количество членов которого с 1993 по 1999 гг. сократилось более чем в два с половиной раза¹⁴⁰.

Для российской политической практики сетевые политические акторы приобрели особое значение во время электорального цикла 2011-2012 гг., когда на волне роста энтузиазма относительно эффективности использования в политике сетевых инструментов всерьез звучали предложения по немедленной сетевизации политического процесса. Так, по мнению президента Центра стратегических разработок Михаила Дмитриева, единственная возможность активизации публичной политики в сложившейся ситуации — создание партии нового типа, которую он так и назвал — «интернет-партией». В нее должны войти жители больших городов, где сосредоточен средний класс. Такая партия не будет требовать развитой региональной сети, так как «региональный партактив — не преимущество, а тормоз», а главное — партии должны будут «работать через Интернет в режиме онлайн, быстро обновляя контент»¹⁴¹. Между тем, уже созданные и действующие на российской политической сцене киберпартии (такие как, например, пиратская партия) отнюдь не внушают подобного оптимизма.

Содержательный анализ идеологий, лежащих в основании деятельности кибер-партий, показывает их всеядность и эклектичность политических взглядов (порой перерастающую в явную противоречивость). Единственным объединяющим началом является общий протестный настрой (против косности и консерватизма политической системы и традиционных партийных структур, крайне далеких, по мнению киберактивистов, от простых избирателей), а также популизм в значительной степени присутствующий в заявлениях практически всех сетевых партий¹⁴².

¹⁴⁰ *Mair P. and Biezen I.* Party Membership in Twenty European Democracies, 1980-2000 // *Party Politics*, vol 7 no 1, 2001, 5-21 p.

¹⁴¹ *Асмолов Г.* Кризис представительства и сетевая политика // *Еженедельный журнал*. Июль 2011 [Электронный ресурс] URL: <http://touch.ejnew.com/?a=note&id=11210#> (дата обращения: 30.08.2015)

¹⁴² *Кислицын С. А., Кислицына И. С.* Сайты политических партий – каковы перспективы? Анализ партийных интернет-коммуникаций в период избирательных кампаний 2007-2012 гг. // *Политическая наука*. № 1. 2013, 209-231 с.

Определить какую либо идеологическую доминанту, отличающую этот тип партий от прочих, не представляется возможным, поскольку ведущие киберпартии могут быть разнесены по всему политическому спектру: от либертарианства до консерватизма ультраправого толка и национализма.

Подводя итог, следует выделить ряд ключевых преимуществ сетевых партий, которые обеспечивают им сегодня голоса избирателей и позволяют надеяться на расширение их электоральной базы в будущем.

Это:

- сравнительно небольшие расходы на создание партийного бренда и его продвижение;
- широкая (ограниченная лишь возможностью доступа в интернет) аудитория сетевых политических партий, сравнительно молодая, мобильная и образованная;
- отношения киберпартий и их сторонников носят интерактивный характер, т.е. предполагают непосредственное и активное участие потенциальных сторонников в формировании и продвижении партийного бренда, как в виртуальной, так и реальной политической среде;
- чрезвычайно быстрый и прямой информационный обмен, исключающий необходимость посредничества в выстраивании процесса обратной связи.

Однако, несмотря на отмеченные преимущества, сегодня виртуальные партии не могут всерьез претендовать на приход к власти ни в России, ни в ведущих западных демократиях. Этому видится несколько причин. Первая – это политический непрофессионализм и конъюнктурность большинства киберактивистов, неспособных адекватно влиять на выработку политики. Протестная, популистская составляющая в деятельности киберпартий явно превалирует над созидательной.

Другой серьезной проблемой остается так называемый «цифровой разрыв», суть которого сегодня сводится не столько к обеспечению возможности доступа к сетевым ресурсам, сколько к невысокому в среднем

уровню цифровой грамотности населения и доверия к интернету как независимому средству участия в политике.

2.3. Сетевые формы участия в политике как катализаторы протестных настроений на постсоветском пространстве

На постсоветском пространстве широкое использование сетевых форм участия в политике чаще всего ассоциируют с феноменом «цветных революций». Более того, происхождение некоторых терминов, уже давно и прочно вошедших в лексикон сетевой политики, (как например, Twitter революция) было связано именно с этими событиями.

Ряд «цветных революций» оказались успешными: «революция роз» в Грузии (ноябрь 2003 г.), «оранжевая революция» на Украине (декабрь 2004 – начало января 2005 г.), «революция тюльпанов» в Кыргызстане (март 2005 г.), ряд – не достигли своих целей: выступление оппозиции в Азербайджане (осень 2005 г.), Белоруссии («васильковая революция» весны 2006 г.), Армении (весна 2008 г.) и Молдове (весна 2009 г. – «революция мамалыги»). Но всех их объединяет именно широкое использование новых сетевых технологий (от первых интернет СМИ и блогов в период до 2006г. до активного использования различных социальных сетей и других сервисов в период 2010-2015гг.), невзирая на существенные различия в технологическом развитии и распространении интернета на момент проведения данных акций протеста.

Причины и условия организации «цветных революций» достаточно схожи, несмотря на значительные социокультурные различия рассматриваемых стран. Можно выделить как институциональные, так и неинституциональные причины.

К основным институциональным отнесем:

- Неустойчивость политического режима;

- Распространение национально-патриотических настроений;
- Символизацию революционных событий («оранжевая революция», «революция тюльпанов», «революция роз» и т.д.);
- Наличие хорошо организованных (чаще всего по сетевому принципу) оппозиционных сил, возглавляемых популярным лидером;
- Привязанность к электоральным процессам (избирательная кампания как катализатор протестных выступлений).

К неинституциональным относятся две ключевых:

- внешняя ресурсная и методологическая поддержка (к наиболее активным внешним игрокам здесь относятся: фонд «Открытое общество», Гарвардский университет, институт Альберта Эйнштейна, Международный республиканский институт, Национальный демократический институт (США), Международный центр ненасильственных конфликтов, Международный институт стратегических исследований в Лондоне, фонд Карнеги и др.);
- внутренние проблемы социально-экономического развития постсоветских республик (клановое устройство экономических систем, падение основных экономических показателей, социальная депривация, низкая социальная мобильность и пр.).

Универсальными для всех рассматриваемых случаев факторами, определяющими эффективность использования сетевых ресурсов в процессе подготовки и реализации «цветных революций» стали:

- возможность организации протестного движения с поразительной скоростью;
- большой потенциал привлечения новых членов и стимулирование политического участия в целом;
- практически неограниченные возможности по распространению информации, когда протесты уже идут полным ходом;
- обеспечение материально-технической поддержки протестующих.

В данном параграфе мы рассмотрим три наиболее показательных случая использования новых форм политического участия в обеспечении протестной активности: события 2009 г. в Молдове, оранжевую революцию на Украине 2004 г., украинский кризис 2013-2014 гг., а также революцию тюльпанов в Кыргызстане в 2005 г. и 2010 г.

В отечественной и зарубежной литературе сложилось устойчивое мнение, что именно события 2009 года в Молдавии - серия митингов и демонстраций, которые начались накануне выборов, открыли новый мощный импульс для использования сетевых форм участия в политике. Прежде всего, речь идет об использовании интернет-сервиса Twitter. Данный сервис обеспечил возможность активным гражданам, в основном молодежи, консолидироваться под призывом выйти на площади Кишинева. Его инструментальную эффективность в обеспечении координационной и мобилизационной функций определили ряд технических особенностей.

Twitter - это социальный сервис, с помощью которого пользователи могут отправлять и читать короткие сообщения, длиной не более 140 символов. Данная социальная сеть была запущена в 2006 году и мгновенно приобрела огромную популярность в мире. Согласно статистике за 4 квартал 2015 года Twitter доступен на более чем 35 языках и его аудитория составляет 316 миллионов активных пользователей ежемесячно (прирост аудитории за 2015 год составил 14 миллионов пользователей)¹⁴³. 23 августа 2007 года Крис Мессина предложил использовать знак фунта (#) для групп сообщений¹⁴⁴. Позже этот символ стали называть хэштег и данная идея получила широкое распространение среди пользователей, обеспечив сервису еще большую популярность.

¹⁴³ Социальные сети в России, зима 2015-2016 Цифры, тренды, прогнозы [Электронный ресурс] URL: <http://br-analytics.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii-zima-2015-2016-cifry-trendy-prognozy/> (дата обращения: 15.02.2016)

¹⁴⁴ Длинная короткая история 10 лет Twitter в 140 твитах [Электронный ресурс] URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2937743> (дата обращения: 15.02.2016)

Главное преимущество коротких сообщений (твиттов) – это их оперативность. Именно оперативность, а также простота в использовании и доступность стали главными причинами широкого использования Twitter во время «цветных революций» и массовых протестов.

Проанализируем более подробно роль Twitter и других социальных сервисов в протестных выступлениях в Молдове 2009г., получивших название «революция мамалыги».

Важным условием дестабилизации политической ситуации в стране для Молдовы стали: 1) электоральный фактор, а именно, общественное недовольство результатами парламентских выборов и 2) внешнее влияние, проявившееся в республике в виде активного информационно-пропагандистского давления со стороны Румынии, а также популистского курса на вхождение Молдовы в Евросоюз, отстаиваемого рядом политических партий страны.

В апреле 2009 года население Молдовы составляло порядка 4 млн человек, в том числе 500 000 граждан, проживающих в непризнанной республике Приднестровье, неподконтрольной властям Молдовы. По результатам исследования Министерства информационных технологий и связи (МИТС) доступ в Интернет имели около 19% населения в 2009 году, при этом у 76,1% населения был доступ к сотовой связи, 54% пользовались мобильным интернетом¹⁴⁵. Т. о. инфраструктурные условия для активного использования сетевых технологий мобилизации и координации протестов к 2009г. в Молдове уже были созданы.

Основных акторов «революции мамалыги» можно подразделить на три большие группы: 1) протестующие, в том числе группы акторов, такие как: студенты, правозащитные организации, оппозиционные партии, активные кибер-активисты, которые находятся как внутри, так и за пределами республики Молдовы; 2) органы власти и их сторонники, в том числе

¹⁴⁵ Национальный ИКТ-профайл Молдовы. Часть 4: Доступ в интернет и интернет-услуги в Молдове [Электронный ресурс] <https://digital.report/moldova-dostup-v-internet/> (дата обращения: 13.12.2015)

граждане, которые принимали участие в онлайн информационных войнах от их имени; и 3) граждане, которые не входят в первые две группы и являются объектом влияния с их стороны.

В хронологии молдавских протестов 2009г. можно выделить несколько фаз использования сетевых технологий:

1) Подготовительный этап. Создание крупных баз данных для хранения контактной информации для потенциальных протестующих, а также тематических SNS-групп, в которых они могли бы общаться.

2) Разжигание конфликта. Организация и мобилизация граждан для первых акций, используя весь спектр доступных интернет-технологий.

3) Фаза активных уличных протестов.

4) Развертывание информационной войны в период после протестов.

На разных фазах революции участниками (как самими протестующими, так и властями) применялись различные тактики использования интернет-технологий.

5 апреля 2009 года в Молдове прошли парламентские выборы. Оглашение их предварительных результатов вызвало волну негодования среди граждан. Так лидер Либерально-демократической партии Молдовы (ЛДПМ) Владимир Филат на пресс-конференции после оглашения результатов, заявил, что выборы были нечестным, а результаты не отражают действительность¹⁴⁶. По его данным коммунисты набрали 42%, а ЛДПМ – 18%. Напротив, по официальным данным Партия коммунистов (ПКРМ) получила 49,96% голосов, Либеральная партия (ЛПМ) – 12,79%, ЛДПМ – 12,26%, альянс «Наша Молдова» (АНМ) – 9,81%¹⁴⁷, что противоречит данным, полученным по exit-poll: ПКРМ – 44,7%, ЛПМ – 14,5%, ЛДПМ – 14%, АНМ – 9,9%¹⁴⁸. На следующий день 6 апреля в центре Кишинева

¹⁴⁶ Вестник выборов на 30 июля 2009 [Электронный ресурс] URL: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/20092/electoral-news/20090730/> (дата обращения: 10.02.2016)

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Выборы в Молдове: После подсчета [Электронный ресурс] URL: <http://ava.md/2010/11/28/vybory-v-moldove-posle-podscheta-95-6-golosov/> (дата обращения: 10.02.2016)

собрались порядка двух тысяч молодых людей на акцию протеста против озвученных Центральной избирательной комиссией Молдовы результатов. Основным посылом данного митинга стало утверждение, что молодежь не согласна с результатами выборов, где победили коммунисты. Стоит отметить, что информация о грядущем протесте распространялась исключительно через социальные сети и SMS-сообщения. Один из организаторов молодежной протестной акции 6 апреля, журналист Наталья Морарь в своем блоге на сервисе Life Journal сообщила, для организации мероприятия ей и ее коллегам потребовалось 6 человек, 10 минут на креатив и принятие решений, а также несколько часов на распространение информации по социальным сетям, блогам, а также посредством смс и e-mail рассылок, что послужило впоследствии доказательством всемогущества социальных сетей¹⁴⁹. На следующий день 7 апреля протестующие, недовольные бездействием властей и нейтральной реакцией на прошедший протест, организовали массовые беспорядки, в ходе которых было захвачено здание парламента в центре Кишинева. Оппозиционные лидеры осудили протестующих и назвали это провокацией. Полиция при этом не предпринимала никаких мер, даже когда протестующие подожгли первый этаж здания и водрузили флаг Румынии и Евросоюза над входом в парламент. В этот же день в Кишиневе была отключена мобильная связь и заблокированы информационные сайты¹⁵⁰. Т.о. Twitter оказался наиболее эффективным инструментом объединения граждан, когда власти блокировали социальные сети «Одноклассники», «Вконтакте» и другие ресурсы, что вынудило протестующих пользоваться мобильным Интернетом.

По мере возрастания роли Twitter лояльные власти активисты включались в дискуссии по соответствующим хэштегам, чтобы затруднить координацию противников коммунистической партии.

¹⁴⁹ Личный блог Натальи Морарь [Электронный ресурс] URL: <http://natmorar.livejournal.com/>

¹⁵⁰ Матанцев-Воинов А. «Как США пожирают другие страны мира. Стратегия анаконды» [Электронный ресурс] URL: <http://iknigi.net/avtor-aleksandr-matancev-voinov/92873-kak-ssha-pozhirayut-drugie-strany-mira-strategiya-anakondy-aleksandr-matancev-voinov/read/page-19.html> (дата обращения: 10.02.2016)

Значительную роль в обеспечении эффективности координационной функции Twitter сыграл хэштег #pman (означает «Пяца Марий Адунэрь Национале» - центральная площадь Кишинева), который объединил в общую группу сообщения пользователей¹⁵¹. В частности, данный хэштег использовался в сообщениях о призывах оппозиции к объединению, сведениях о действиях властей и полиции, данных о местах акций протеста, фиксации количества пострадавших от рук полиции и многое другое.

Евгений Морозов в своей статье «Твиттер-революция в Молдове»¹⁵² отметил, что введение маркера #pman позволило оценить оперативность появления сообщений с заданной тематикой – около 200 новых сообщений за 20 минут. Особое внимание исследователь акцентировал на том, что некоторая часть твиттов публиковались на английском языке, чтобы быть доступными и для иностранных СМИ.

Нельзя не отметить, что во время протестов в Кишиневе наиболее активно события обсуждались не среди непосредственных участников, а среди внешних наблюдателей – румынских журналистов и граждан Молдавии, проживающих за рубежом. В этом случае Twitter можно назвать неким «информационным бумерангом», который запускает нужную информацию, а уже СМИ, в том числе и западные, эту информацию тиражируют. Т. о. роль традиционных медиа состояла прежде всего в ретрансляции контента блогосферы и социальных сетей, а также запуске медийного «бумеранга», наделявшего политические процессы более высоким значением, нежели реально происходившие события.

Необходимо отметить, что помимо интернет-сервисов технологическая основа для оперативной мобилизации населения в Молдове была обеспечена мобильными SMS-сообщениями, посредством которых были, в частности, организованы многие флэшмобы.

¹⁵¹ Twitter [Электронный ресурс] URL: <https://twitter.com/hashtag/pman>

¹⁵² *Morozov E.* Moldova's Twitter Revolution // Foreign Policy magazine's «Net.Effect» online portal, April 7, 2009 [Электронный ресурс] URL: http://neteffect.foreignpolicy.com/posts/2009/04/07/moldovas_twitter_revolution (дата обращения: 25.12.2015)

7 апреля президент Молдовы Владимир Воронин записал телеобращение к соотечественникам, в котором обвинил оппозицию в неумении проигрывать и признавать поражение, а также в попытке провести государственный переворот в стране¹⁵³. Несмотря на стремление властей прекратить беспорядки, сделать это практически не представлялось возможным.

В конечном итоге 29 июля 2009 года на парламентских выборах победу одержал оппозиционный Альянс за европейскую интеграцию (объединение ЛДПМ, ДПМ, ЛПМ и АНМ), после чего исполняющим обязанности Президента Молдовы стал либерал Михай Гимпу¹⁵⁴.

Молдавские события показали, что использование социальных сетей позволяет лишь частично масштабировать не только значимость самих событий, но и роль активистов-блоггеров в них. Далее в дело вступают традиционные СМИ – в данном случае румынские телеканалы и радиостанции, которые транслировали оппозиционный контент, тем самым участвуя в запуске «информационного бумеранга» и повышая значимость блогеров-активистов.

Другой пример использования сетевых форм политического участия на постсоветском пространстве представляет Кыргызстан.

Кыргызстан в отличие от Молдовы оказалась в эпицентре длительного политического конфликта, который имел разрушительные последствия для экономики и социальной сферы страны. Важным дополнительным фактором стало наличие межэтнических конфликтов, приведших к вооруженным столкновениям. Разгул репрессивных мер по отношению к свободе СМИ и обеспечению широкого политического участия в целом связывают с

¹⁵³ События 07 апреля 2009 г. в Молдове в контексте внешнего вмешательства [Электронный ресурс] URL: <http://www.geopolitica.ru/article/sobytiya-07-aprelya-2009-g-v-moldove-v-kontekste-vneshnego-vmeshatelstva#.Vz65IORGT-k> (дата обращения: 15.01.2016)

¹⁵⁴ Выборы в Республике Молдова [Электронный ресурс] URL: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/> (дата обращения: 15.01.2016)

режимами двух первых постсоветских президентов Кыргызстана: Аскара Акаева (1990-2005) и Курманбека Бакиева (2005-2010).

Революция тюльпанов 2005 года, когда был свергнут президент Акаев и его правительство, стала первым политическим успехом новых медиа в Киргизии. В этот период власти блокировали доступ к различным ресурсам, как местным, так и зарубежным, которые освещали деятельность оппозиционных партий, поощряя недовольство граждан. В марте 2005 года оппозиция организовала массовые митинги в Бишкеке, которые закончились штурмом Белого дома (Правительства Кыргызстана), бегством Акаева из страны и последующим избранием Президентом Курманбека Бакиева¹⁵⁵. Следует отметить, что именно с этого момента новые сетевые инструменты стали развиваться быстрее, чему в значительной степени способствовало расширение возможностей мобильных приложений, а также увеличение скорости передачи данных.

В Кыргызстане, как и в большинстве других постсоветских республик Центральной Азии (за исключением изолированного Туркменистана), инфраструктура новых медиа и сетевой коммуникации в целом значительно расширилась. Начиная с 2004 года в Кыргызстане, Казахстане, Узбекистане, и даже Таджикистане наблюдается резкий рост использования мобильных телефонов, в том числе пригодных для доступа в Интернет. Согласно статистическим данным Международного союза электросвязи ООН, в Киргизии уровень использования Интернета достиг в 2010 г. почти 40%, Казахстане - 35%, в Узбекистане всего 16,8%¹⁵⁶. Большая часть доступа в Интернет приходится на использование мобильного Интернета, который превратился в огромный рынок для местных операторов. По данным местного агентства бизнес новостей на 2014г. в Кыргызстане у более чем

¹⁵⁵ Уроки кыргызских революций [Электронный ресурс] URL: <http://rus.azattyq.org/a/pervaya-tyulpanovaya-revoljutsiya-v-kyrgyzstane-10-let-spustya/26918142.html> (дата обращения: 17.12.2015)

¹⁵⁶ ITU (International Telecommunication Union). 2011. Key 2000–2010 Country Data. Last modified December 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.itu.int/ITU-D/ict/statistics/> (дата обращения: 17.12.2015)

миллиона пользователей есть доступ в Интернет через мобильную связь¹⁵⁷. Все эти инфраструктурные факторы в значительной степени повлияли на успех нового витка политических протестов в республике.

В апреле 2010 г. президент страны Курманбек Бакиев был свергнут после столкновения с оппозиционными группами. В отличие от молдавского сценария киргизский оказался значительно более драматичный по своим последствиям: 86 человек погибло в ходе столкновений, многие были ранены.

При этом роль социальных медиа в протестах против правящего режима Бакиева оказалась не менее велика, чем в Молдове. Среди пользователей Интернета в Кыргызстане, как и в других постсоветских республиках можно наблюдать явный перевес молодого поколения: 40% пользователей Интернета – это лица в возрасте 10-20 лет, 35% - пользователи 20-30 лет и 16% - пользователи 30-40 лет¹⁵⁸. Традиционно основная масса пользователей интернета сосредоточена в столице Кыргызстана - Бишкеке, и крупных городах, на которые приходится около 1/3 всего населения. Особенность Интернета в Кыргызстане – это его не разработанность (сайты не имеют мобильной версии для просмотра со смартфона, многие сайты исключительно русско-язычные и не имеют перевода на киргизский). В стране действует режим ограничений. С 2008 года в Кыргызстане заблокированы такие сервисы как LiveJournal и Google Blogspot¹⁵⁹.

По данным за 2010 г. в стране наиболее популярна была платформа для блогов Kloop Media, где насчитывалось более 2500 блогов, из которых 250 были активны и регулярно обновлялись. Аудитория пользователей социальной сети Twitter, также как и Facebook, была небольшой, что можно объяснить сравнительно слабым (по сравнению с Молдовой и Украиной)

¹⁵⁷ Kyrgyzstan Internet Users [Электронный ресурс] URL: <http://www.internetlivestats.com/internet-users/kyrgyzstan/> (дата обращения: 19.12.2015)

¹⁵⁸ Melvin N., Umaraliev T. New social media and conflict in Kyrgyzstan / SIPRI Insights on Peace and Security №1, August 2011, P.3

¹⁵⁹ LiveJournal Blocked in Kazakhstan [Электронный ресурс] URL: <https://www.neweurasia.net/cross-regional-and-blogosphere/livejournal-blocked-in-kazakhstan/> (дата обращения: 19.12.2015)

интересом граждан к новым глобальным медиа, а также наличием местных альтернатив, например, русскоязычной социальной сети «ВКонтакте» или «Дизель форума», ставшего популярной площадкой для обсуждения новостей и, соответственно, новым медиа-инструментом влияния на киргизских интернет-пользователей. В 2010г. «Дизель форум» стал самым посещаемым и комментируемым сайтом в Кыргызстане. Сравнительно редкое использование внешних видео-сервисов, таких как YouTube и RuTube, связано с высокими тарифами на внешний трафик. Наиболее часто просматриваемыми и комментируемыми на форуме политическими инфоповодами стала информация о колоссальных размерах коррупционной деятельности, с участием семьи президента Бакиева и его соратников, что напрямую связывали с ухудшением социально-экономической ситуации в стране (растущей бедностью, безработицей, повышением цен на коммунальные услуги, в конечном итоге, увеличением разрыва между разными социальными слоями общества). Ее обсуждение продолжалась в микроблогах Twitter, личных блогах, а также разговорах в Skype. Однако администрации «Дизель форума» правоохранными органами Кыргызстана было рекомендовано убрать все обсуждения данной темы с ресурса, за чем последовало закрытие и удаление тем.

Несмотря на жесткое противодействие режима Бакиева, широкое распространение сетевых форм политической коммуникации и рост общественного участия в целом привел к демократизации и традиционных СМИ Кыргызстана. В апреле 2010 года новое общественное телевидение, созданное протестующими с нуля, было наделено официальным статусом службы общественного вещания. Его независимость обеспечивалась специально созданным наблюдательным советом. Пятнадцать членов этого совета должны в равной степени избираться представителями организаций гражданского общества, киргизским парламентом и президентом. С августа 2010 года совет работает под председательством Эльвиры Сариевой и новоизбранного в начале декабря директора ОРТК молодого журналиста

Кубата Оторбаева. На этапе институционализации новой системы электронных СМИ значительную роль играли внешние агенты (такие как USAID или центр ОБСЕ в Бишкеке), поддерживавшие ее ресурсно и методически. Отсюда в очередной раз был запущен пропагандистский тезис о чрезвычайно широких возможностях использования социальных медиа в качестве средств освобождения от репрессивных авторитарных режимов.

Таким образом, события в Кыргызстане, также как и в Молдове, демонстрируют значительные эффекты использования новых медиа в качестве политических инструментов, но в то же время указывают и на необходимость формирования ряда благоприятных для этого условий – технических, экономических, социальных и политических.

Последний кейс из рассматриваемых нами в данном параграфе представляет собой Украина, испытавшая за последние 11 лет все возможные формы политического протеста.

Две революции на Украине 2004г. и 2013-2014гг. объединяет ряд общих черт. События 2004г. и 2013г. начались в один и тот же день – 21 ноября, когда православная церковь празднует день Св. Михаила, являющегося покровителем Киева. В этом факте (скорее всего неслучайном) многие участники этих событий усматривали особый символизм и успешно использовали впоследствии для мифологизации и героизации протестов.

И в 2004г., и в 2013г. основные протестные акции прошли в Киеве на Майдане, ставшем главной политической шоу-площадкой страны.

Существенную роль в обеспечении успеха обеих революций и их радикализации сыграли активисты, приезжавшие в Киев из западных областей Украины, прежде всего Галичины.

Наконец, обе революции объединяет личность Виктора Януковича, выступившего в роли антигероя и основной политической мишени для протестующих. Не случайно, во время событий 2013-2014 гг. появился лозунг, шутливо переиначивший известный рекламный слоган компании Nokia – «Yanukovich connecting people» (Янукович собирает людей).

С другой стороны, необходимо отметить, что события 2013-2014 гг. (т.н. «революция достоинства») на Украине в значительной степени отличаются от «оранжевой революции» 2004г. как по содержанию, так и по своим последствиям.

События 2004 г. на Украине во многом соответствуют концепции «ненасильственной борьбы», изложенной в статьях Дж. Шарпа, У. Линна, Дж. Маркоффа и др. Данная концепция исходит из постулата о том, что «власть - своего рода психологический феномен, авторитет которого определяет степень порядка; иллюзия, навязанная обществу посредством различных догм, в том числе и религиозного характера. Из этого следует ключевой закон: правительство дееспособно до тех пор, пока сохраняется вера в его превосходство»¹⁶⁰. Т. о. смена власти и победа оппозиции зависит прежде всего от совокупного коммуникационного ресурса и того эффекта, который он в состоянии обеспечить в изменении общественного сознания. «Оранжевая революция», в отличие от «революции достоинства», была в значительной степени подготовлена заранее. Ее напрямую связывали с предстоящими президентскими выборами на Украине, массовые нарушения на которых и должны были по мысли организаторов, стать катализатором протестных выступлений и основным источником массовой политической мобилизации. О подготовленности событий 2004 г. свидетельствует, в частности, тот факт, что палатки для протестующих на Майдане были закуплены заранее. Революция 2013-2014 гг. оказалась по своей интенсивности и массовости участия непредсказуемой ни для политической элиты Украины, ни для большинства экспертов. Именно в спонтанности происходящих событий и неготовности государственной власти адекватно на них реагировать и заключается, на наш взгляд, основная причина бессилия последней справиться с беспорядками, что в конечном итоге привело к длительному гражданскому противостоянию практически на всей

¹⁶⁰ Цит. по: *Филимонов Г.* Вызов с Запада: начало новой эры [Электронный ресурс] URL: <http://www.iarex.ru/articles/51268.html> (дата обращения: 19.12.2015)

территории страны при активном участии внешних акторов, по сути, перехвативших инициативу во внутривластном управлении на Украине.

Структурно-содержательные отличия двух революций вполне очевидны. «Оранжевая революция» длилась всего 18 дней, была практически бескровной и одноэтапной. «Революция достоинства», напротив, оказалась длительной и сложной по своему сценарию. В ней можно выделить как минимум три этапа:

1-ый этап – студенческий «Евромайдан», проходивший 21-30 ноября 2013г., главным требованием которого стало подписание Президентом В. Януковичем Ассоциации с ЕС. Собственно, жестокое подавление «Евромайдана» властями и послужило толчком к дальнейшим протестам, приобретающим все более неконвенциональный характер.

2-ой этап - т.н. «Майдан-фестиваль», проходивший с 1 декабря 2013г. по 19 января 2014г. Он представлял собой попытку добиться ненасильственными методами культурного протеста выполнения уже большего числа политических требований: отставки Президента В. Януковича, проведение досрочных выборов, наказания виновных в жестоком избиении протестующих студентов и пр. Однако, ответной реакцией властей стала скоропалительная подготовка и подписание В. Януковичем 16 января 2014г. 11 законов, существенно ограничивающих права и свободы граждан Украины (т.н. «Законы 16 января», или «Законы о диктатуре»). В частности, запрещалась деятельность СМИ, не имеющих государственной регистрации, упрощалась процедура привлечения депутатов парламента к уголовной ответственности вводилась норма о наказании за нарушение правил проведения митингов в виде штрафа или заключения под стражу до 10 суток. Параллельно с «Майдан-фестивалем» был развернут т.н. «Автомайдан», участники которого пикетировали в последних числах декабря 2013г. резиденции Президента В. Януковича, а также Н. Азарова и В. Ющенко, были устроены акции возле домов министра внутренних дел В. Захарченко и министра образования Д. Табачникова.

3-ий этап – 19 января – 21 февраля 2014г. ознаменовался наиболее жесткими вооруженными столкновениями с властями и закончился бегством Президента Януковича из страны. Поворотный момент противостояния был достигнут 22 января 2014г., когда в столкновениях с полицией погибли первые протестующие и акции протеста охватили другие украинские города. Через три дня состоялась отставка премьер-министра Украины Николая Азарова, пост которого занял представитель оппозиции Сергей Арбузов.

Существенные отличия можно проследить и в отношении использования сетевых средств для мобилизации и координации действий протестующих. Если в случае «оранжевой революции» сетевые формы участия были развиты еще слабо (социальные сети тогда еще только начали разрабатываться), то в 2013-2014гг. они уже играли значительную роль на всех этапах гражданского противостояния (не закончившегося по сегодняшний день).

Одним из первых сетевых призывов к протестам в Киеве стало обращение 21 ноября 2013г. на Facebook украинского журналиста, основателя интернет-канала «Громадське телебачення», Мустафы Найема. Обращение было немедленно подхвачено и растиражировано другими пользователями, что в конечном итоге привело к формированию в сети устойчивой и многочисленной протестной группы.

Ключевым сетевым инструментом, использованным на первом этапе «революции достоинства» стало сетевое сообщество «евромайдан – EuroMaidan», которое уже за первые две недели своего существования в сети набрало более 1200000 лайков, что является показателем чрезвычайно высокой заинтересованности пользователей. Важно отметить, что данный ресурс имел отчетливо национальный окрас - информация в группе размещалась исключительно на украинском языке. Судя по содержанию сообщений и их интенсивности, основными целями данного ресурса было информирование пользователей о прошедших и предстоящих событиях, мобилизация и координация протестной активности. Так, размещаемая в

группе информация содержала посты с листовками, способами их тиражирования и наиболее эффективного распространения, подробными картами мест проведения акций, советами, как избежать провокаций со стороны властей и пр. Пик сетевой активности данного ресурса был достигнут в день разгона «Евромайдана» (что вполне закономерно), когда за сутки было зафиксировано более 175000 лайков, около 75000 репостов и 25000 комментариев¹⁶¹.

Использование Twitter в ходе «революции достоинства» имело свои особенности. Прежде всего, следует отметить мультиязыковой характер сообщений, размещаемых на данном ресурсе. Они распределились примерно следующим образом: 33% - на украинском языке, 28% - на английском языке и 24% - на русском¹⁶². Относительно равное распределение твиттов по наиболее популярным в стране языкам дало возможность получить доступ к информации для самого широкого круга пользователей как внутри Украины, так и за рубежом. Такое отличие от Facebook может быть объяснено дифференциацией этих социальных сетей в процессе протестных акций: Facebook оказался в большей степени ориентирован на внутреннего пользователя. в то время как Twitter превратился в основной сетевой источник информации об украинских событиях для всего мирового сообщества, но в меньшей степени выполнял мобилизационную и координирующую функции внутри страны. Не случайно, что пики активности в Twitter приходятся на освещение событий постфактум. Например, 18 февраля, в течение суток после начала вооруженного конфликта, было опубликовано около 250000 твиттов, что в разы превышало предшествующую активность в Twitter по протестным хэштегам (#евромайдан; #euromaydan). 20-21 февраля доля англоязычных твиттов достигла 45-50%, что объяснимо с одной стороны, желанием граждан

¹⁶¹ Facebook [Электронный ресурс] URL: <https://www.facebook.com/EuroMaydan/likes> (дата обращения: 25.12.2015)

¹⁶² Как участники протеста используют Twitter и Facebook [Электронный ресурс] URL: <http://www.theinsider.ua/rus/lifestyle/52a04a3702d96/> (дата обращения: 25.12.2015)

Украины привлечь внимание мирового сообщества к событиям на Украине, а с другой, реальным усилением такой ответной реакции.

Анализ трех случаев «цветных революций», представленный выше, позволил автору сделать следующие выводы.

Общим для всех трех рассмотренных случаев является:

1. Полноценное использование глобального характера сетей, обеспечивающего значительную поддержку внешних акторов, в большинстве случаев провоцирующих протестные выступления и навязывающих затем сценарий их развития.

2. Обеспечение сетевыми инструментами т.н. «эффекта бумернга», оказывающего усиленное зарубежными СМИ обратное воздействие на политическую ситуацию в стране.

3. Схожие социально-демографические характеристики ядра протестующих активистов: молодежная аудитория интернета и студенчество, как основной двигатель протестов.

4. Схожие во всех трех случаях сценарные характеристики «цветных революций», которые предопределял, прежде всего, электоральный фактор.

Различия между анализируемыми случаями имели преимущественно контекстуальный характер:

1. Наличие особых экономических, инфраструктурных, культурных и этнополитических условий в случае Кыргызстана.
2. Различная интенсивность протестов и их ущерб для государства и общества. В случае Кыргызстана, а позднее и Украины мирные протесты переросли в длительное вооруженное противостояние, повлекшее многочисленные жертвы среди мирного населения.
3. В случае «революции достоинства» 2013-2014гг. мы наблюдаем существенно возросший масштаб использования сетевых инструментов участия и более продуманный сценарий сетевой информационной войны, что, с одной стороны свидетельствует о

прорыве в развитии самих информационных сетевых технологий, а с другой, о принципиально ином масштабе противостояния на Украине, давно переросшем локальный уровень внутривнутриполитического конфликта.

ГЛАВА III. Перспективы развития новых (сетевых) форм участия в современной России

3.1. Сетевое участие и политические протесты в современной России

Сетевой характер протестных акций в Москве 2011-2012 гг. определялся исключительно высокой активностью в социальных медиа т. н. «рассерженных горожан», когда роль узловых центров политической мобилизации стали выполнять специально созданные тематические онлайн сообщества. Именно в рамках этих виртуальных сообществ пользователям предлагались различные стратегии выражения и поддержки солидарности, обеспечивалось донесение «информации до большого числа участников за крайне ограниченный период времени и фактически при нулевых затратах ресурсов: требуется лишь доступ в интернет и регистрация на определенных платформах»¹⁶³. Охват такими центрами различных социальных сетей оказался достаточно широким. Они были созданы как на площадках отечественных (преимущественно русскоязычных) социальных сетей («ВКонтакте», «Одноклассники»), так и глобальных (Facebook, Twitter). Важно отметить и учитывать в дальнейшем анализе существенные содержательные и функциональные различия, имеющиеся между социальными сетями.

Так, исходя из основных коммуникативных потребностей, реализуемых в сетях, выделяют два их основных типа: контактные и контентные (или содержательные).

Контактные социальные сети преимущественно используются для налаживания онлайн общения между пользователями, самопрезентации в рамках сообществ (проявление чувства причастности к чему-либо, а также собственной идентичности) и социального поиска. Ключевые стимулы к

¹⁶³ Докука С. В. Коммуникация в социальных онлайн-сетях как фактор протестной мобилизации в России: дис... канд.соц.наук: 22.00.04 / Докука София Владимировна. М., 2014, С. 86

регистрации и участию в контактных сетях, как правило, связаны с участием в них друзей и знакомых. К контактным сетевым ресурсам относят: Вконтакте, Мой Круг, Мой Мир, Одноклассники, Facebook, LinkedIn.

Контентные сети, как следует из названия, в первую очередь обеспечивают предоставление пользователям контента, т.е. информации в самых разных формах: от кратких «твитов» до объемных видеоматериалов. К ним относят Twitter, YouTube, LiveJournal. Возможность получения и размещения собственной информации – вот основной стимул участия в контентных социальных сетях. Собственно, в быстроте, краткости и удобстве формата предоставления информации и заключается коммерческий успех наиболее популярного сетевого ресурса Twitter.

С другой стороны, контентные сети не играют значительной роли в установлении и поддержании межличностной коммуникации.

Если мы рассмотрим российский сегмент интернета, то распределение аудитории по различным социальным сетям будет выглядеть следующим образом см. таблицу №3:

Таблица №3. Средняя посещаемость контентных и контактных социальных сетей в РФ, тыс. чел.

Социальная сеть	В месяц	В неделю	В день
Вконтакте (Vk)	46 961	36 268	22 173
YouTube	43 564	28 479	11 804
Одноклассники	31 728	22 692	13 390
Facebook	22 444	12 000	4 329
LiveJournal	14 872	6 484	1 777
Instagram	11 979	5 536	1 684
Twitter	н/д	н/д	1 422

Источник: TNS Web Index Report 2015 за декабрь 2015г. [Электронный ресурс]
URL: http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf%5BYEAR%5D=2015&set_filter=%D0%9F%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%82%D1%8C&set_filter=Y (дата обращения 15.01.2016)

Как мы видим из представленной таблицы, в российском сегменте сети интернет доминируют русскоязычные контентные сети, обеспечивающие социальные коммуникации в виртуальной среде. На фоне всех контентных социальных медиа по количеству привлеченных пользователей выделяется сеть «ВКонтакте». Она же доминирует в русскоязычном интернете по количеству размещаемого пользователями контента. По данным за 2014г. пользователи «ВКонтакте» размещали на своих страницах в среднем более 205.000 тыс. сообщений в месяц. Вторую позицию среди отечественных интернет-пользователей по этому показателю занял Twitter, но он в свою очередь существенно уступал и уступает «ВКонтакте» в численности пользователей, зарегистрированных на ресурсе.

Дифференциация социальных сетей по двум большим группам позволяет нам также сегментировать и интернет аудиторию по функциональным признакам. Здесь мы можем выделить как минимум две большие группы пользователей: 1. Пассивные потребители информации и 2. Активные пользователи, размещающие контент и заинтересованные в росте собственной аудитории. Очевидно, что между этими крайними позициями могут быть размещены промежуточные категории пользователей, но они, в любом случае, будут тяготеть к одному из обозначенных «полюсов». В качестве примера типологии протестной аудитории российского интернета можно привести, типологию, разработанную отечественным исследователем Докукой С. С. в своем диссертационном исследовании «Коммуникация в социальных онлайн-сетях как фактор протестной мобилизации в России»¹⁶⁴.

Она выделила четыре ключевые категории пользователей:

¹⁶⁴ Докука С. В. Коммуникация в социальных онлайн-сетях как фактор протестной мобилизации в России: дис... канд.соц.наук: 22.00.04 / Докука София Владимировна. М., 2014, 107 с.

- читающие первого порядка, практически ничего не размещающие в сетях, пользователи, имеющие низкую центральность, т.е. относимые скорее к пассивным потребителям информации;

- читающие второго порядка, к которым относятся достаточно известные политики и лидеры мнений, которые, тем не менее редко коммуницируют в пространстве социальных сетей, но имеют высокую центральность в структуре сети;

- обсуждающие – пользователи, сравнительно редко размещающие свои материалы в сети, чаще оставляющие комментарии к чужим сообщениям и имеющие средние показатели центральности;

- ключевые акторы – наиболее активные пользователи, часто размещающие собственные посты и также активно комментирующие материалы других участников групп, вследствие чего они обладают высокими показателями центральности.

Большое значение для решения задач данного исследования в части анализа мобилизационного потенциала русскоязычного интернета представляет собой вопрос об идентичности, формируемой в социальных медиа.

В результате проведенного анализа двух больших протестных групп в социальной сети «ВКонтакте» «Мы были на Болотной. Мы будем на Сахарова» и «Свободные новости», отечественный исследователь Ушкин выделил две большие группы пользователей: т.н. «солидаристов» и «интенционалистов». Локализация социальной общности «интенционалистов» ограничена в значительной степени московским регионом (г. Москва и Московская область), а также приезжими, которые специально готовы были приехать в Москву для участия в протестных акциях. «Солидаристы», напротив, делокализованы, что объясняется «иными целями создания протестной группы – не вовлечением в разовую акцию протеста, а созданием условий для информирования, рекрутирования и

мобилизации пользователей, своего рода интегративной площадки оппозиционных ресурсов»¹⁶⁵.

Возрастная дифференциация «интенционалистов» и «солидаристов» также значительна. «Солидаристы» представлены более молодыми участниками, на которых существенное влияние оказывает мода на протест, привлекающая их к соответствующим сетевым ресурсам и пассивным формам участия в сети. Это молодежь в возрасте до 30 лет, обучающаяся в вузах крупных городов-миллионников.

«Интенционалисты» более настроены на активность оффлайн и рассматривают социальные сети лишь как инструментальное дополнение к своей практической политической деятельности. Большинство «интенционалистов» относится к возрастной категории 25-35 лет.

Но в целом, для обеих категорий пользователей характерен процесс омоложения протестной аудитории: компьютер «составляет серьезную конкуренцию телевизору: молодые (15-24) и молодые взрослые (25-34), которые пользуются компьютером дома, смотрят телевизор существенно меньше тех сверстников, которые не пользуются компьютером»¹⁶⁶.

Ценностные ориентации «интенционалистов» и «солидаристов» отличаются следующим образом: ключевыми ценностями для первых являются совершенствование окружающего мира, а также саморазвитие. «Солидаристы» в большей степени ориентированы на семью и детей, а также совершенствование мира (правда, последних примерно в 3,6 раза меньше среди «солидаристов», нежели среди «интенционалистов»).

В рамках другого исследования, проведенного на базе Московского государственного гуманитарного университета им. М.И. Шолохова, были проанализированы и представлены следующие модели поведенческой репрезентации в ходе протестного движения в России 2011-2012 гг.:

¹⁶⁵ Докука С. В. Коммуникация в социальных онлайн-сетях как фактор протестной мобилизации в России: дис... канд.соц.наук: 22.00.04 / Докука София Владимировна. М., 2014, 107 с.

¹⁶⁶ Коломиец В. П. Медиа среда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологическое исследование 2010, №1, 58-66 с.

- модель проблемно-ориентированного погружения в протестную активность, которая носит конфликтно-сетевой характер, а пользователь в ней выполняет функцию активного распространения информации в социальных сетях¹⁶⁷. Но несмотря на достаточно высокую степень мобилизованности и готовности к участию в протестных акциях оффлайн (при условии наличия резонансных событий), пользователи, чье поведение можно отнести к данной модели, в большей степени ориентированы на несколько (чаще всего, одну две) конкретные проблемы.

- вторая модель определяется Титовым В.В. как «подражательная» или «имитационная». Она носит четкую виртуальную направленности и пользователи, придерживающиеся ее, почти всегда не готовы к оффлайн протестной политической активности. Отсюда, основные формы ее проявления: обсуждения в сетевых группах, перепосты, комментарии, выражение поддержки тех или иных высказываний или событий посредством «лайков» и т.д. Такая модель во многом является откликом пользователей на «моду на протест», захватившую умы многих (прежде всего, молодых) пользователей в 2010-2011 гг.

- третья модель, которую условно можно обозначить как «лидерскую» представляет собой наиболее активное сетевое поведение с высокой степенью готовности участия в акциях оффлайн. Сетевая активность представляет собой в рамках данной модели «инструмент мобилизации «виртуального» сообщества, способ его материализации во внесетевом пространстве, механизм искусственного поддержания протестных настроений среди периферийных сегментов...Нередко представители такой поведенческой модели претендуют на «виртуальное политическое лидерство» в определенных сетевых сообществах и готовы к системным неконвенциональным действиям»¹⁶⁸.

¹⁶⁷ Титов В.В. Политическая самоидентификация и модели протестного поведения пользователей Рунета (по материалам контент-анализа социальных сетей «Вконтакте» и «Facebook») // Мониторинг общественного мнения №8 (114) март-апрель 2013, с.177-179

¹⁶⁸ Там же, С.178

Представленная систематизация поведенческих репрезентаций протестного электората, с одной стороны, построена по достаточно простому принципу оценки степени вовлеченности пользователей в сетевые дискуссии и готовности к действиям за пределами виртуального пространства, но с другой, она диагностирует очень важный процесс размывания и переструктурирования традиционного политического спектра (либералы - западники/консерваторы – государственники, левая оппозиция/провластное большинство и т.д.). В результате сетевизации политического пространства происходит «формирование альтернативных, проблемно-фокусированных эластичных идентичностей, динамика которых обусловлена не устойчивыми политическими предпочтениями пользователей, а информационно-политической и социальной «повесткой дня»¹⁶⁹.

Анализируя события 2011-2012 гг., следует обратиться к определению побудительных причин, мотивировавших участников акций протеста к выступлениям. Это важно с точки зрения обеспечения адекватной оценки роли социальных сетей как инструмента мотивации крупномасштабных протестных акций. Первичный побудительный мотив массовых протестов декабря 2011г. кажется очевидным. Это недовольство результатами выборов и последующей рокировкой первых лиц государства. После периода либеральных надежд, связанных с политическими заявлениями и рядом решений Президента РФ Д. Медведева, неожиданно широко (с точки зрения либерально настроенных обывателей) был использован мощный административный ресурс и надежды оказались несбыточными: «тысячи москвичей вышли на улицы протестовать не столько против результатов выборов (поскольку российский парламент все равно не играет серьезной роли), сколько против использования властями неприглядных методов и против того презрения, с которым эти власти относятся к гражданам своей

¹⁶⁹ *Титов В.В.* Политическая самоидентификация и модели протестного поведения пользователей Рунета (по материалам контент-анализа социальных сетей «ВКонтакте» и «Facebook») // Мониторинг общественного мнения №8 (114) март-апрель 2013, с.177-179

страны»¹⁷⁰. При этом, необходимо отметить достаточно высокую степень убежденности в результативности подобных акций протеста. Для большинства – это был не жест отчаяния от невозможности что либо изменить путем голосования на выборах, а акт, за которым должны последовать реальные политические перемены: «Многие приходили с искренней верой в то, что их решение важно...было видно, что для многих людей это важно, что это не просто какая то дань традиции, что они пытаются принять решение о своем будущем»¹⁷¹.

Интересную интерпретацию мотивов и процесса групповой институционализации участников событий 2011-2012 гг. предлагает российский социолог А. А. Кондаков. Он исходит из гипотезы о ритуализации избирательного процесса: « в определенном смысле в любой демократической системе выборы лишь легитимируют какую-то определенную политическую силу, выбираемую из ограниченного, зачастую (квази) дихотомичного ассортимента: «демократы» или «республиканцы», «левые» или «правые». Ритуал по определению, неповседневное событие, поэтому советско-российские выборы всегда сопровождаются атрибутами праздника. Знаком окончания ритуала служит само голосование, так что результат «волеизъявления» не имеет особого значения»¹⁷². Такая позиция в отношении электорального процесса представляется слишком радикальной и не вполне аргументированной, но она дает автору возможность развивать идею идентичности в рамках протестного процесса, поверх традиционного классового подхода. Процесс идентификации протестующих в терминах социальной структуры рассматривается Кондаковым как попытка действующей политической власти встроить протест в навязываемую

¹⁷⁰ Пробуждается ли российское общество? Аналитическая записка № 213 ПОНАРС Евразия Сентябрь 2012 года [Электронный ресурс] URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/pepm213_russ_petrov_sept2012.pdf (дата обращения 21.01.2016)

¹⁷¹ *Завадская М., Савельева Н.* «А можно я как-нибудь сам выберу: выборы как «личное дело», процедурная легитимность и мобилизация 2011-2012 годов // Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011-2013 годов / под ред. С. Ерпылевой, А. Магуна. М., 2014, 219-270 с.

¹⁷² *Кондаков А. А.* Новые конфигурации политики после квир-философии Джудит Батлер: протестные движения в России и проблемы их осмысления, *Неприкосновенный запас*, № 4(90), 2013, 174-190 с.

«сверху» логику властных отношений. Средствами массовой информации было предложено и впоследствии внедрено в общественное сознание понятие «креативного класса», обозначающее ядро протестной группы и идентифицируемое по ряду социально-культурных и экономических признаков: «высокий уровень образования протестующих, их современный и ухоженный внешний вид, использование запоминающихся политических лозунгов и плакатов... «креативный класс» оказался субкатегорией обеспеченного среднего класса в целом»¹⁷³.

Классовая идентичность при этом основывается «на коллективном единении страдающих групп и коллективном политическом действии, призванном остановить это страдание. При этом классовая идентичность признается сущностной характеристикой человека, фундаментальной социальной реальностью, удовлетворение запросов которой необходимо вменить государству или иному властному институту»¹⁷⁴. Таким образом, через подчинение ищущей признания миноритарной идентичности происходит институционализация властных отношений и встраивание протестующих в существующую систему подчинения. Так и получилось с категорией «креативный класс», когда участники протестных групп сами признали себя таковым и противопоставили себя т.н. «пассивному плебсу».

Важно отметить, что социальные сети стали альтернативным традиционным электронным СМИ, воспроизводящим нормативную модель политики, источником идентичности участников протестных акций: «господствующие смыслы уже растворились под воздействием новой сетевой власти – власти, распределенной по миллионам горизонтальных связей между пользователями, миллионами «друзей» в «фейсбуке» и подписчиков в блогах. Эта сетевая власть с большим успехом способна

¹⁷³ Кондаков А. А. Новые конфигурации политики после квір-философии Джудит Батлер: протестные движения в России и проблемы их осмысления, *Неприкосновенный запас*, № 4(90), 2013, 174-190 с.

¹⁷⁴ Там же.

бросить вызов гегемонии, основываясь на неиерархических способах переопределения значений¹⁷⁵.

Другой подход к анализу объединяющих побудительных мотивов протестных групп 2011 - 2012 гг. представлен в исследовании А. Н. Олейника «Массовые протесты в контексте русской власти»¹⁷⁶. Проведя кросс-национальное сравнение основных показателей социально-экономического развития стран, где за последние 10 лет происходили широкомасштабные акции протеста, А. Н. Олейник пришел к выводу о том, что экономический кризис (оцениваемый через изменение основных социально-экономических показателей: ВВП на душу населения, темпов роста ВВП и пр.) не оказал решающего воздействия на протестную мобилизацию. Также не могут рассматриваться в качестве фактора, оказывающего существенное влияние на политическую мобилизацию и протестные настроения такие социальные показатели как индекс человеческого развития Всемирного Банка и индекс защищенности прав и свобод (измеряемый Freedom House). Ключевым, по мнению А. Н. Олейника фактором мобилизации стал неэффективный механизм обратной связи власти и общества, конституированный в феномене т.н. «русской власти», определяемой им вслед за В. П. Макаренко и Ю. С. Пивоваровым как особая институциональная среда, исторически присущая российскому обществу, ключевой характеристикой которой является «бюрократическое централизованное государство»¹⁷⁷. Другим значимым фактором, является чрезвычайно высокий уровень коррупции, отражающий оппортунистический характер поведения властной (бюрократической) элиты, действующей не в интересах общего блага, а преследующей свои собственные, узкогрупповые интересы и в конечном счете существенно снижающие эффективность системы государственного управления. Таким образом, «главным объединяющим их фактором стало именно несогласие с

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Олейник А. Н. Массовые протесты в контексте русской власти // Политическая концептология, №3, 2012, с. 122

¹⁷⁷ Там же, с. 78

отсутствием обратных связей в отношениях между властью и обществом – как собственно в период выборов..., так и между ними... Иными словами, отнюдь не экономические...или политические факторы сделали возможным объединение представителей разных социальных и возрастных групп. Массовость протестов можно объяснить спецификой русской власти, ведь в повседневной жизни с ней сталкиваются и студент, и предприниматель, и пенсионер»¹⁷⁸.

Конечная цель протестов в рамках такого подхода рассматривается как переход к новой модели равновесия, отличной от модели «русской власти». Равновесие при этом рассматривается как степень конгруэнтности (подобия, сходства) моделей реализации власти. Методологической основой данного подхода служит теория конгруэнтности Экстейна, определяющая два ключевых условия стабильности системы государственного управления и ее отношений с гражданским обществом: степень конгруэнтности политической власти с моделями власти, распространенными в других общественных институтах (семья, школа, корпорации и т.д.) и наличие в системе общественных отношений элементов, имеющих недемократическую структуру и правила деятельности (скажем, школа или семья, демонстрирующие в абсолютном большинстве случаев иерархические модели организации и функционирования). Последнее определяется Экстейном как необходимая неоднородность, обеспечивающая стабильность функционирования общественного механизма в целом. А. Н. Олейник считает, что достижение данных условий в современной России возможно за счет решения двух первоочередных задач: демократизации управленческих процессов и системы обратной связи на региональном и муниципальном уровнях, а также деbüroкратизации процесса функционирования высшей школы. Решение этих задач является, по его мнению, необходимым и

¹⁷⁸ Олейник А. Н. Массовые протесты в контексте русской власти // Политическая концептология, №3, 2012, с. 122

достаточным условием снижения протестной активности в крупных городах России.

Далее мы рассмотрим ход и интенсивность российских протестов в 2011-2012 гг. и затем сравним с особенностями, характеризующими политический протест в 2013-2015 гг. в аспекте использования сетевых инструментов мобилизации.

Ход и интенсивность на различных этапах протестных акций в декабре 2011 года может быть проанализирована в рамках концепции прирастающей ценности, предложенной Н. Смелзером. Смелзер выделил шесть ключевых элементов коллективного поведения (*collective behavior*)¹⁷⁹, к которому, безусловно, относится и протестная политическая активность. Это: структурные факторы, структурная напряженность, формирование и распространение обобщенных убеждений, активизирующие факторы, мобилизация к действиям, социальный контроль.

В качестве ключевого структурного фактора в ходе протестной активности конца 2011 г. очевидно выступила высокая степень отчуждения государства и общества, нежелание представителей первого слышать и адекватно реагировать на социальные протесты, имевшие в начале-середине 2011 года преимущественно социально-экономические требования, что, в конечном счете, способствовало быстрой политизации протестующих. Т. о. в общественном сознании фиксируется мысль о разрыве обратной связи с институтами государственной власти и невозможности донести свои требования через институционализованные конвенциональные каналы коммуникации.

В результате обозначенного выше разрыва в российском обществе образуется структурная напряженность: «Люди чувствуют себя обиженными,

¹⁷⁹ *Smelser N.J.* Theory of collective behavior. London: Routledge and Kegan Paul and New York: The Free Press of Glencoe, 1962.

ущемленными, не получают обратной связи от государства на свои (и не только свои) протестные действия»¹⁸⁰.

Непосредственным триггером, активизировавшим протестную активность электората, стали результаты выборов в Государственную Думу РФ. Хронология событий декабря 2011г. отчетливо демонстрирует это.

Примерно с 28 ноября 2011г. начинаются DDoS-атаки на ЖЖ, Twitter и другие ресурсы, где происходило обсуждение предстоящих выборов и возможных на них фальсификаций. В сети активизировался процесс набора независимых наблюдателей, публикуются фотографии акций сторонников «Единой России» (в частности, «Наших» на ВВЦ). Непосредственно в день голосования активно идет обсуждение процесса выборов, а уже к вечеру 4 декабря публикуются отчеты независимых наблюдателей, в частности, скриншот результатов выборов в Ростовской области с общей суммой голосов в 146 %.

Сразу после оглашения предварительных результатов выборов в онлайн пространстве происходит формирование и распространение обобщенных убеждений, ведущих к мобилизации протеста оффлайн: был «сформирован позитивный образ протеста, в отрыве от конкретных идеологических и политических предпочтений; сами протестующие олицетворяют собой людей, вставших на защиту интересов справедливости и суверенности граждан нашей страны»¹⁸¹. Этот процесс уместно проанализировать, используя концепцию социального перформанса Дж. Александера. В рамках данной концепции актуализируются коллективные репрезентации, которые составляют суть процесса распространения коллективных представлений: «важность коллективных символических репрезентаций состоит в том, что, будучи по природе публичными, предназначенными «для других», они позволяют создать язык, с помощью

¹⁸⁰ Ушкин С.Г. Влияние виртуальных социальных сетей на протестную активность в российском обществе: дис... канд. соц. наук 22.00.04 / Ушкин Сергей Геннадьевич, Саранск, 2015, 168 с.

¹⁸¹ Ушкин С.Г. Влияние виртуальных социальных сетей на протестную активность в российском обществе: дис... канд. соц. наук 22.00.04 / Ушкин Сергей Геннадьевич, Саранск, 2015, 168 с.

которого участники драмы могут передавать свой новый опыт переживания хода событий. Созданные участниками событий коллективные символические репрезентации усиливаются телевидением и газетами, которые «впитывают» в себя новые образы и символы и затем передают их обратно участникам и аудитории, следящей за происходящей драмой»¹⁸². Оценивая противостояние в Египте проправительственных политических сил, поддерживающих Хосни Мубарака, и «революционеров», выступавших за свержение «кровавого режима» последнего, Александер использует схему бинарного противопоставления моральных репрезентаций, когда озвучиваемые идеи «одеваются в человеческие одежды протагонистов и антагонистов» и, тем самым, «структурируют социальные нарративы, размечающие время революции»¹⁸³.

В случае российских протестов 2011г. это противостояние нашло отражение в лозунгах протестующих, которые, в отличие от Египта скорее не демонизировали, сколько высмеивали действия властей.

Пиковой напряженности протестная активность достигает 5-6 декабря 2011г., когда происходит официальное оглашение результатов выборов. Это событие стало главным активизирующим фактором протестов.

6 декабря состоялся митинг оппозиции на Чистых прудах в Москве, в ходе которого произошли многочисленные задержания активистов (в том числе ключевых лидеров протестующих Алексея Навального и Ильи Яшина). Реакция власти (призыв В. В. Путина к протестующим «не раскачивать лодку», скептическая оценка Д. Медведевым роликов об итогах избирательной кампании, выложенных на Youtube) явно не соответствовало ожиданиям протестующих, что спровоцировало новый виток противостояния. В сетевом пространстве рунета активизировалось обсуждение результатов выборов и фактов фальсификации, публикуются

¹⁸² *Тутков А.* Культурсоциология против фараона: «перформативная революция» в Египте // Социологическое обозрение, Т 11, № 2, 2012, 122-130 с.

¹⁸³ *Alexander J.* Performative revolution in Egypt: an essay in cultural power. London: Blumsbury academic. 2012, 144 p.

фото и видеоотчеты с избирательных участков. Эскалация конфликта продолжалась. 6 декабря в столицу были введены внутренние войска. Тогда же был проведен альтернативный оппозиции митинг на Триумфальной площади, анонсированный первым замсекретаря президиума генсовета партии «Единая Россия» Андреем Исаевым. Несмотря на то, что он собрал более 10000 участников, в сетевом пространстве митинг получил крайне негативные оценки. Небольшие по численности акции протеста прошли 6-7 декабря и в других крупных российских городах: Санкт-Петербурге (около 400 участников), Екатеринбурге (около 100 протестующих), Ростове на Дону и Новосибирске (примерно по 50 участников). Однако эти акции оказались мало заметными даже на региональном уровне.

7 декабря акции протеста продолжились. В сети главной темой обсуждения стали задержания митингующих. В процессе дискуссий была высказана идея о необходимости формирования символики протеста. Так появился проект белой ленты как нового символического атрибута мирного протеста. В течение последующих двух суток шел процесс обсуждения следующих шагов протестующих. Властный дискурс принял более сдержанный характер, в частности, прозвучали заявления Президента РФ Д. А. Медведева о необходимости проведения расследования хода и результатов избирательной кампании.

9 декабря был согласован перенос митинга с пл. Революции на Болотную площадь, впоследствии ставшей символом современного российского политического протеста. Именно в ходе его подготовки социальные сети использовались как мощный мобилизационный ресурс и организационный инструмент политического протеста. Количество собиравшихся на митинг в сети росло опережающими темпами: в Facebook оно составило примерно 30 000 пользователей, в «ВКонтакте» – более 18 000.

В результате, митинг 10 декабря на Болотной пл. в Москве стал крупнейшим (наряду с митингом на пр. Сахарова) по численности участников и собрал от 25 тысяч, по данным ГУМВД (официально

согласовано 30000 участников), до 150 тысяч, по заявлениям самих организаторов. Протестная активность достигла своего апогея и охватила практически все крупные российские городские центры и даже вышла за пределы РФ. По данным РБК акции протеста были организованы в 140 городах мира¹⁸⁴.

По официальным данным полиции (в публикации «РИА новости») количество митингующих 10 декабря по крупным российским городам составило в процентном отношении к численности населения следующие значения: Псков — 0,30 %, Томск — 0,29 %, Москва — 0,22 %, Новосибирск — 0,20 %, Великий Новгород — 0,18 %, Архангельск — 0,17 %, Барнаул — 0,16 %, Санкт-Петербург — 0,14 %, Ярославль — 0,12 %, Екатеринбург и Петрозаводск — по 0,11 %, Пенза — 0,10 %¹⁸⁵

Конкретным результатом московского митинга «За честные выборы» стало принятие резолюции, в которой были обозначены пять политических требований:

1. Немедленного освобождения всех политзаключённых.
2. Отмены итогов сфальсифицированных выборов.
3. Отставки Чурова и расследование его деятельности, расследования всех фактов нарушений и фальсификаций, наказания виновных.
4. Регистрации оппозиционных партий, принятия демократического законодательства о партиях и выборах.
5. Проведения новых открытых и честных выборов

Таким образом, практически все требования были связаны с пересмотром результатов избирательной кампании 2011 г.

Протестная активность не снижалась вплоть до начала работы нового состава Государственной Думы 21 декабря. Это событие, а точнее отказ

¹⁸⁴ Пробуждение из спячки: политические итоги 2011 г. // РБК (30 декабря 2011) [Электронный ресурс] URL: <http://www.rbc.ru/politics/30/12/2011/632432.shtml> (дата обращения 21.01.2016)

¹⁸⁵ Там же.

власти прислушаться к требованиям резолюции митинга на Болотной площади, стало дополнительным источником мобилизации протестного электората и привело к новому (по официальным данным крупнейшему по численности) митингу на проспекте Академика Сахарова. В социальных сетях Facebook и «ВКонтакте» подтвердили своё участие около 60 тысяч человек. Помимо сбора участников через социальные сети организаторы прибегли к технологии краудфандинга, оказавшейся весьма успешной, поскольку за несколько дней в сети было собрано около 4 млн. рублей. Другой новацией онлайн протеста стало открытое голосование на специально созданном сайте www.24dec.ru за список выступающих на митинге и формирование тем самым повестки дня акции.

В первой половине 2012г. протестные акции в Москве продолжились, но уже с меньшей интенсивностью. Значимой новацией в протестной активности электората стало создание в мае 2012г. лагеря протестующих на Чистопрудном бульваре, который по аналогии с американским движением Occupy Wall Street, получил название и хэштег «#ОккупайАбай». Методы обеспечения коммуникации были также во многом заимствованы из нью-йоркской практики: использование т.н. живого микрофона, ассамблеи, консенсусное принятие решений. Все это должно было обеспечить не просто проведение очередной акции протеста, а постоянно действующую (по мнению идейных вдохновителей проекта) публичную дискуссионную площадку, обеспечивающую обмен мнений и генерирующую новые идеи гражданского протеста. Однако проект оказался достаточно кратковременным и уже 16 мая лагерь на Чистых прудах был ликвидирован, а попытки сделать его мигрирующим, периодически меняя место дислокации, также не увенчались успехом.

Одновременно с «Окунай Абай» в Москве проходила другая акция протеста нового формата – т.н. «Контрольная прогулка», которая привлекла внимание прессы и граждан, прежде всего, по причине известных организаторов этого проекта: Борис Акунин, Виктор Шендерович, Ольга

Романова, Сергей Гандлевский, Дмитрий Быков, Лев Рубинштейн, Алексей Кортнев, Андрей Макаревич, Сергей Пархоменко, Людмила Улицкая и другие. Сама акция не предполагала никаких политических требований и скорее была призвана обратить внимание общественности на абсурдность запретов публичных акций и сложность процесса их согласования.

К середине лета-осени 2012 г. активность протестующих стала заметно ниже. 12 июня 2012г. в Москве состоялся повторный «Марш миллионов». Несмотря на заявления организаторов о 150000 и даже 200000 присутствовавших на митинге участников, по официальным оценкам в шествии приняло участие 10 тысяч, а на митинге присутствовало 18 тысяч человек.

Следующий «Марш миллионов» состоялся в крупных городах России 15 сентября 2015г. Численность участников, пришедших на митинг в Москве, составила около 55000 человек.

В целом тенденция снижения протестной активности в 2012г. представлена в таблицах, представляющих данные по протестной активности россиян, полученные в ходе опросов Левада центра, в первой половине 2012г.:

Таблица №4. Поддерживаете ли Вы сейчас такие акции протеста («за честные акции», «марш миллионов» и т.п.)? (в %)

Варианты ответов	Декабрь 2011 г.	Март 2011 г.	Апрель 2012 г.	Июнь 2012 г.
Определенно поддерживаю	10	7	12	7
Скорее поддерживаю	31	25	26	30
Скорее не поддерживаю	27	28	32	30
Совершенно не поддерживаю	18	23	14	14
Затрудняюсь ответить	14	17	15	19

Источник: www.levada.ru (Раздел «Социологические опросы», доступ 29.01.2016)
[Электронный ресурс]

Таблица №5. Как вы думаете, насколько возможны сейчас в Вашем городе (населенном пункте) массовые протестные выступления населения (митинги, демонстрации, забастовки)? (в %)

Варианты ответов	Количество респондентов
Безусловно, возможны	14,1
Скорее возможны	21,2
Маловероятны	39,0
Не возможны	13,8
Затрудняюсь ответить	11,9

Источник: www.levada.ru (Раздел «Социологические опросы», доступ 29.01.2016)
[Электронный ресурс]

Согласно данным таблицы уже к лету 2012г. протестные настроения упали практически в два раза. Их рост до 12% в апреле 2012г. объясняется президентскими выборами, вновь всколыхнувшими общественное мнение¹⁸⁶.

В 2012-2013гг. произошли также и изменения социального портрета протестного электората, которые, в частности, представлены в исследовании Солодникова В. В.¹⁸⁷.

¹⁸⁶ Источник: www.levada.ru (Раздел «Социологические опросы», доступ 29.01.2016). [Электронный ресурс]

¹⁸⁷ Солодников В. В. Потенциал социальных протестов в современной России // Социс. Социологические исследования №4, 2015, 63-71 с.

Ключевые выводы коснулись изменения социально-демографических характеристик протестующих:

- уменьшение доли молодежи в возрасте от 20 до 25 лет, а также представителей средней возрастной группы (35-45 лет) среди протестного актива (несмотря на то, что молодежь по-прежнему составляет его ядро, что исследователи справедливо связывают с такими социально-психологическими характеристиками, как «склонность к риску, открытость новому опыту, общительность, ориентированность на карьеру и социальную (главным образом профессиональную) мобильность»¹⁸⁸;
- сокращение и без того сравнительно небольшого процента участвующих в протестных акциях женщин;
- сокращение доли протестующих, имеющих семью;
- сокращение доли обеспеченных участников протестных акций.

Т. о. можно констатировать, что уже к середине 2012г. пик сетевой политической протестной активности россиян миновал и его заменили более традиционные формы социального протеста, причины которого имели (и имеют сегодня) преимущественно экономическую природу. Неслучайно, глава ВЦИОМ В. В. Федоров, анализируя результаты социологических опросов россиян в первой половине 2012г., заявил, что: «Белоленточное движение выдохлось, так и не выйдя за пределы Москвы... Спад протестных настроений уже произошел... Но в России есть протестное настроение другого плана — это протест не «богатеньких московских буратин», а бедных провинциалов. Только обращается этот протест к батюшке-царю, с жалобами на злых бояр, которые волю народу не дают и разворовывают казну»¹⁸⁹.

Ключевой социально-демографический тренд «постболотных» протестов 2012-2013 гг. заключался в том, что «протестные настроения

¹⁸⁸ Там же, С. 65

¹⁸⁹ 14 октября — момент истины. 12.10.2012 [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=238&uid=113195> (дата обращения: 14.01.2016)

перестают быть присущими определенным социальным группам, но более равномерно распространяются среди взрослых и/или их «целевая аудитория» ротируется, перемещаясь в зависимости от актуальной ситуации по разным группам населения; эти настроения «канализируются» в иных формах (например, волонтерство, профсоюзное движение и др.)»¹⁹⁰.

Также важно отметить, что социологические исследования 2012-2013 гг. не зафиксировали прямой зависимости между динамикой реальной (оффлайн) протестной политической активности и количеством пользователей социальными сетями и интернетом в целом: «не было выявлено статистически значимых различий между потенциальными (не)участниками митингов по таким параметрам как пользование мобильным телефоном, персональным компьютером, Интернетом (недельная аудитория)) и средний ежемесячный доход. Кроме того, роль Интернета, фейсбука и других социальных сетей в качестве фактора формирования потенциала протестов не прослеживается»¹⁹¹.

Не менее пессимистический вывод относительно высокой политизированности аудитории российских социальных сетей в период после 2012г. делают эксперты исследовательского центра ЦИМЭС. По их данным на сентябрь 2015г. к условно политизированному сегменту российского интернета относятся около 1,2 млн. пользователей, подразделяющихся по сетевым социальным ресурсам следующим образом:

- зарегистрированные на Facebook – около 1 млн.;
- зарегистрированные на Twitter – 300-400 тысяч;
- зарегистрированные на Вконтакте – около 200 тысяч;
- публикующиеся в Livejournal – 120-150 тысяч.

¹⁹⁰ Солодников В.В. Потенциал социальных протестов в современной России [Электронный ресурс] URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_4/Solodnikov.pdf (дата обращения: 14.01.2016)

¹⁹¹ Солодников В.В. Потенциал социальных протестов в современной России // Социологические исследования. 2015, № 4, С. 70

Аудитории этих ресурсов пересекаются, отсюда значительное превышение количества пользователей, зарегистрированных на различных ресурсах над общим количеством политизированной аудитории России.

Вполне предсказуемо, что ядро политизированной аудитории составляют жители крупнейших российских городов: Москвы (30%), Санкт-Петербург (10%), Екатеринбург (2%), Краснодар (2%), Новосибирск (1,5%) и др. Характерно, что даже регионы, которых непосредственно касаются политические новости о текущих протестах, демонстрируют крайне слабую заинтересованность пользователей в их обсуждении. Показателен пример с новостями, касающимися снятия с выборов кандидатов от оппозиционной коалиции ПАРНАС в Магаданской и Новосибирской областях. Согласно данным исследования ЦИМЭС, наиболее многочисленные региональные группы пользователей в социальных сетях «Жизнь Магадана и области» (27000 зарегистрированных участников) и «Типичный Новосибирск» (55000 зарегистрированных участников) продемонстрировали крайне низкую заинтересованность в обсуждении данной политической новости. В первом случае она отмечена 18 лайками и отсутствием комментариев, во втором проигнорирована вовсе. При этом пользователи Москвы и Санкт-Петербурга активно обсуждали и комментировали эти новости¹⁹².

В целом, региональный аспект использования виртуальных сетевых ресурсов в целях политической мобилизации изучен достаточно слабо. Показательно исследование, проведенное С.Г. Ушкиным на примере Республики Мордовия, в ноябре 2014-январе 2015 г. Данный регион по своим социально-экономическим и демографическим параметрам вполне может быть отнесен к среднестатистическим субъектам Российской Федерации. Анализируя степень готовности жителей Мордовии участвовать в акциях протеста, автор приходит к выводу о сравнительно слабом влиянии социальных сетей на региональном уровне: «...в структуре регионального

¹⁹² Беркович О. Как на самом деле устроен политический интернет [Электронный ресурс] URL: <http://govoritmoskva.ru/blogs/574/> (дата обращения: 15.01.2016)

социума социальные сети не являются мощным воздействующим ресурсом. Каждый второй респондент (52%) декларирует точку зрения, что они не оказывают влияния на работу органов власти на различных уровнях... в большинстве случаев молодые люди не встречали упоминаний о региональных протестных акциях в социальных сетях (84%), не были рекрутированы с их помощью в протестное движение (91%)»¹⁹³. Об этом же свидетельствует статистика распределения молодежной аудитории по трем группам: 1) активные оппозиционеры, готовые участвовать в протестных акциях оффлайн (13%), 2) социальные активисты, активно коммуницирующие в сетях по политической повестке дня, но далеко не всегда готовые принимать участие в реальной политике (32%), 3) абсцентеисты, не участвующие и не интересующиеся политической повесткой дня (60%).

Среди ключевых институциональных и содержательных причин падения протестной активности в России после 2011-2012гг. выделяют:

«– сложность выработки общей программы действий для столь разнородного конгломерата политических сил, гражданских инициатив, групп активистов;

– отсутствие эффективной «зонтичной» организационной структуры, которая обеспечила бы участие всех организаций и инициативных групп в координации протеста (при всей демократичности выборов в Координационный Совет оппозиции, в нем представлены не все инициативные группы, что затормозило их соучастие в протестных действиях);

– изолированность политического протеста образованных, достаточно обеспеченных жителей городов-миллионников от социально протеста массовых групп населения»¹⁹⁴.

¹⁹³ Ушкин С.Г. Влияние виртуальных социальных сетей на протестную активность в российском обществе. Дис... канд. соц. наук 22.00.04. Саранск, 2015, С. 108

¹⁹⁴ Чувашова Н. И. Политический протест в современной России // Теория и практика общественного развития № 6, 2013, 143-145 с.

Помимо обозначенных выше причин падения протестной активности в России после 2011-2012гг. следует особо выделить осознание многими протестующими политической неэффективности подобных акций, в аспекте обеспечения обратной связи гражданского общества и власти. Достижение нового баланса (или «конгруэнтности» в терминологии, предложенной А. Н. Олейником) в отношениях государства и гражданского общества оказалось невозможным, посредством использования неконвенциональных методов политического участия, в том числе сетевого.

3.2. Роль сетевых инструментов участия в снижении протестной активности граждан

Важную роль в снижении интереса избирателей к неконвенциональным формам политического участия сыграло интенсивное развитие в РФ альтернативных сетевых инструментов, обеспечивающих гражданское участие в обсуждении и принятии политических решений по общественно-значимым проблемам. Подобные сервисы создавались как при участии государственной власти (в рамках проектов электронного и открытого правительства), инициировавшей общественное обсуждение резонансных решений, так и в качестве самостоятельных гражданских инициатив.

Можно предложить следующую классификацию сетевых ресурсов участия, действующих сегодня в России.

Первый блок составляют ресурсы, обеспечивающие поэтапное обсуждение общественно значимых решений (чаще всего законопроектов) на специально создаваемых сетевых платформах.

Второй блок – это специальные ресурсы по предложению электронных петиций и сбору подписей за или против таких решений.

Третий блок формируют многочисленные краудсорсинговые ресурсы по сбору жалоб и предложений от граждан на самые разнообразные общественно-значимые темы.

Рассмотрим каждый из обозначенных выше блоков подробнее.

Одной из первых сетевых дискуссий по федеральным законопроектам стало обсуждение федерального закона «О полиции» на специально созданной для этого сетевой площадке www.zakonoproekt2010.ru. Данное обсуждение продемонстрировало высокую степень готовности российских граждан к участию в сетевых дискуссиях. Так, за время работы сервиса поступило около 21 тысячи комментариев. В целом сайт посетили более 1,5 млн человек¹⁹⁵. Используемый инструментарий сетевого форума, а также количество принявших участие в обсуждении граждан продемонстрировали достаточный уровень репрезентативности общественного мнения по законопроекту, что обеспечило в конечном счете высокую степень его легитимации. При этом полученные данные показывают, что, несмотря на большое количество комментариев, посвященных смене названия «милиция» на «полиция», наиболее активными участниками дискуссии стали авторы, знающие систему внутренних дел изнутри и старающиеся дать адекватную оценку законопроекту.

Следующим законом, прошедшим общественное обсуждение онлайн, стал федеральный закон «Об образовании», который заменил два базовых закона, действовавших ранее: «Об образовании» (1992) и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (1996). В новом законе были прописаны нормы по всем уровням образования, включая дошкольное, профессиональное - начальное, среднее, высшее и дополнительное. Обсуждение законопроекта проходило с декабря 2010 по 1 февраля 2011 года, также как и в случае с Законом о полиции на интернет площадке zakonoproekt2010.ru. Онлайн обсуждение Закона об образовании проходило менее интенсивно, нежели Закона о полиции (всего было внесено около 3000 предложений, против более 20000 во втором случае), что объясняется его

¹⁹⁵ Курочкин А.В. Краудсорсинг как новый метод политического управления в условиях сетевого общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2013, № 9-1 (35), 78-81 с.

менее резонансным характером, что, впрочем, не отменяет значимости данной процедуры для совершенствования качества законодательного акта и процесса его легитимации.

На сегодняшний день на официальном портале органов государственной власти gov.ru создана и уже прошла апробацию система общественного обсуждения законопроектов <http://veche.duma.gov.ru/>, которая должна обеспечить полноценный процесс реализации права граждан принимать участие в разработке нормативных правовых актов и учета мнений при разработке и принятии законопроектов, затрагивающих основные направления государственной политики в области социально-экономического развития.

Второй блок сетевых ресурсов представлен в РФ достаточно широко.

К официальным ресурсам, обеспечивающим процесс подачи петиций в органы государственной власти, относится, прежде всего, «Российская общественная инициатива» (www.roi.ru), созданная во исполнение Указа Президента РФ №183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива», принятого в марте 2013 г.

Ресурс «Российская общественная инициатива» интегрирован с порталом предоставления государственных и муниципальных услуг gosuslugi.ru, что позволяет использовать учетные записи пользователей, сделанные в личном кабинете на данном сайте. Его цели и механизм работы имеет много общего с зарубежными аналогами. После обязательной регистрации и подачи инициативы (муниципального, регионального или федерального уровня), она проходит юридическую экспертизу и только после этого размещается на сайте для голосования. По условиям проекта «Российская общественная инициатива» для того, чтобы быть рассмотренной органами государственной или муниципальной власти инициатива муниципального уровня в течение года должна получить не менее 5% от

численности населения муниципального образования, региональная, соответственно, не менее 5% граждан, проживающих на территории данного субъекта и, наконец, инициатива федерального уровня не менее 100.000 граждан РФ.

Кроме «Российской общественной инициативы» сегодня в РФ созданы и активно используются независимые ресурсы для организации кампаний в поддержку или против готовящегося или уже принятого органами государственной власти решения. К наиболее популярным относятся сетевые платформы: change.org (петиция за принятие закона о деятельности коллекторов – более 234 000 подписей, против реформирования РАН – более 61000 подписи, петиция в поддержку возвращения льготного посещения музеев для студентов – более 83000 подписи и др.); onlinepetition.ru, созданная еще в 2007 г. (петиция о необходимости улучшения экологической обстановки в г. Братске – 13000 подписей, петиция на имя Президента РФ об ужесточении наказания за преступления против детей – более 23000 подписей и т.д.)¹⁹⁶.

Отличительными характеристиками функционирования независимых ресурсов подачи петиций являются:

- Высокая степень открытости и доступности, обеспечиваемая за счет привлечения к обсуждению проблем любых социальных групп и граждан различных государств;
- Гарантия полной свободы выбора обсуждаемых тем, ограниченной только рамками российского законодательства;
- Стимулирование выражения независимого мнения;
- Публикация открытой истории каждой петиции и всех сопутствующих данных.

¹⁹⁶ Курочкин А.В. Краудсорсинг как новый метод политического управления в условиях сетевого общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013, № 9-1 (35), 78-81 с.; Курочкин А.В., Никифоров А. А. Гражданские инициативы в условиях сетевого общества: новые возможности и ограничения // Современные исследования социальных проблем №1, 2015, 239-252 с.

Наконец третий вид сетевых ресурсов, обеспечивающих участие в процессе разработки и реализации решений, составляют краудсорсинговые проекты, которые чаще всего локализованы на уровне региона или муниципалитета и направлены на выявление и решение их конкретных проблем. В целом по России, согласно карте краудсорсинговых проектов, представленной на сайте crowdsourcing.ru, насчитывается 225 крупных краудсорсинговых проектов, которые расположены по территории страны примерно в следующем порядке: 111 проектов в центральной европейской части и юге России; 59 расположены на Урале; 55 в Сибири и Дальнем Востоке.

Все проекты расположены в крупных городских центрах. Безусловные лидеры по количеству краудсорсинговых проектов Москва и Санкт-Петербург (20 и 10 проектов, соответственно), Новосибирск – 8, Владивосток – 6, Красноярск – 5 и Екатеринбург – 4 проекта.

В большинстве случаев эти проекты поддерживают технологию краудмэппинга, т.е. позволяют составлять карту проблем региона. Один из показательных примеров подобных проектов – сетевой ресурс «Открытый бюджет» Ленинградской области. Он был создан в 2013 г. с целью совершенствования процесса участия граждан в разработке проекта и корректировке регионального бюджета. Зарегистрированные на данном ресурсе жители Ленинградской области могут в онлайн режиме подать идею по улучшению бюджетного процесса, расходованию бюджетных средств, заявить актуальную для конкретной местности проблему, либо выбрать три наиболее важных с точки зрения необходимости бюджетного обеспечения сферы региональной политики¹⁹⁷. К сожалению данный сервис не дает возможности оценить, насколько оперативно реагирует администрация на подаваемые таким образом предложения и какое их реальное количество

¹⁹⁷ Курочкин А.В., Парфенова Ю.В. Новые формы представительства интересов и «сетевая публичность» // Управление публичной политикой: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015, 62-70 с.

было учтено при разработке проекта текущего бюджета или его корректировке. Тем не менее, сама инициатива и ее техническое исполнение вполне соответствует ведущим западным образцам.

Ключевыми преимуществами использования технологий краудсорсинга для повышения политической и гражданской активности, а также обеспечения общественного участия в процессе принятия решений являются:

- возможность сбора максимального числа решений-идей-мнений;
- организация комплексного обсуждения участниками поданных предложений через отзывы и комментарии;
- оценка поданных предложений силами участников или с привлечением экспертов;
- формирование по итогам обсуждения структурированных перечней лучших предложений и отзывов на них.

Таким образом, активизация использования всех трех видов ресурсов участия в значительной степени способствовала снижению неконвенциональной политической активности жителей крупных городских центров (т.н. «рассерженных горожан» или «креативного класса») и канализировала их гражданскую активность в направлении обсуждения и решения локальных социальных и экономических проблем.

Сетевые ресурсы при этом сыграли важную конструктивную роль в обеспечении *коммуникативной эффективности* политического участия. Этот концепт, определяемый А. В. Курочкиным в отношении системы государственного управления как: «функция минимизации транзакционных издержек, рассматриваемых здесь в более широком значении, как издержки социальных обменов ... и сфокусировано на качестве работы механизма координации социальных связей и взаимодействий»¹⁹⁸, представляется

¹⁹⁸ Курочкин А.В. «Коммуникативная эффективность»: концептуализация понятия и перспективы использования в теории и практике государственного управления // ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ. 2013, №4, 83-92 с.

наиболее адекватным для анализа и оценки механизмов мобилизации и участия в системе обратной связи государства и гражданского общества. Сетевые ресурсы должны стать не только инструментом информирования или однонаправленного влияния со стороны государства либо оппозиции, но и важным элементом системы коммуникации государства и общества, направленной на минимизацию неопределенности на всех уровнях политического управления, предложение ясных «правил игры» для контрагентов и обеспечение стабильности политической системы страны в целом.

Таким образом можно выделить следующие условия, обеспечивающие коммуникативную эффективность политического интернет участия:

1. Наличие стабильной институциональной среды, формируемой как формально-правовыми, так и неформальными институтами, определяющими ясные правила игры для всех акторов, а также гарантирующие их свободу деятельности в сети: «институциональная основа коммуникативной эффективности должна отвечать требованиям крайне изменчивой внешней среды: быть более гибкой и подвижной, способной меняться в направлении достижения компромисса между ценностными порядками. В этом смысле переопределяется роль институтов: вместо сравнительно жестких детерминант поведения они рассматриваются скорее как поле возможных решений, проясняющих общую перспективу взаимодействия для акторов, чье поведение они регулируют»¹⁹⁹.

2. Обеспечение сетевыми сервисами реальной вовлеченности различных акторов в процесс разработки, обсуждения и принятия политических решений. Речь идет об эффективно и постоянно действующей системе обратной связи между гражданским обществом и государством.

3. Наличие и институциональное обеспечение свободной конкуренции мнений и предложений относительно политической повестки

¹⁹⁹ Курочкин А. В. Государственное управление и инновационная политика в условиях сетевого общества. Дис... докт. полит. наук. Санкт-Петербург. 2014, С. 126

дня со стороны всех заинтересованных акторов, а также использование различных форм координации взаимодействий и легитимирующих их ценностных порядков.

Рассмотрим, как данные условия определяют эффективность интернет участия и развитие электронной демократии в современной России.

Одним из важных шагов в обеспечении стабильной институциональной среды развития электронной демократии в России стал проект «Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года», разработанный специалистами Министерства связи и массовых коммуникаций РФ. Изначально проект был размещен на портале «Электронная демократия в России», а его широкое общественное обсуждение осуществлено в рамках «Первого федерального конгресса электронной демократии в РФ», проходившего в г. Москва 17-18 мая 2012 г.

Электронная демократия в тексте Концепции трактуется как «такая форма организации общественно-политической деятельности граждан, которая обеспечивает за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень взаимодействия граждан друг с другом, с органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными организациями и коммерческими структурами»²⁰⁰. Данное определение представляется чрезчур общим, поскольку в тексте не раскрывается содержание того, что такое качественно новый уровень взаимодействия. Для его конкретизации необходимо указание в определении электронной демократии на то, что она должна быть основой эффективного государственного управления, трактуемого как подотчетный обществу, прозрачный способ реализации политической власти, призванный

²⁰⁰ Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года. [Электронный ресурс] URL: http://rario.ru/projects/Congress_conception.php (дата обращения: 20.02.2016)

обеспечить более инклюзивную форму демократии на различных уровнях управления²⁰¹.

В разделе «Факторы развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии» проекта Концепции особо отмечается недостаточность темпов развития гражданского общества, в том числе с использованием сетевых технологий. В частности, говорится о медленном и прерывистом темпе этого развития. И именно для изменения сложившейся ситуации к лучшему и придания этому процессу динамизма необходимо внедрение механизмов электронной демократии. Таким образом, в Концепции обозначена прямая зависимость перехода к практике электронной демократии и процесса укрепления и дальнейшего развития российского гражданского общества: «...активное внедрение информационно - коммуникационных технологий в систему общественно-политических отношений позволяет существенно расширить возможности российских граждан в плане их общественно-политического участия, создания условий для роста их гражданской активности, что в свою очередь, способствует формированию качественно нового уровня активности граждан, пользующихся современными электронными технологиями не только в личных целях, но и в целях общественно-политического участия на всех уровнях публичного управления»²⁰².

Такой подход свидетельствует о заинтересованности государства в качественном изменении механизмов и повышении заинтересованности участия граждан в процессах выработки и реализации политики на всех уровнях государственной власти. Авторы Концепции также отмечают благоприятные предпосылки, уже созданные в РФ для внедрения ее отдельных положений в практику: «В настоящее время в России сложилась благоприятная среда для активного развития механизмов электронной

²⁰¹ Там же.

²⁰² Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года. [Электронный ресурс] URL: http://rario.ru/projects/Congress_conception.php (дата обращения: 20.02.2016)

демократии. Во-первых, на государственном уровне четко обозначен вектор в сторону системного укрепления демократических институтов. Во-вторых, российские граждане проявляют всё больший интерес к современным информационно-коммуникационным технологиям, включая мобильную телефонию и интернет. В-третьих, государственные и частные программы информатизации системы общественных отношений позволили сформировать соответствующую инфраструктуру и создать в России плотную информационно-коммуникационную среду с высоким уровнем распространения мобильных телефонов и персональных компьютеров среди населения, интернет-доступности и компьютерной грамотности»²⁰³.

Вместе с тем, в тексте Концепции отмечается и ряд проблем, препятствующих равномерному и динамичному развитию как механизмов электронной демократии, так и институтов гражданского общества в целом. К первоочередной проблеме относится недостаточная эффективность и организационно-техническое обеспечение механизма обратной связи государства и общества: «В первую очередь, это касается процедур двустороннего взаимодействия граждан с органами власти по общественно-политическим вопросам. Механизм обращений и запросов граждан и организаций в органы власти в электронном виде не получил широкого распространения в силу отсутствия необходимых и достаточных процедур, которые бы юридически гарантировали и практически обеспечивали полное равенство данных обращений и процедур перед их физическими аналогами»²⁰⁴. Вторая, отмечаемая авторами Концепции проблема – недостаточность технологической процедуры идентификации участников сетевого взаимодействия и неравномерное развитие интернет-технологий в регионах России: «важнейшей проблемой являются вопросы идентификации и аутентификации участников информационного взаимодействия, в том

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года. [Электронный ресурс] URL: http://rario.ru/projects/Congress_conception.php (дата обращения: 20.02.2016)

числе в части практической реализации. Сохраняется цифровое неравенство между федеральным центром, субъектами Российской Федерации и муниципалитетами. Проникновение интернета протекает неравномерно, качество доступа к данному ресурсу в масштабах страны находится ещё на недостаточном уровне»²⁰⁵. Наконец, третья существенная проблема – явная недостаточность программ обучения пользователей новым технологиям онлайн участия и проектов по популяризации этих технологий, разъяснению их значимости и преимуществ для самих пользователей: «...к негативным факторам следует отнести и отсутствие эффективных инструментов популяризации механизмов электронной демократии среди населения. Без массового информирования граждан о широких возможностях механизмов электронной демократии невозможно сформировать среду доверия к данным механизмам»²⁰⁶.

Здесь необходимо расширить круг актуальных проблем, стоящих на пути развития российской электронной демократии. Несмотря на то, что граждане РФ действительно проявляют всё больший интерес к современным информационно-коммуникационным технологиям, о чем свидетельствуют статистические данные использования сетевых ресурсов и, в частности, социальных сетей, это использование связано преимущественно с межличностным общением, поиском информации, интернет коммерцией и пр. Уровень доверия к органам государственной власти и их сетевым ресурсам остается по-прежнему, невысоким, что определяет, в свою очередь низкий уровень использования соответствующих сетевых инструментов участия.

Другая проблема заключается в значительных рисках построения в России электронной демократии сверху, в качестве структурного элемента административной вертикали. Т. е. существует опасность создания квази-

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года. [Электронный ресурс] URL: http://rario.ru/projects/Congress_conception.php (дата обращения: 20.02.2016)

демократических структур участия сетевого типа, но по сути бесполезных для обеспечения реальной системы обратной связи государства и общества.

Для целей нашего анализа важно рассмотреть, какие механизмы электронной демократии планируются к внедрению в российскую политическую практику. Они представлены в 4ом разделе Концепции «Основные приоритеты и направления развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии».

Первый наиболее распространенный механизм – это электронное голосование. В Концепции достаточно пространно отмечены основные позитивные стороны данного механизма голосования: «Электронное голосование широко используется в рамках онлайн-опросов, общественных онлайн-экспертиз и многих других процедур, где учитывается коллективная позиция пользователей системы электронной демократии»²⁰⁷. Вместе с тем электронное голосование таит ряд потенциальных опасностей для избирателей, в связи с которыми в Концепции ставятся задачи, требующие решения в перспективе до 2020г.: «Электронные технологии могут быть использованы и в качестве средств фальсификации результатов голосования; кроме того не исключены серьезные сбои в функционировании автоматизированных комплексов, обеспечивающих электронное голосование. Поэтому крайне важно в рамках внедрения электронного голосования разрабатывать не только процедуры голосования, подсчета голосов, но и процедуры контроля данных процессов, а также процедуры верификации результатов голосования»²⁰⁸.

Следующий механизм электронной демократии – сетевая коммуникация граждан и коллективное обсуждение социально значимых проблем и вопросов общественно-политической тематики в режиме on-line: «... сегодня уже нет необходимости собирать людей в каком-то замкнутом

²⁰⁷ Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года. [Электронный ресурс] URL: http://rario.ru/projects/Congress_conception.php (дата обращения: 20.02.2016)

²⁰⁸ Там же

физическом пространстве с целью коллективного обсуждения каких-то вопросов. Такое обсуждение можно с успехом организовать на специализированных интернет-ресурсах (форумы, интернет- конференции, вебинары, скайп-сессии и т.п.), на площадке практически любой социальной сети, а также в блогах»²⁰⁹.

Третьим механизмом (или точнее, набором механизмов) в Концепции выступает формирование онлайн-сообществ, включая механизмы планирования и реализации гражданских инициатив и проектов коллективных действий. К ним в тексте документа дается расширенный комментарий: «Коллективное обсуждение социально значимых проблем, а также формирование консолидированных позиций часто способствует тому, что в интернет-среде начинают складываться так называемые «сетевые сообщества» (онлайн-комьюнити), представленные в пространстве интернета, которые ... используются их участниками как удобное средство планирования и организации реальных мероприятий»²¹⁰.

Четвертый набор механизмов, которые необходимо развивать в аспекте обеспечения электронной демократии в России, касается процесса политического управления и принятия политико-административных решений. Это – механизмы сетевой коммуникации граждан с органами исполнительной власти, включая инструменты воздействия на принятие решений и гражданский контроль за их исполнением: «Наряду с созданием технологических возможностей для электронной демократии необходимо разрабатывать механизмы, которые бы позволяли гражданам оказывать реальное, а не декларативное влияние на процесс общественно-политического управления. Одним из таких механизмов является формирование коллективных позиций в формате электронных обращений в уполномоченные организации, прежде всего, в органы государственной

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года. [Электронный ресурс] URL: http://rario.ru/projects/Congress_conception.php (дата обращения: 20.02.2016)

власти и местного самоуправления. Коллективные обращения выражают консолидированное мнение пользователей по существу обсуждаемых вопросов. Консолидированное мнение - это полезный результат сетевого общения, один из важнейших элементов, на которых базируется электронная демократия»²¹¹.

Пятый набор элементов электронной демократии, упомянутый в Концепции, – это механизмы общественного онлайн-управления на муниципальном уровне, предполагающие возможность непосредственного участия в процессе принятия решений. Особо отмечается недостаточность развития такого рода практики в современной России: «Механизмы общественного онлайн-управления, в отличие от механизмов общественного онлайн-обсуждения и контроля за деятельностью органов власти, не получили на данный момент широкого распространения и реализации в формате специализированных интернет-ресурсов электронной демократии. Граждане в целях общественного онлайн-управления используют преимущественно площадки городских интернет-форумов, социальные сети, а также узкоспециализированные интернет-ресурсы, которые направлены на решение проблем определенной тематики для ограниченного круга лиц»²¹². В то же время преимущества краудсорсинговых механизмов принятия и коррекции решений особенно на локальном уровне очевидны: «Краудсорсинг будет постепенно вытеснять прежние модели формирования коллективных решений, способствуя большему вовлечению граждан в производство и распространение публичных благ, укреплению горизонтальных связей между людьми. В этом смысле краудсорсинговая модель, подкрепленная широкими возможностями Web 2.0, значительно расширяет потенциал электронной демократии, так как граждане принимают самое непосредственное участие в разработке общественных и политических решений»²¹³.

²¹¹ Там же.

²¹² Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года. [Электронный ресурс] URL: http://rario.ru/projects/Congress_conception.php (дата обращения: 20.02.2016)

²¹³ Там же.

Таким образом, построение комплексной системы электронной демократии в России предполагает решение нескольких взаимосвязанных задач:

- формализацию процесса обязательного рассмотрения органами власти, в компетенции которых находятся соответствующие вопросы, итогов их обсуждения онлайн и выработанных предложений;

- обеспечение своевременного и открытого размещения обращений по публично обсуждаемым проблемам и официальных ответов на них, что с одной стороны должно повысить ответственность государственных и муниципальных служащих, а с другой, позволит гражданам отчетливо увидеть и оценить качество работы чиновников;

- внедрение системы оценки качества деятельности государственных и муниципальных служащих онлайн, предоставляющей гражданам возможность оценивать деятельность как конкретного чиновника, так и ведомства в целом;

- наделение должностных лиц государственных и муниципальных органов правом и инструментами доступа к обсуждению, а также оценкам и выработанным предложениям, что обеспечит возможность оперативно реагировать на проблемы и корректировать принимаемые решения.

Ключевым направлением обеспечения институциональной среды интернет-участия выступает процесс правовой регламентации электронного голосования в России, являющегося первым по важности механизмом электронной демократии. Этот процесс был инициирован еще в 2005г., когда ЦИК России рассмотрела вопрос «О ходе работ по созданию комплексов электронного голосования». Тогда большинством голосов членов ЦИК были поддержаны рекомендации Межведомственной комиссии о проведении эксперимента по применению 60 опытных образцов комплексов для электронного голосования в 2006 году. В этом же году были изданы первые инструкции ЦИК России «О порядке электронного голосования, подсчета голосов избирателей, участников референдума, установления итогов

голосования на избирательном участке, участке референдума, установления итогов голосования и определения результатов выборов, референдума вышестоящими комиссиями» и «О порядке использования комплексов для электронного голосования на выборах и референдумах, проводимых на территории Российской Федерации»²¹⁴. В них впервые были определены правовые принципы применения комплексов электронного голосования в избирательном процессе. Первое в России голосование избирателей с использованием опытных образцов комплексов электронного голосования было проведено на выборах Новгородской областной Думы 8 октября 2006 г.

Следующим шагом по правовой регламентации электронных форм голосования стало Постановление ЦИК России, которым была утверждена Временная инструкция о порядке использования комплексов электронного голосования на выборах депутатов Рязанской областной Думы пятого созыва. Эта инструкция определила основные параметры проведения эксперимента по использованию электронного голосования на конкретном избирательного участке регионального уровня.

В 2011 г. ЦИК России утвердила временный порядок электронного голосования и использования комплексов электронного голосования на выборах и референдумах, проводимых на всей территории Российской Федерации. Через полгода он был заменен «Порядком электронного голосования с использованием комплексов для электронного голосования на выборах, проводимых в Российской Федерации»²¹⁵.

Необходимо отметить, что данный порядок применим к регулированию процесса голосования на выборах, но не регламентирует волеизъявление в электронной форме на референдумах, а также иных формах политического участия, что является его существенным недостатком.

Комплексно задача информатизации избирательного процесса, в том числе с применением элементов электронного голосования, решалась в

²¹⁴ Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации № 7, 2006, 77-122 с.

²¹⁵ Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации № 2-3, 2011, 261-305 с.

рамках создания ГАС «Выборы». В ноябре 2006 года ЦИК России, рассмотрев первые результаты применения ГАС «Выборы» на выборах в субъектах Российской Федерации, постановила, что комплексы обработки избирательных бюллетеней, которые применялись при проведении выборов депутатов Новгородской областной Думы и при проведении повторных выборов депутатов Саратовской областной Думы в целом соответствовали заданным техническим характеристикам и не вызвали нареканий.

Руководствуясь этим опытом, на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ шестого созыва в декабре 2011 года, комплексы электронного голосования применялись уже на 327 избирательных участках, а на выборах Президента Российской Федерации в марте 2012 г. КОИБ применялись уже в 76 субъектах Российской Федерации, что технологически значительно усовершенствовало процесс обработки и окончательного подсчета голосов. Вместе с тем, необходимо отметить несколько негативных моментов. Первый связан с недоверием граждан к результатам работы КОИБов и возможностью фальсификаций, что собственно и вызвало мощные протестные движение 2011-2012гг. Второй определяется спецификой такой формой голосования, которая является лишь технологическим усовершенствованием традиционной формы голосования, но не полноценным элементом электронной демократии²¹⁶. Третий заключается в том, что в правовом поле не определена возможность использования ГАС «Выборы» для проведения референдумов и иных форм голосования, хотя такая возможность предусмотрена Постановлением ЦИК России от 29.12.2009 № 187/1312-51 при условии закрепления соответствующей процедуры в федеральном законодательстве.

Таким образом, ГАС «Выборы» не может быть рассмотрена как полноценный элемент реализации в России электронной демократии. Более совершенной формой в этом отношении является голосование, проводимое

²¹⁶ Вестник Центризбиркома РФ, № 11, 2011. С. 102-107; №1, 2012. С. 140-141; № 2, 2012. С. 71-72.

посредством использования специальных электронных карт для доступа к голосованию.

В качестве следующего шага в технологическом развитии электронного голосования стало создание устройство сенсорного голосования. Подобная форма голосования может быть реализована непосредственно на избирательном участке, так и для групп избирателей, находящихся в значительно удаленном месте от помещения для голосования.

По информации ЦИК РФ уже к 2021 г. планируется разработка и реализация полноценной формы интернет-голосования. Используя позитивный мировой опыт Эстонии, Финляндии, Швеции, Франции, Канады и США, Центральная избирательная комиссия РФ планирует провести целый ряд пилотных проектов интернет-голосования с целью апробации и дальнейшего распространения на федеральном уровне данной технологии. Для этого необходимо добиться соблюдения ряда условий по обеспечению интернет-голосования в Российской Федерации: «Прежде всего, это техническая работоспособность и надежность системы, которая должна быть защищена от возможных вирусов, несанкционированного вмешательства в ее работу. В политико-правовом аспекте должны быть решены вопросы обеспечения тайны голосования, нормативного регулирования процедуры интернет-голосования, защиты от манипуляций результатами голосования, восприятия и доверия граждан к такому виду голосования»²¹⁷. Таким образом, необходима полноценная правовая институционализация данной формы сетевого политического участия в России, как первичное условие ее развития. Не случайно, об этом заявил и премьер-министр России Д. А. Медведев: «Такие технологии (голосование через интернет) нужно обязательно развивать. В любом случае, через определенное, достаточно короткое время эти технологии будут использоваться, в том числе уже с правом решающего голоса. Я имею в виду возможность подведения

²¹⁷ В ЦИК РФ будет создан специальный IT-департамент и разработан соответствующий законопроект [Электронный источник] URL: <http://izvestia.ru/news/592844#ixzz442KMZx8H> (дата обращения: 20.03.2016)

итогов...Но для этого, конечно, нужно будет изменить законодательство наше и добиться того, чтобы такая возможность была у любого гражданина, потому что пока такой возможности нет». ²¹⁸

Несмотря на значительный прогресс в вопросе обеспечения правовой среды развития электронных форм политического участия в современной России, данный процесс носил в последние годы противоречивый характер. С одной стороны, устанавливались достаточно ясные правила игры, с другой, происходило ограничение политической активности в интернете, направленное на усиление контроля со стороны государства за данной сферы. Так, в июле 2013 г. был принят Федеральный Закон «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» (т. н. «антипиратский закон»). Он позволил блокировать и закрывать сайты, содержащие нелицензионный контент по решению суда. Крупные российские интернет-компании, а также гражданские активисты рассматривали эти меры как возможность введения цензуры, в том числе политической, со стороны органов государственной власти.

Тогда же в 2013г. появилась информация о подготовке законопроекта о запрете использования т.н. анонимайзеров, позволяющих пользователям анонимно коммуницировать в интернете. По мнению их противников, данные сервисы обеспечивают т.н. «темную сторону» интернета или *undernet*, сложно контролируемую со стороны государства²¹⁹. Эта мера рассматривается сетевым сообществом как очередная попытка ограничения свободы интернета и возможность существенного сужения политического интернет-участия.

²¹⁸ Митяева Ю. В. Опыт проведения интернет – голосования на выборах и референдумах в России и за рубежом [Электронный источник] URL: <http://www.rcoit.ru/technologies/detail.php?ID=17065> (дата обращения: 20.03.2016)

²¹⁹ Зыков В. ФСБ готовит закон против анонимности в интернете Известия 16 августа 2013г. [Электронный источник] URL: <http://izvestia.ru/news/555552> (дата обращения: 22.03.2016)

Таким образом, в сфере нормативно-правового регулирования и формирования эффективной (в коммуникативном аспекте) институциональной среды электронной демократии в России наблюдается противоречивая ситуация, отражающая, впрочем, амбивалентность самих интернет-технологий, с одной стороны, являющихся мощным инструментом гражданской и политической активности, а с другой, эффективным средством политического контроля со стороны государства. В данном аспекте можно согласиться с мнением российских исследователей Соколова А. В. и Грушина Е. П. о том, что: «распространение Интернета, делигитимизация власти, рост уровня протестных настроений, социальной напряженности – все это способствует повышению активности в Интернете. В то же время, «антипиратский» закон, попытка ввести поименную идентификацию ведут к ограничению интернет-активности»²²⁰.

Второе условие коммуникативной эффективности - обеспечение сетевыми сервисами реальной вовлеченности различных акторов в процесс разработки, обсуждения и принятия политических решений в современной России является достаточно проблематичным процессом. С одной стороны, существуют государственные ресурсы как на региональном, так и на федеральном уровнях, работающие под эгидой «Открытого правительства», с другой, - большинство этих ресурсов носит характер квази-участия, демонстрирующий, а не обеспечивающий реальное участие граждан и организаций в процессе обсуждения и принятия политических решений. Пик развития сервисов электронного правительства приходится на 2012-2013гг.

Так в мае 2012 г. были внесены изменения в структуру федерального правительства: была введена новая должность – Министр РФ по вопросам открытого правительства, а также сформирован Экспертный совет при Правительстве РФ, который был призван заниматься обеспечением участия экспертного сообщества в процессе подготовки и реализации решений

²²⁰ Соколова А. В., Грушина Е. П. Условия развития политической активности в сети Интернет // Вестник Пермского университета. Выпуск №1 (29), 2015, С. 164

федеральных органов исполнительной власти, а также созданием условий для эффективного общественного контроля за их деятельностью.

Для дальнейшего совершенствования взаимодействия Открытого правительства с отдельными органами исполнительной власти в сентябре 2012 года была создана Комиссия Правительства РФ по координации деятельности Открытого правительства, которую возглавил Председатель Правительства РФ. Эта комиссия была призвана обеспечить эффективную координацию действий представительной и исполнительной власти, бизнеса и общественных организаций по взаимодействию с Открытым правительством и привлекаемыми им к решению социально-экономических и политических задач экспертами.

В результате предпринятых мер к концу 2012 г. практически полностью была сформирована и утверждена организационная структура Открытого правительства РФ.

В содержательном плане руководством страны были предложены три основных направления его работы: открытые данные, открытый регион и открытое министерство.

Ключевым направлением в рамках Открытого правительства РФ стал проект «Открытые данные». Его реализация связана с исполнением Указа Президента РФ «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» (№ 601 от 7 мая 2012 г.)²²¹, а также подпрограммы «Информационное государство», являющейся содержательной основой государственной программы «Информационное общество». Институционально-правовая база для реализации данного проекта была сформирована после принятия в 2013 г. Федерального закона № 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации,

²²¹ Указ Президента Российской Федерации 7 мая 2012 года №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» / Указ, 2012. URL: <http://rg.ru/2012/05/09/gosupravlenie-dok.html> (дата обращения: 15.12.2015)

информационных технологиях и о защите информации»²²² и Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»²²³.

Как показывает анализ реализации данного проекта в 2012-2013 гг., он направлен в первую очередь на формирование сервисов двух типов. Первые содержат официальную информацию ведомств и представляют собой чаще всего так называемые дата-сети, то есть структурированные наборы официальной информации, публикуемой федеральными или региональными органами государственной власти с целью последующего свободного использования гражданами и организациями. Данная информация применяется для оценки работы ведомства, а также для анализа развития отраслевых или региональных рынков, инвестиционной привлекательности региона и т.д. Вторые представляют собой обработанную и представленную в удобном для пользователя виде информацию социального, экономического или правового характера, собираемую под задачи конкретного сайта или портала. Таковыми, например, являются ресурсы: «Публичные доходы» и Декларатор.org, представляющие собой базу публичных сведений о доходах и собственности чиновников и депутатов различных уровней, раскрываемых согласно требованиям российского законодательства; приложение «Соцкарточка», позволяющее легко найти ближайшие экстренные и социальные службы посредством автоматического определения местоположения и привязки к местности; «РосПравосудие», представляющее собой крупнейшую базу участников судебных процессов: судей, адвокатов, прокуроров, а также судебных решений и комментариев к ним .

²²² Федеральный закон от 7 июня 2013 г. №112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и Федеральный закон "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [Электронный источник] URL: <http://rg.ru/2013/06/11/informatsia-dok.html> (дата обращения: 15.12.2015)

²²³ Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. №8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [Электронный источник] URL: <http://rg.ru/2009/02/13/dostup-dok.html> (дата обращения: 15.12.2015)

Процесс формирования открытого правительства на региональном уровне шел по общей модели, в которой выделяются 2 этапа:

Первый этап.

Формализация институтов открытого правительства, осуществляемая путем принятия соответствующей региональной программы и внесения изменений в прочие государственные программы, связанные с реализацией принципов открытого правительства. При этом, цели и задачи данных программ (и, соответственно, региональных проектов открытого правительства) соответствовали целям и задачам федерального проекта «Открытое правительство», а именно:

- повышение качества государственных услуг и улучшение условий их предоставления, в первую очередь за счет обновления механизма обратной связи и использования сетевых, краудсорсинговых технологий;

- формирование новой модели стратегического планирования развития региона, с обязательным учетом мнения граждан и негосударственных организаций;

- развитие кадрового потенциала государственной службы субъекта РФ в соответствии с принципами и ценностями открытого правительства.

Второй этап.

Создание соответствующей задачам открытого правительства технологической базы, заключающееся в:

- инфраструктурном обеспечении проектов: развитии широкополосного и беспроводного интернета, наличии в регионах публичных точек доступа в интернет, подключении проектов к ресурсам социальных сетей и т.д.;

- разработке и запуске интернет-порталов, посредством которых осуществляется обратная связь с гражданами.

В настоящее время практически все федеральные ведомства создали общедоступные страницы с открытыми данными. Из регионов наиболее

далеко продвинулись в части раскрытия данных и формирования собственных сервисов открытого правительства Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Амурская, Ульяновская, Пермская области.

Несмотря на достаточно серьезную концептуальную и организационную проработку проекта российского открытого правительства, оценка его результативности на сегодняшний день вызывает скорее сдержанный оптимизм. Не решенными остаются ключевые структурные, институциональные и культурные препятствия эффективной реализации технологий открытого правительства, а именно: крайне медленное обновление административной культуры, формальное отношение к инициативе открытого правительства и искреннее непонимание чиновниками его необходимости, неподготовленность граждан к участию в работе по проектам открытого правительства.

Третье условие коммуникативной эффективности интернет-участия - наличие и институциональное обеспечение свободной конкуренции мнений и предложений относительно политической повестки дня со стороны всех заинтересованных акторов, также выполняется лишь частично. Далеко не все онлайн ресурсы политического участия в России обеспечивают реальную конкуренцию и свободу высказываемых предложений.

Одним из первых сетевых инструментов электронной демократии в России, направленных на обеспечение конкуренции предлагаемых вариантов решений общественно-политических проблем, стал проект «Демократор», запущенный в сеть в феврале 2010г.²²⁴ Согласно определению данного ресурса, представленному на самом сайте, «Демократор» - это «универсальная и структурированная площадка публичного и открытого взаимодействия граждан, политических партий, органов государственной

²²⁴ Информационная система общего пользования «Демократор» [Электронный ресурс]. URL: <http://democrator.ru> (Дата обращения 25.01.2016)

власти и местного самоуправления, общественных и благотворительных организаций и движений»²²⁵.

Непосредственно целям обеспечения конкурентного представительства мнений и повышения гражданской и политической активности служат следующие направления работы:

«- Предоставление универсальной коммуникационной площадки для обеспечения граждан, экспертных сообществ и общественных организаций возможностью публичного открытого обсуждения общественно значимых вопросов (краудсорсинг);

- Оказание помощи в решении жизненно-важных для граждан проблем и способствовать продвижению общественно-значимых предложений граждан;

- Вовлечение граждан и организаций в принятие решений органами государственной власти и местного самоуправления»²²⁶.

В соответствии с условиями пункта 1.5. пользовательского соглашения, представленного на ресурсе, любой заинтересованный в решении проблемы гражданин может поддержать любую, опубликованную проблему, прокомментировать возможные варианты или ход ее решения, для чего достаточно пройти регистрацию на сайте «Демократор». Модераторы ресурса гарантируют такие возможности группового и индивидуального участия как: совместная подготовка, обсуждение, корректировка и публичное размещение обращений (петиций) к органам государственной и муниципальной власти, а также иным формам организаций; ведение диалога с авторами публичных обращений; обеспечение процедуры оценки скорости и качества ответов на публичные обращения и много другое.

Но несмотря на столь широко продекларированные возможности представления альтернативных мнений и организации общественно-политических дискуссий, к настоящему времени «Демократор» превратился

²²⁵ Там же.

²²⁶ Там же.

в один из целого ряда ресурсов подачи публичных петиций, на котором доминируют обращения по проблемам далеким от политики, как то: запрещение строительства завода ферросплавов вблизи Красноярска (16338 подписей), запрета на передачу здания Нижегородской консерватории РПЦ (5720 подписей), остановка процесса расформирования больницы №31 в Санкт-Петербурге (47212 подписей) и др.

Это доказывает сформулированный выше тезис о переформатировании после 2012г. многих сетевых ресурсов политической мобилизации и консолидации в ресурсы обеспечения гражданской активности, направленные на решение локальных социальных, экологических и экономических проблем.

Другой сетевой проект, также направленный на обеспечение широкой публичной представленности и свободной конкуренции различных мнений в сети интернет, это портал «Демократия 2». Он был создан в 2011 году депутатом Городской думы Екатеринбурга, председателем Центрального выборного комитета, созданного для выборов в Координационный Совет оппозиции Леонидом Волковым и президентом Института развития и модернизации общественных связей Федором Крашенинниковым. Данный ресурс синхронизирован с социальной сетью Facebook и является масштабным инструментом агрегирования и обсуждения различных мнений и предложений по совершенствованию политического процесса в России, не интегрированный ни в какие официальные государственные ресурсы.

Идеология «второй» или «облачной» демократии строится вокруг манифеста, разработанного Л. Волковым и Ф. Крашенинниковым. Ключевой тезис данного манифеста представляет собой идеализированную модель виртуального политического участия: «Наша облачная демократия – это новые горизонты для всех. Никаких утомительных процедур, никаких бумаг и собраний. Голосуй там и тогда, когда тебе удобно. Создавай группы,

партии, движения – там и тогда, когда ты хочешь. Объединяй вокруг себя единомышленников. Выдвигай идеи. Спорь, избирай и выбирайся»²²⁷.

Собственно, главной целью «Демократии 2» по мнению авторов и является выработка идеальной системы электронной демократии путем проведения масштабных дискуссий по различным темам внутренней политики и формирование одновременно с этим собственных экспертных групп²²⁸. Основным способом обсуждения различных вопросов в системе являются записи в блогах участников или блогах групп.

Сервис «Демократия 2» предполагает возможность публичного обсуждения любой записи в блоге, а также разделах: «Петиция», «Голосование», «Выборы» и пр. При этом структура обсуждения носит двухуровневый характер. В то же время, в ответе на комментарий присутствует ссылка на него, поэтому диалог могут легко прочитать третьи лица и принять участие в его дальнейшем обсуждении.

Помимо комментирования записей, пользователи имеют возможность отправлять друг другу личные сообщения. В кабинетах участников расположены две папки: входящих и исходящих сообщений, которые составляют основной внутренний инструмент межперсонального общения.

Ключевой механизм участия на сайте реализуется через работу в группах, дифференцированных по тематическому (поддержка деятельности Алексея Навального, движение за внедрение научных методов для решения общественных проблем, антиклерикальный альянс «Регионализм» и др.), политическому (партия народной свободы, пиратская партия России, движение «Солидарность», либеральная партия, московская «Солидарность»), географическому (Урал, Санкт-Петербург, Москва и пр.) и хозяйственному признакам. Как видно из названий большинства групп, деятельность на портале «Демократия 2», в отличие от большинства

²²⁷ Демократия 2.0 [Электронный ресурс] URL: <http://democratia2.ru/help/features#existinggroups> (дата обращения: 20.02.2016)

²²⁸ Там же.

подобных ресурсов, носит отчетливо политический характер, а механизм представительства в группах и порядок их модерирования обеспечивает равноправное представительство и конкуренцию различных мнений. Однако, на сегодняшний день это скорее редкое исключение, нежели правило организации пространства российской политической коммуникации.

Подводя итог, можно выделить ряд необходимых условий, соблюдение которых должно способствовать решению обозначенных выше проблем обеспечения конкуренции и реального участия граждан в политическом процессе:

1. В соответствии с мировым опытом реализации инструментов электронной демократии система, обеспечивающая участие граждан, должна строиться на основе открытого протокола, а текстовые файлы должны выкладываться в машиночитаемом виде.

2. Должна быть обеспечена открытая онлайн (и, при необходимости, оффлайн) дискуссия по формулировке принципов построения процедуры отбора документов для общественного обсуждения в сети.

3. Все процедурные моменты (механизмы и принципы принятия решений, ответственность и обязанности должностных лиц и пр.) должны быть формализованы, т.е. закреплены в правовом поле.

4. Общественной экспертизе и контролю должна подлежать работа администраторов сетевых ресурсов, задействованных в рамках проекта электронной демократии.

5. В соответствии с ключевой идеей электронного участия, доступ к нему должен быть гарантирован (по крайней мере, технологически) для каждого гражданина, что необходимо обеспечить соответствующими ресурсами со стороны государства и найти отражение в рамках Концепции электронной демократии.

6. Краудсорсинговые инструменты должны присутствовать не только на муниципальном уровне, но и на региональном и федеральном,

поскольку система электронной демократии является комплексной стратегией поддержки демократических институтов и процессов, начиная с низового (муниципального) уровня и заканчивая международным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблематика сетевого участия выдвигается сегодня в авангард тем политической науки, что объяснимо с одной стороны беспокойностью лидеров современных государств чрезвычайно высокими рисками дестабилизации политических режимов, а с другой, необходимостью анализа перспектив развития институтов представительства и шире политического участия в условиях общества, основанного на знании, ключевыми характеристиками которого являются: высокая изменчивость и чрезвычайная сложность структурных связей и коммуникативных процессов, а также их индивидуализированный характер.

В сложившейся ситуации обеспечение широкого гражданского и политического участия предстает в качестве наиболее эффективного средства, позволяющего достичь сбалансированности и управляемости общественно-политическими процессами на различных уровнях политической системы. Участие обеспечивает регулярно обновляемый информационный поток, позволяет власти чутко и быстро реагировать на возникающие проблемы. Оно же является инструментом легитимации политических решений, обеспечивая их согласованный со всеми заинтересованными сторонами характер, тестируя в режиме краудсорсинга различные варианты решений и используя при этом все преимущества «коллективного разума».

Важно также отметить, что социальные сети стали альтернативным традиционным электронным СМИ источником идентичности участников политического процесса.

В этом смысле убедительно звучат слова датского исследователя новых форм управления и политики Э. Соренсен о совершаемом сегодня переходе «от эры бюрократического правления к эре сетевого управления ... Политические системы медленно, но верно трансформируются от иерархических форм организации, единой, централизованной системы

управления посредством законов, правил и регламентаций к горизонтально-организованной и относительно фрагментированной системе руководства, осуществляемого посредством саморегулирующихся сетей. Причинами такого перехода являются: значительно возросшая роль международных политических институтов, новые управленческие технологии, обеспечивающие саморегуляцию административной системы и более интенсивная кооперация между государственными и частными акторами»²²⁹.

Безусловно все эти изменения оказались возможными только в условиях технологической революции, обеспечившей и политиков, и граждан принципиально новыми виртуальными инструментами участия.

Технологическое развитие в начале XXI века и, прежде всего, появление и распространение сетевых информационно-коммуникационных инструментов открыли возможность для подавляющего большинства граждан стать активными созидателями, со-авторами информации. Отсюда последовал экспоненциальный рост плотности и скорости информационных обменов, а также новая роль знаний, ставших основным двигателем общественно-политического и экономического развития.

Кардинальные изменения в структуре коммуникаций и доступности информационных потоков помимо очевидных преимуществ принесли и существенные проблемы для обеспечения устойчивости современных политических систем и сохранения государственного суверенитета.

Основным источником беспокойства здесь стали т.н. «цветные революции», которые наглядно продемонстрировали эффективность использования глобального характера сетей, обеспечивающего значительную степень вмешательства во внутривнутриполитические проблемы внешних акторов, в большинстве случаев провоцирующих протестные выступления и навязывающих затем сценарий их развития. Сетевые инструменты в большинстве случаев запускали т.н. «эффект бумеранга», оказывающего

²²⁹ *Sorensen E. Democratic Theory and Network Governance // Administrative Theory and Praxis. Vol. 24. №24, P. 693.*

усиленное зарубежными СМИ обратное дестабилизирующее воздействие на политическую ситуацию в стране.

Другим примером эффективной сетевой информационной войны, направленной, правда преимущественно против западных демократий, стал феномен Wiki Leaks, который «обозначил одну из важных демаркационных линий, проводящих различие «старого» (основанного на иерархии и жестком правовом порядке) и «нового» (уже растворенного в глобальных сетях) государства, а также противоречивость и конфликтность этих двух модальностей»²³⁰. Случай Wiki Leaks заставил западных лидеров впервые серьезно задуматься о границах свободы интернета и обоюдоостром характере новых форм сетевых информационных войн, ведущих в конечном итоге к подрыву суверенитета национальных государств.

Необходимо отметить, что данная проблематика отнюдь не замыкается в сфере практической политики.

В соответствии с поставленными во введении задачами, автор провел анализ основных теоретических подходов к исследованию политического участия, в результате которого пришел к выводу о том, что существующие на сегодняшний день концепции и теоретические модели, демонстрируют недостаточность инструментального подхода, осуществляемого в логике постиндустриализма и теории информационного общества, для объяснения феномена новых, сетевых форм политического участия. Востребованной оказывается методология, позволяющая адекватно проанализировать то, как меняется содержание современного политического участия в терминах идентичности социальных и политических групп, их институционального оформления и оппозиции властным институтам. Данный вывод определяет перспективность проводимого исследования, возможность его дальнейшего развития в рамках политической теории.

²³⁰ Курочкин А.В. Трансформация государственного суверенитета в условиях становления сетевого общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2012, № 12. Ч.3, С. 95-99.

Решение следующей задачи исследования – проведение сравнительного анализа новых форм и инструментов политического протеста в России и на постсоветском пространстве XXI в., доказало ведущую роль новых средств массовой коммуникации – социальных сетей, обладающих целым комплексом уникальных характеристик: высокой доступностью для пользователей, периодичностью и быстротой обновления информации, интерактивностью (встроенным механизмом мгновенной обратной связи), что определяет их высокий мобилизационный и координационный потенциал.

Исследование компенсаторной (замещающей) и мобилизационной функций различных сетевых ресурсов - контактных и контентных сетей, выделяемых по характеристикам направленности информации, открытости, интерактивности, привел автора к выводу о том, что они обладают разным потенциалом влияния на мобилизацию, консолидацию и координацию участников политического процесса. При этом ключевыми характеристиками сетевых ресурсов в аспекте обеспечения коммуникативно эффективного политического участия является их мультифункциональность, потенциал формирования доверия к информации и распространяющим ее акторам, а также их социальность.

Сравнительный анализ трех случаев «цветных революций» (Молдовы, Кыргызстана и Украины) 2004-2014гг., а также российской практики развития сетевых форм политического участия с 2011 по 2015 гг. показал, что различные стратегии государственной политики в сфере развития и регулирования механизмов электронной демократии приводят к разным, иногда диаметрально противоположным результатам в аспекте обеспечения устойчивости режимных характеристик, сохранения самостоятельности и эффективности внутриполитического курса. В отличие от большинства государств постсоветского пространства, испытавших всю мощь развязанных в сетевом пространстве информационных войн, Российской Федерации удалось не только сохранить стабильность собственной политической

системы, но и отстаивать свои позиции на международной арене. В период после 2011 г. активная государственная политика по использованию основных видов сетевых ресурсов в значительной степени способствовала снижению неконвенционального политического участия жителей крупных городских центров (так называемых «рассерженных горожан» или «креативного класса») и канализировала их гражданскую активность в направлении обсуждения и решения локальных социальных и экономических проблем.

Решение задачи определения отличительных характеристик институционального дизайна сетевого политического участия в России, влияющих на эффективность его мобилизационного и координационного потенциала, привело автора к выделению трех ключевых условий эффективного политического интернет участия:

1. Наличие стабильной институциональной среды, формируемой как формально-правовыми, так и неформальными институтами, определяющими ясные правила игры для всех акторов, а также гарантирующие их свободу деятельности в сети.

2. Обеспечение сетевыми сервисами реальной вовлеченности различных акторов в процесс разработки, обсуждения и принятия политических решений. Речь идет об эффективно и постоянно действующей системе обратной связи между гражданским обществом и государством.

3. Наличие и институциональное обеспечение свободной конкуренции мнений и предложений относительно политической повестки дня со стороны всех заинтересованных акторов, а также использование различных форм координации взаимодействий и легитимирующих их ценностных порядков.

Анализ степени реализации этих условий в современной России выявил целый ряд нерешенных проблем. Сложность федеративной структуры государственного устройства, неравномерность развития регионов приводят к отставанию многих территорий в процессе развития механизмов

электронного участия и электронной демократии. Значительные различия в готовности к виртуальному взаимодействию с гражданами, обеспечению прозрачности своей деятельности и реальной интерактивности демонстрируют также и федеральные ведомства. Слишком медленными темпами происходит обновление административной культуры на всех уровнях государственной власти. Чиновники в большинстве случаев демонстрируют формальное отношение к инициативе открытого правительства, непонимание необходимости развития механизмов сетевого участия.

С другой стороны, необходимо отметить и высокую степень неготовности самих граждан к конструктивному участию в работе различных интерактивных проектов, электронном голосовании, разработке и подписании петиций онлайн. Здесь очевидно сказывается недостаток знаний и доверия к новым технологиям (особенно у пожилого поколения) политической и правовой культуры, а также в целом слабость институтов гражданского общества.

СПИСОК ЛИТУРАТУРЫ

Нормативные акты:

1. Государственная программа «Информационное общество (2011- 2020 годы)» // Российская газета [Электронный ресурс] URL:

<http://rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html>

2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. //Российская газета, 21 января 2009

3. Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года. [Электронный ресурс] URL: http://rario.ru/projects/Congress_conception.php

4. Указ Президента Российской Федерации 7 мая 2012 года №601

«Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Российская газета - Столичный выпуск №5775 (102), 2012 г.

5. Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1995, №88.

6. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета - Федеральный выпуск №4131 (0), 2006 г.

7. Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Российская газета - Федеральный выпуск №4849 (0), 2009 г.

8. Федеральный закон от 7 июня 2013 г. N 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных

технологиях и о защите информации" и Федеральный закон "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления"» // Российская газета - Федеральный выпуск №6100 (124), 2013 г.

9. Федеральный закон, «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы» // Российская газета от 15 января 2003., №5

Монографии:

10. Акопов Г.Л. Информационно-коммуникационные технологии в системе местного самоуправления. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2010.

11. Акопов Г.Л. Сетевая политика российских партийных элит (проблемы теории и практики). Ростов-на-Дону: РОСБЛАНК, 2003

12. Акопов Г.Л. Netсообщество и его политические коннотации (проблемы теории и практики). Ростиздат. Ростов-на-Дону, 2010.

13. Алескеров Ф. Т., Ортешук П. Выборы. Голосование. Партии. М.: Academia, 1995, 206 с.

14. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4, 376 – 644 с.

15. Ашкеров А. Ю. По справедливости: эссе о партийности бытия. М., Европа, 2008, 248 с.

16. Ашкеров А. Экспертотократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. М.: Европа, 2013, 129 с.

17. Бакушев В.В. На пути к информационному обществу в России: организация госуслуг в электронной форме. М.: ИГ «Граница», 2011, 366 с.

18. Бакушев В.В. Применение сетевых технологий при обучении государственных служащих: методика и организация / В.В. Бакушев, Л.А. Василенко, А.В. Кононенко, И.Н. Рыбакова. М., 2006

19. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Перевод с шведского языка. — СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. — 252 с.

20. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред В. Л. Иноземцева; Центр исслед. постиндустр. о-ва, журн. «Свободная мысль». М: Логос, 2002, 390 с.
21. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008, 240 с.
22. Баунов А. Wiki Leaks. Дипломатия с черного хода. - М.: Эксмо, 2011, 320 с.
23. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну: Пер. с нем. М.: Прогресс - Традиция, 2000, С. 106
24. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. с. 330-342
25. Бенчмаркинг: поиск примеров эффективной маркетинговой практики инновационных релей-центров / общ. ред. Иванова В., Клесова С. М.: ЦИПРАН РАН, 2006, 264 с.
26. Бондаренко С.В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Изд-во Рост.ун-та, 2004, 320 с.
27. Василенко В.И., Василенко Л.А. Интернет в системе государственной службы. М.: Изд-во РАГС, 1998
28. Варакин Л.Е. Глобальное информационное общество: Критерии развития и социально-экономические аспекты. -М.: Междунар. акад. связи, 2001
29. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. - СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001, 253 с.
30. Водолагин А.А. Интернет-СМИ как арена политической борьбы // ОНС: общественные науки и современность. 2002. - №1, 49-67 с.
31. Войнов Д.А. Становление и развитие информационного пространства современной России. - Шуя: изд-во «Весть» ГОУ ВПО «ШГПУ», 2005.
32. Гаврилова И.Н. Проблемы политической социализации молодежи России: (По итогам социологических исследований молодежи 1991-1993 гг.)/

В кн.: Молодежь России: 90-е годы. М.: РАН. Ин-т сравнит, политологии рабочего движения, 1995, 55 с.

33. Гончаров Д.В. Теория политического участия. М.: Юрист, 1997, 702 с.
34. Горбатюк Н. WikiLeaks. Разоблачения, изменившие мир. М.: ЭКСМО, 2011, 207 с.
35. Гордеев К.Ю., Манягин В.Г. В тени тенет: кошмар сетевой цивилизации. — М.: Издательство «Библиотека Сербского Креста», 2003
36. Градосельская. Г.В. Сетевые коммуникации в профессиональном сообществе. //Коллективная монография под. Ред. Г. С.Батыгина, Л.А.Козловой, Э.М. Свидерски. Социальные науки в постсоветской России. //Институт социологии РАН, Университет Фрибурга, Швейцария. Москва, «Академический Проект», 2005. с. 228-261
37. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. А. Уриновский. М.: Опустошитель, 2014, 184 с.
38. Дугин А.Г. Сетевые войны: угроза нового поколения. - М.: Издательство «Евразийское движение», 2009.
39. Завадская М., Савельева Н. «А можно я как-нибудь сам выберу: выборы как «личное дело», процедурная легитимность и мобилизация 2011-2012 годов // Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011-2013 годов / под ред. С. Ерпылевой, А. Магуна. М., 2014. 219-270 с.
40. Засурский Я.Н. К мобильному обществу: утопии и реальность М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009, 304 с.
41. Иноземцев В.Л. Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века М.: Издательство «Европа», 2010, 318 с.
42. Интернет в общественной жизни. М.: Идея-Пресс, 2006
43. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

513 c.

44. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. М.: Academia, 1999. С. 494
45. Ковлер А.И., Смирнов В.В. Демократия и участие в политике. Критические очерки истории и теории / Отв. ред.: Шахназаров Г.Х. - М.: Наука, 1986, 192 с.
46. Курочкин А.В. Инновационная политика в условиях сетевого общества (североевропейская модель). СПб.: Изд-во РХГА, 2013, 132 с.
47. Курочкин А.В., Шерстобитов А.С. Политика и государственное управление в условиях сетевого общества. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012, 152 с.
48. Коротков А.В., Кристальный Б.В., Курносков И.Н. Государственная политика Российской Федерации в области развития информационного общества / Под научной редакцией А.В. Короткова. – М.: ООО «ТРЕЙН», 2007. – 472 с.
49. Костин Н.А. Теория информационной борьбы. М., 1996
50. Кузьмин А.М. Принципы управления в глобальном информационном обществе. М.:2010
51. Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель; CORPUS, 2011, 320 с.
52. Льюис М. NEXT. Будущее уже началось: Пер. с англ. -СПб.: «Крылов», 2004.
53. Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М.: Изд-во МГУ, 1999
54. Мирошниченко И.В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013, 295 с.
55. Мирошниченко И.В., Морозова Е.В., Гнедаш А.А., Рябченко Н.А. Социальные сети в публичной практике современной России: модернизационный потенциал. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012, 181 с.
56. Модесов С.А. Информационное пространство как фактор геополитической конкуренции. М., 1997

57. Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ, 2014. – с. 186
58. Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели. М.: РОССПЭН, 1999, 247 с.
59. Народ — партии — власть: общественно-политические движения как предмет исследования. — Научные труды МГЛУ. М., 1997
60. Орлов С.В., Хохлов Ю.Е. Москва и информационное общество. – М.: Ин-т развития информ. общества, 2001. – 799 с.
61. Панарин И.Н. Информационная война и власть. - М.: «Мир безопасности», 2001
62. Пеньков В.Ф. К вопросу о взаимодействии и взаимовлиянии политической культуры и политического участия // Человек, политика, культура: Взгляд через призму политического участия / Под. ред. З. М. Зотовой. - Тамбов.: Изд-во-МИНЦ, 1994, 5-14 с.
63. Петухов В. Политическое участие россиян: характер, формы тенденции// Российское общество: становление демократических ценностей? /Майкл Мак-фол и Андрей Рябов. Московский Центр Карнеги. - М.: Изд-во Гендальф, 1999, 198-228 с.
64. Поликанов Д. Политические технологии и Интернет // Азия и Африка сегодня. 2002
65. Попов А. Блоги. Новая сфера влияния. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. 336 с.
66. Почепцов Г.Г. Информационно-политические технологии. М.: Центр, 2003.
67. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М.: Релфбук, 2002
68. Рассохин Д., Лебедев Л. WorldWideWeb — всемирная информационная паутина в сети Интернет. М.,1997.
69. Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция. М.: Фаир-пресс, 2006, 416 с.

70. Россия: партии, выборы, власть / Под общ. ред. В.Н. Краснова. М., 1996, 250 с.
71. Садовничий В.А., Васенин В.А., Мокроусов А.А., Тутубалин А.В. Российский Интернет в цифрах и фактах. - М.: Изд-во МГУ, 1999
72. Смолян Г.Л., Д.С. Черешкин, О.Н. Вершинская и др. Путь России к информационному обществу (предпосылки, индикаторы, проблемы, особенности). М., 1997.
73. Сморгун Л.В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI .веке. СПб.: Изд. С.-Петербург. ун-та, 2012, 362 с.
74. Уорли Б. Интернет: реальные и мнимые угрозы. М. 2004, 320 с.
75. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004, 400 с.
76. Цыганов В.В. Информационные войны в бизнесе и политике: Теория и методология. М. Академический проект. 2007, 336 с.
77. Чернов А.А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы – Монография//М., 2003, «Дашков и К°» - 232 с.
78. Чугунов А.В. Российская интернет-аудитория в зеркале социологии. СПб.: изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 320 с.
79. Чугунов А.В. Социология Интернета: методика и практика исследований интернет-аудитории. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2007, 130 с.
80. Чучкевич М.М. Основы управления сетевыми организациями. – М.: Изд-во Института социологии, 1999. – 38 с.
81. Юркевич Ю. Политическая активность субъекта (методологический аспект исследования). Киев. 1990
82. Alexander J. Performative revolution in Egypt: an essay in cultural power. London: Blumsbury academic. 2012, 144 p.

83. Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, N.J., 1963. 562 p.
84. Barber B. *Participatory Democracy* // *Encyclopedia of Democracy*. Vol. 3 N.Y., 1995. P.923
85. Barber B. *Consumed: How Markets Corrupt Children, Infantilize Adults, and Swallow Citizens Whole*. N.Y.: Norton, 2007.416 p.
86. Barber B. *Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age*. Berkley: Univ. of California Press, 1984. 422 p.
87. Castells M. *The Power of Identity. The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. II*. Oxford, UK: Blackwell Publishing, 2004.
88. Castells M. Cardoso G., eds., *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005.
89. Castels M. *The End of the Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture*. Cambridge, MA; Oxford, 1998
90. Coleman S. *The e-Connected World. Risks and Opportunities*, London, 2001. P. 138
91. Grossman L.K. *The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age*. – N. Y.: Viking Penguin, 1995, 290 p.
92. Jenkins H. *Convergence: Where old and new media collide*. New York: New York University Press. 2006, 318 p.
93. Lane R.A. *Political Life and How People Get involved in Politics*. N.Y., 1965, P. 118.
94. Mandelbaum S., Albrechts L. *Network Society: A New Context for Planning*. NY, 2005.
95. Mansell R., *When U. Knowledge Societies: Information Technology for Sustainable Development* Oxford, Oxford University Press, 1998
96. Putnam R. D. *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York: Simon & Schuster, 2000.

97. Smelser N.J. Theory of collective behavior. London: Routledge and Kegan Paul and New York: The Free Press of Glencoe, 1962.

98. Van Dijk J. The Network Society: Social Aspects of New Media. Sage Publications (CA) 2005, P. 304.

99. Verba, S., & Nie, N. H. Participation in America: political democracy and social equality. New York: Harper & Row, 1972, 452 p.

Статьи в сборниках

100. Антонов Я.В. Международный опыт электронного голосования // Сборник конкурсных работ в области избирательного права и избирательного процесса, повышения правовой и политической культуры избирателей (участников референдума), организаторов выборов, участников избирательных кампаний, выполненных студентами и аспирантами высших учебных заведений (юридических вузов и факультетов, правовых кафедр) Российской Федерации в 2010/2011 учебном году. – М.: РЦОИТ, 2011, 43–60 с.

101. Ильин А.С. Краудсорсинг как инструмент модернизации государственного и муниципального управления. // Материалы VIII международной научно-практической конференции «Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития», 31 мая -1 июня 2012 г. М.: ИНИОН РАН, 2012.

102. Макаров Б. В. Демократия и Интернет. // Технологии информационного общества - Интернет и современное общество: Материалы Всероссийской объединенной конференции. Санкт-Петербург, 20-24 ноября 2000 г. - СПб.; 2000.

103. Шадрин А.Е. Интернет и развитие сетевых организаций // Вторая Всероссийская научно-методическая конференция «Интернет и современное общество» СПб., 2000.

Статьи в периодических изданиях

104. Акопов Г.Л. Политический спам - новое явление в российском Интернете // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». 2004, №3

105. Александер Дж. Об интеллектуальных истоках «сильной программы» / пер. с англ. Д. Куракина // Социологическое обозрение. Т. 9. № 2, 2010, с. 5-10

106. Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильная демократия // Политические исследования 1992, № 4, С. 122-134

107. Анохин М.Г., Комаровский В.С. Информационные технологии в политике // Политика: возможность современных технологий. – М.: РАГС, 1998. – С.230-246.

108. Анохин М.Г., Павлютенкова М.Ю. Информационно-коммуникативные технологии в политике // Вестник РУДН. – Серия: Политология. – 1999. – № 1. – С.40–52.

109. Батлер Дж. Ну, и чего вам надо? И куда это идет? // Неприкосновенный запас 2013, 2(88) С. 13–20

110. Болховитина Т.С. О политическом участии: из истории политической мысли // Известия Тульского государственного университета

№3, 2011. С.253-261

111. Борисов И.Б. Голосование с использованием Интернета // Журнал о выборах. 2006, №3, С. 55-58

112. Бритвин Н. Социальные сети как прообраз общественного устройства // Власть №1, 2008, с. 45-49

113. Вершинин М.С. Электронная демократия: российские перспективы // Информационное общество № 1, 2002, с. 17-18.

114. Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации №1, 2012

115. Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации РФ, № 2-3, 2011, 380 с.

116. Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, № 2, 2012, 197 с.

117. Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, № 7, 2006, 122 с.

118. Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, № 11, 2011 150 с.

119. Володенков С. Современная коммуникация как основа эффективной политической кампании// Вестник МГУ. Политические науки. Серия 12, №1 2010, С. 14-28.

120. Гаврилова И. Н. Политическая социализация молодых.// Свободная мысль. 1996, №7, С.18-20

121. Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис 1997, № 4, С. 44- 56

122. Дрожжинов В.И. Электронное правительство // Совершенствование государственного управления на основе его реорганизации и информатизации. Мировой опыт. М.: Эко-Трендз, 2002. С. 11 - 88

123. Евстафьев В.А. Категория политического участия в зарубежной и отечественной политической науке // Вестник Полесского

государственного университета, 2015, №1, С. 51 // с.51-37

124. Ирхин Ю.В. Системный сравнительный анализ становления и трансформации "электронного правительства" / Научный эксперт. Электронный журнал Центра проблемного анализа при Отделении общественных наук РАН. №6. 2008. С. 27-44

125. Ирхин Ю.В. Электронное правительство: теория и практика / Государственная служба. Научно-политический журнал РАГС. М, РАГС, 2008. - №4. С. 160-172

126. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество: аналитическое исследование // Мир России. 2000. № 1. С.28–30.

127. Кислицына И. С., Кислицын С. А. Сайты политических партий – каковы перспективы? Анализ партийных интернет-коммуникаций в период избирательных кампаний 2007-2012 гг. // Политическая наука. № 1. 2013, с. 209-231

128. Ключенко Э. Политическое участие: теория, методология и измерение с применением метода шкалограммирования по Гутману. // Социология: теория, методы, маркетинг, 2005, №4. С. 46-72

129. Коллинз Р. Теория конфликта в современной макроисторической социологии // Философская и социологическая мысль. – 1993. №6. С.81-99

130. Коломиец В. П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологическое исследование. 2010. №1, с. 58-66

131. Комаровский В.С. Демократия и выборы в России: теория и история вопроса. — "Социс", 1996, № 6, с.18-31

132. Колотвин П.А. Мировой опыт влияния современных

общественных сетевых инициатив на политическую интеракцию между властью и обществом // *Teoria i praktyka—znaczenie badań naukowych. Теория и практика актуальных научных исследований* – Lublin: Diamond trading tour, 2013, 97–102 с.

133. Кондаков А. Новые конфигурации политики после квир-философии Джудит Батлер: протестные движения в России и проблемы их осмысления // *Неприкосновенный запас* №4 (90) 2013. С.179-190

134. Кочетов А.Н. Влияние Интернета на развитие общества // *Информационное общество*, 1999, № 5, с. 43-46.

135. Кристальный Б.В., Орлов С.В. Человек в информационном обществе // *Информационное общество*. – 2012. – № 6, 35-49 с.

136. Курочкин А.В. Краудсорсинг как новый метод политического управления в условиях сетевого общества // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 9-1 (35). С. 78-81

137. Курочкин А.В. «Коммуникативная эффективность»: концептуализация понятия и перспективы использования в теории и практике государственного управления // *ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ*. 2013. №4. с. 83-92

138. Курочкин А.В., Никифоров А. А. Гражданские инициативы в условиях сетевого общества: новые возможности и ограничения // *Современные исследования социальных проблем* №1, 2015, с. 239-252

139. Курочкин А.В., Парфенова Ю.В. Новые формы представительства интересов и «сетевая публичность» // *Управление публичной политикой: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова*. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015 с. 62-70

140. Курочкин А. В. Политика в условиях сетевого общества: новая структура и содержание // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3. Ч. 2., с. 113-117.

141. Литвиненко А.А. ВЕБ 2.0. во внешней коммуникации политических партий Германии // Теория и практика общественного развития. № 2. 2012. с. 262-264

142. Мартьянов Д.С. Виртуальные сообщества в блогах: практика взаимодействия с политическими акторами / Мартьянов Денис Сергеевич // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. - СПб., 2007. - N 13(36), С.67-75

143. Мартьянов Д.С. Политические акторы в сети Интернет // Штудии: Альманах научно-образовательной практики. Вып. 4. - СПб, РГПУ им. А.И. Герцена, 2004, с. 44-48

144. Мартынов К. От slackтивизма к республике: почему интернет-революции становятся реальностью // ЛОГОС №2, 2012, с. 19-27

145. Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М. Изд-во Междунар. Ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 393-461

146. Морозова Е.В.. Мирошниченко И.В. Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и для власти // "ПОЛИС", 2011, №1, С.141-153

147. Нисневич Ю.А. Информационно-коммуникационная стабилизация политической системы. Вестник Российского университета дружбы народов, серия Политология, 2006, №1

(6), с.68-80

148. Олейник А.Н. Массовые протесты в контексте русской власти // *Общественные науки и современность* 2012 №4 с 74-80

149. Орлов С.В. Роль государства в развитии информационного общества / С.В.Орлов, Б.В.Кристалый // *Информ. ресурсы России*. - 2014. - N 2, С.6-12

150. Песков Д.Н. Интернет в Российской политике: утопия и реальность // *Полис*. – 2002. - №1. – С.31-45.

151. Поливаева Н.П. Политическое сознание россиян в 90- е годы: состояние и некоторые тенденции развития. — *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 1997, № 5, с.40

152. Попов В.Д. Государственная информационная политика: состояние и проблемы формирования / *Массовые информационные процессы в современной России: Очерки* / Отв. ред. А.В. Шевченко. М.: Изд-во РАГС, 2002. С. 20-30

153. Пфетцер С. А. Теоретико-методологические основания анализа проблемы политического участия // *Вестник КемГУ*, 2013 №3, с.103-110

154. Смелзер Н. Дж. О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии // *Социологические исследования*. 2004. №11. С. 3-12

155. Смирнов В.В. Концепции политического участия в западной политологии // *Ежегодник САПН* 1985 г. – М., 1986, С.106-113

156. Сморгунов Л.В. Сетевые политические партии // *Политические исследования. Полис* № 4, 2014, с. 21-37

157. Сморгунов Л.В. Электронное правительство, менеджмент знания и административные реформы // *Политэкс. Политическая*

- экспертиза. Альманах. Вып. 2. СПб.: Изд. С.-Петербур. ун-та, 2005, с. 213-225
158. Соколов А.В., Дементьев А.А. Онлайн-фандрайзинг в России: особенности, примеры и результаты // Вестник Пермского университета. Серия ПОЛИТОЛОГИЯ. 2013, №1, С. 20-35
159. Соколов А. В., Грушина Е. П. Условия развития политической активности в сети Интернет // Вестник Пермского университета. Выпуск №1 (29), 2015, с. 157-168
160. Титов В.В. Политическая самоидентификация и модели протестного поведения пользователей Рунета (по материалам контент-анализа социальных сетей «Вконтакте» и «Facebook») // Мониторинг общественного мнения №8 (114) март-апрель 2013, с.177-179
161. Титков А. Культурсоциология против фараона: «перформативная революция» в Египте // Социологическое обозрение Т.II, №2, 2012. с.122-130
162. Туронок С.Г. Интернет и политический процесс // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 51-63.
163. Уварова Н.Д. Проблема политического участия в отечественной литературе // Проблемы политологии и политической истории. - Вып. 6. - Саратов., 1996, 78-94 с.
164. Фархатдинов Н. Питер Сноу. «Перформанс общества» // Социологическое обозрение . т. 10, №1-2.2011. с.75-78
165. Холмская М. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // ПОЛИС. 1999. №5, с. 170-176
166. Чеснаков А.А. Ресурсы INTERNET и российские политические технологии: состояние и перспективы развития // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 1999. N 4. С. 65-69

167. Чувашова Н. И. Политический протест в современной России // Теория и практика общественного развития №6, 2013, с. 143-145

168. Чугунов А.В. «Электронное правительство»: формирование его правовой базы в России // Вестник ФГУ «Государственная регистрационная палата» при Министерстве юстиции Рос. Федерации. 2009. №4. С. 34-46.

169. Шерстобитов А.С. Моделирование политических сетей как метод анализа публичной политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения – 2012, № 4, с. 102-108

170. Bimber B. The Internet and Citizen Communication With Government: Does the Medium Matter? // Political Communication, №26 – 2009, P. 212-218.

171. Cornfield M., Rainie L. The Internet and Politics: No Revolution, Yet
// Pew Internet & American Life Project – November 6, 2006, 27 p.

172. Coser L.A. The Functions of Social Conflict // Sociological Theory: A book of Readings N.Y., 1957. pp. 199-203

173. Kim J., Wyatt R. O., & Katz E. News, talk, opinion, participation: The part played by conversation in deliberative democracy // Political Communication, № 16, 1999. Pp. 361–385

174. Krueger B. S. Assessing the potential of Internet political participation in the United States: A research approach // American Politics Research, 30, 2002, 476–498 p.

175. Mair P. and Biezen I. Party Membership in Twenty European Democracies, 1980-2000 // Party Politics, vol 7 no 1, 2001, 5-21 p.

176. Meijer A., Burger N., Ebbers W. Citizens: Mapping participatory practices on the Internet // Electronic Journal of e-Government, 7(1), 2009, 99-112 p.

177. Ostrom E. A Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action. - American Political Science Review, vol. 92, № 1. 1998, 1-22 p.

178. Reddick C., Aikins S. Web 2.0 Technologies and Democratic Governance // Public Administration and Information Technologies, Vol. 1, Springer Science and Business Media – New York, 2012, pp. 1-7.

Интернет-источники

179. 14 октября — момент истины. 12.10.2012 [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=238&uid=113195>

180. Асмолов Г. Кризис представительства и сетевая политика // Еженедельный журнал. Июль 2011 [Электронный ресурс] URL: <http://touch.ejnew.com/?a=note&id=11210#>

181. Бауман З. Способны ли Facebook и Twitter помочь распространению демократии и прав человека? // Русский журнал 10.2010 [Электронный ресурс] URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Sposobny-li-Facebook-i-Twitter-pomoch-rasprostranenyu-demokratii-i-prav-cheloveka>

182. Беркович О. Как на самом деле устроен политический интернет [Электронный ресурс] URL: <http://govoritmoskva.ru/blogs/574/>

183. В ЦИК РФ будет создан специальный IT-департамент и разработан соответствующий законопроект [Электронный источник] URL: <http://izvestia.ru/news/592844#ixzz442KMZx8H>

184. Войнов Д.А., Павлютенкова М.Ю. Интернет-диалог как новая форма политического участия граждан. [Электронный ресурс] URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=630496&soch=1>

185. Демократия 2 [Электронный ресурс] URL: <http://democratia2.ru>
186. Душина М.О. Методы сетевой коммуникации в дигитальном обществе: бенчмаркинг, краудсорсинг, краудфандинг [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/metody-setevoy-kommunikatsii-v-digitalnom-obschestve-benchmarking-kraudsorsing-kraudfanding>.
187. Единый портал электронной демократии Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://e-democratia.ru>
188. Зыков В. ФСБ готовит закон против анонимности в интернете Известия 16 августа 2013г. [Электронный источник] URL: <http://izvestia.ru/news/555552>
189. Информационная система общего пользования «Демократор» [Электронный ресурс] URL: <http://democrator.ru>.
190. Использование Интернет-технологий в решении коммуникативных проблем в сфере политики и бизнеса. Теория и практика: доклад Фонда эффективной политики. [Электронный ресурс] URL: <http://www.fep.ru/publications/internet/27.02.2001-doclاد.html>
191. К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО – Париж: ЮНЕСКО, 2005 [Электронный ресурс] URL: <http://www.ifap.ru/library/book042.pdf>
192. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php
193. Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года. [Электронный ресурс] URL: http://rario.ru/projects/Congress_conception.php

194. Митяева Ю. В. Опыт проведения интернет – голосования на выборах и референдумах в России и за рубежом [Электронный ресурс] URL: <http://www.rcoit.ru/technologies/detail.php?ID=17065>

195. О’Рейли Т. Что такое Web 2.0. [Электронный ресурс] URL: <http://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html>

196. Панарин И.Н. К вопросу о возможности голосования через Интернет [Электронный ресурс] URL: <http://panarin.com/vibori/16-k-voprosu-o-vozmozhnosti-golosovaniya-cherez-internet.html>

197. ПМЭФ-2012: глава Сбербанка Герман Греф предложил готовиться к кризису // Деловой Петербург 21 июня 2012 [Электронный ресурс] URL: http://www.dp.ru/a/2012/06/21/PMJEF-2012_glava_Sberbank/

198. Пробуждается ли российское общество? Аналитическая записка № 213 ПОНАРС Евразия Сентябрь 2012 года [Электронный ресурс] URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/perp213_russ_petrov_sept2012.pdf

199. Пробуждение из спячки: политические итоги 2011 г. // РБК (30 декабря 2011) [Электронный ресурс] URL: <http://www.rbc.ru/politics/30/12/2011/632432.shtml>

200. Проект «Наблюдение 2012» [Электронный ресурс] URL: <http://control2012.ru>

201. Селезнев Р.С. Экономика 2.0 и политика 2.0. – специфика социальных связей в среде социальных сетей (европейский пример) [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-2-0-i-politika-2-0-spetsifika-sotsialnyh-svyazey-v-srede-sotsialnyh-setey-evropeyskiy-primer>.

202. Солодников В.В. Потенциал социальных протестов в современной России [Электронный ресурс] URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_4/Solodnikov.pdf

203. Хау Дж. Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развития бизнеса [Электронный ресурс] URL:

http://thelib.ru/books/dzheff_hau/

kraudsorsing_kollektivnyy_razum_kak_instrument_razvitiya_biznesa-read-2.html

204. Хомайер М. Политическая коммуникация через Интернет - от эксперимента к реальности [Электронный ресурс]

URL: http://www.soc.pu.ru/persons/golovin/Student&Internet/3_12-Virtuelle_politische_Kommunikation.doc

205. Ширки К. Клэй Ширки: Как делать историю при помощи Интернета // Сноб 25.06.09. [Электронный ресурс]

URL:

<https://snob.ru/selected/entry/4133>

206. Allegretti G., Röcke A. , Sintomer Y. , Herzberg C. Participatory Budgeting and its Diversity // Муниципалитет: экономика и управление №2(5) 2013 [Электронный ресурс] URL:

<http://municipal.uapa.ru/en/issue/2013/02/01/>

207. Darrell R., Bilodeau B. Management Tools & Trends 2013. [Электронный ресурс]

URL:

http://www.bain.com/Images/BAIN_BRIEF_Management_Tools_%26_Trends_2013.pdf.

208. Larkinese V., Miner L. The Political Impact of the Internet on US Presidential Elections [Электронный ресурс] URL:

<http://personal.lse.ac.uk/larcines/>

209. Margetts H. The Cyber Party [Электронный ресурс] URL: http://www.governmentontheweb.org/sites/governmentontheweb.org/files/Cyber_party_paper.pdf.

210. Miner L. The Unintended Consequences of Internet Diffusion: Evidence from Malaysia [Электронный ресурс] URL: http://lukeminer.com/wp-content/uploads/2012/07/Miner_Draft2012.pdf

211. New Crowdfunding Act helps small businesses find investors. [Электронный ресурс] URL: http://www.huffingtonpost.com/2012/04/12/new-crowdfunding-law-help_n_1420708.html.

212. www.levada.ru (Раздел «Социологические опросы», доступ 29.01.2016) [Электронный ресурс].

Диссертации и авторефераты

213. Докука С. В. Коммуникация в социальных онлайн-сетях как фактор протестной мобилизации в России: дис... канд. социол. наук: 22.00.04

/ Докука София Владимировна. – М., 2014, - 150 с.

214. Коннычев Д.В. Политическое участие (на примере российского регионального процесса): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Коннычев Дмитрий Викторович. – Саратов, 2000, - 233 с.

215. Курочкин А. В. Государственное управление и инновационная политика в условиях сетевого общества: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02 / Курочкин Александр Вячеславович. – СПб., 2014, - 295 с.

216. Макаров Д.В. Проблемы политического участия: историко-теоретический анализ: дис. ... канд. полит. наук.: 23.00.02 – М., 1995, - 210 с.

217. Несмелова М.Ю. Политическое поведение студенческой молодежи в современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Несмелова Марина Юрьевна. – Казань, 1995, - 119 с.

218. Захаров С.Н. Политическое участие молодежи в условиях модернизации российского общества: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Захаров Сергей Николаевич. – М., 2001, - 134 с.

219. Ушкин С.Г. Влияние виртуальных социальных сетей на протестную активность в российском обществе: дис... канд. социол. наук: 22.00.04 / Ушкин Сергей Геннадьевич. – Саранск, 2015, - 168 с.

220. Чугунов А.В. Политика и интернет: политическая коммуникация в условиях развития современных информационных технологий: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Чугунов Андрей Владимирович. – СПб., 2000, - 179 с.

221. Шатин И.М. Коммуникативные стратегии российской политической власти в интернет-пространстве (2008-2011): дис... канд. полит. наук: 23.00.02 / Шатин Илья Михайлович. – М., 2012, - 207 с.

222. Щенина О.Г. Формы участия молодёжи в политическом процессе современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Щенина Ольга Геннадьевна. – М., 2005, - 165 с.